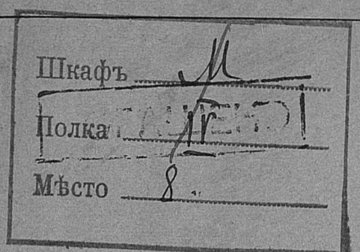
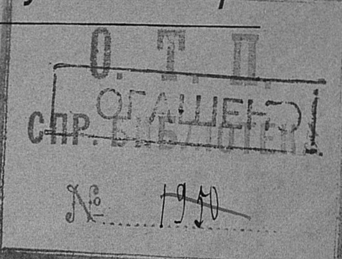

P 1/256

Комитетъ для помощи поморамъ Русскаго Сѣвера.

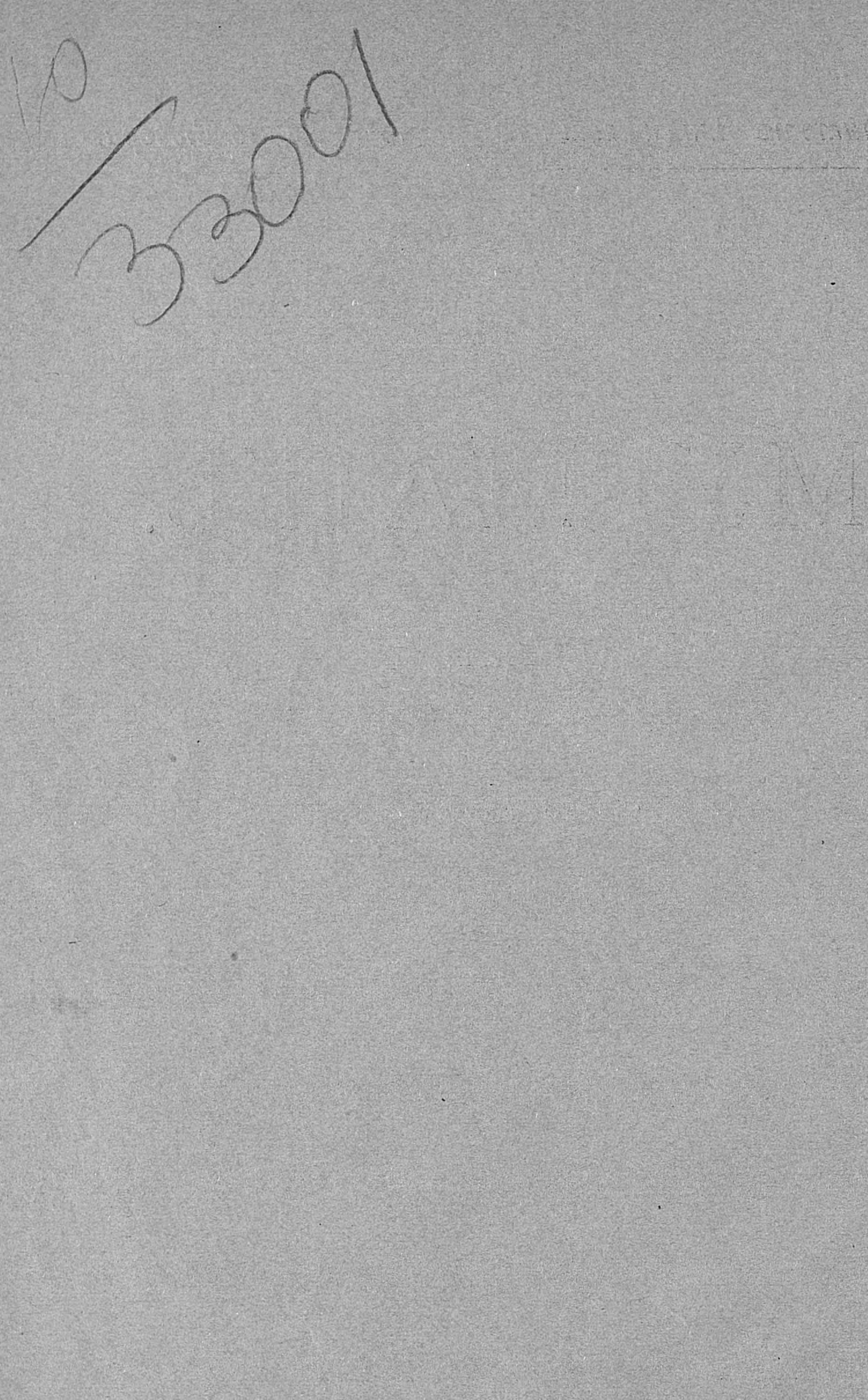

МУРМАНЪ.

Съ 82-мя рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Исидора Гольдберга, Екатерининскій кан., № 94.
1897.

10
33001

Комитетъ для помощи поморамъ Русскаго Сѣвера.

МУРМАНЪ.

Печатано по распоряженію С.-Петербургскаго Отдѣленія Императорскаго общества для содѣйствія Русскому Торговому Мореходству.

Съ 82-мя рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Исидора Гольдберга, Екатерининскій кан., № 94.
1897.

Печатано по распоряженію С.-Петербургскаго Отдѣленія Императорскаго общества для содѣйствія Русскому Торговому Мореходству.

МУРМАНЪ.

Въ прошлую зиму, по распоряженію г. министра финансовъ, я былъ командированъ, отъ Комитета для помощи поморамъ русскаго сѣвера, на Бѣломорское побережье, для собранія свѣдѣній, по вопросамъ: сиротскому, судо-страховому и промысловому. Въ маѣ, по представленіи Комитету отчета, моя командировка была продолжена, съ тѣмъ, чтобы я объѣхалъ восточный и западный берега Мурманскаго края и собралъ, на мѣстѣ, слѣдующія свѣдѣнія: 1) о состояніи тамошнихъ колоній и становищъ; 2) о мѣрахъ противъ морского звѣря „кожи", пугающаго у береговъ рыбу; 3) о снабженіи рыбопромышленниковъ наживкою; 4) о рыбныхъ промыслахъ и сравненіе ихъ съ норвежскимъ и 5) о положеніи покручниковъ, при переходѣ ихъ чрезъ Лапландскій полуостровъ.

Приступая къ разрѣшенію данныхъ задачъ, я намѣтилъ себѣ кружный путь, т. е. отправиться, частью по желѣзнымъ дорогамъ, частью водою, въ г. Архангельскъ, а отсюда, вдоль восточнаго берега, проѣхать до г. Колы; затѣмъ побывать въ Мотовскомъ заливѣ, обогнуть Рыбачій полуостровъ, добраться до р. Ворьемы, — составляющей нашу границу съ Норвегіей, — посѣтить норвежскіе города Вадсэ и Вардэ, и вернуться обратно въ Колу. Изъ Колы я предполагалъ переправиться чрезъ Лапландію, переѣхать Бѣлое море на Сумскій посадъ, а далѣе, на лошадяхъ, попасть въ Повѣнецъ. Изъ послѣдняго, я предначерталъ путь не на лошадяхъ, а на пароходахъ, чрезъ г. Петрозаводскъ, по Онежскому и Ладожскому озерамъ, рр. Свири и Невѣ, въ Петербургъ.

Пароходъ г. Кострова „Петербургъ" доставилъ меня изъ г. Вологды въ г. Архангельскъ 6-го іюля, на цѣлыя сутки позже, чѣмъ ушелъ въ океанъ пароходъ Мурманскаго общества. Принадлежащіе этому обществу пароходы, по линіямъ мурманской, кандалакшской и онежской, дѣ-

лаютъ рейсы одинъ разъ въ недѣлю; поэтому слѣдующаго рейса пришлось ожидать 6 дней. Я дорожилъ каждымъ днемъ, поэтому ожиданіе мнѣ было крайне неудобно. Впрочемъ, въ это время, успѣлъ, не спѣша, приготовить коекакіе дорожные предметы, а также составить разныя формы таблицъ, для занесенія въ нихъ собираемыхъ свѣдѣній.

А. Слезскинскій.

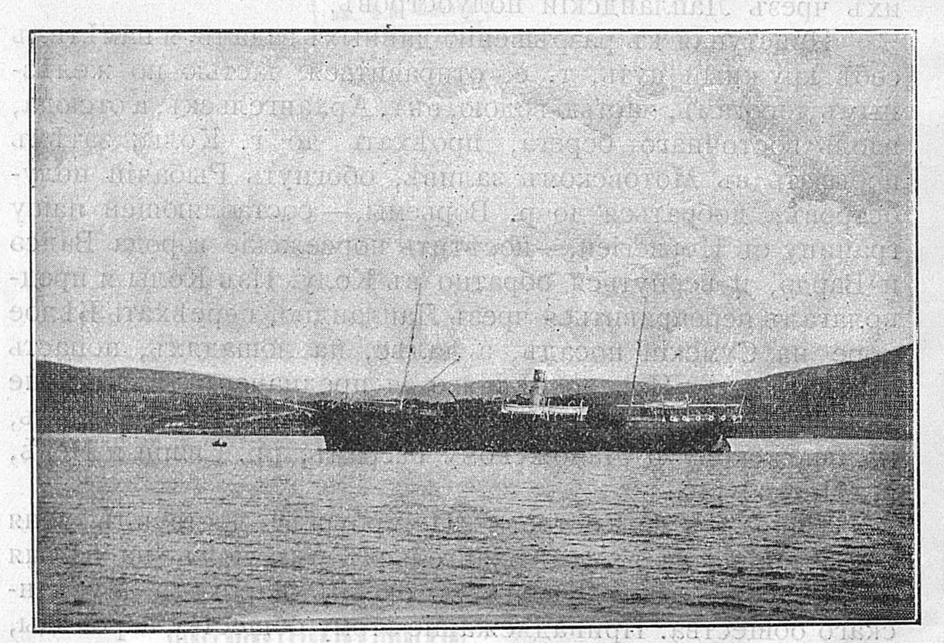
Колоніи и становища Восточнаго берега.

Лица.— Харловка.—Золотая. — Рында. — Трящина.— Щербиниха. — Захребетное. — Русская Оленница. — Шельпино. — Зеленецкое. — Гаврилово. — Голицыно. — Териберка. — Заоленье.—Зарубиха.

I.

Пароходъ „Императоръ Николай II".—Путь до св. Носа.

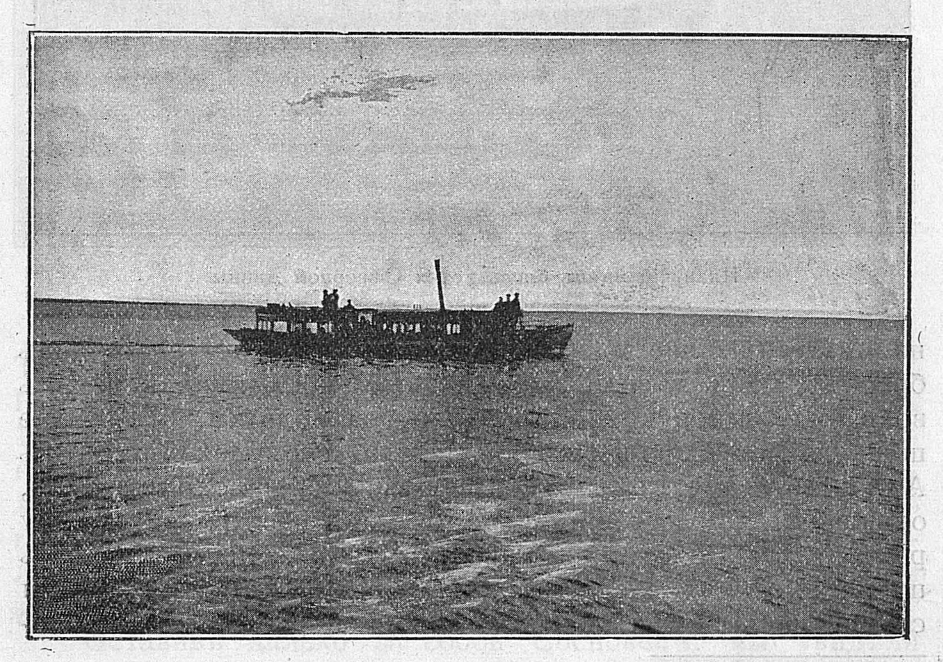
Въ часъ пополудни, 12 іюля, пароходъ „Императоръ Николай II" отваливалъ отъ пристани Саламбалы,

Пароходъ Императоръ Николай II.

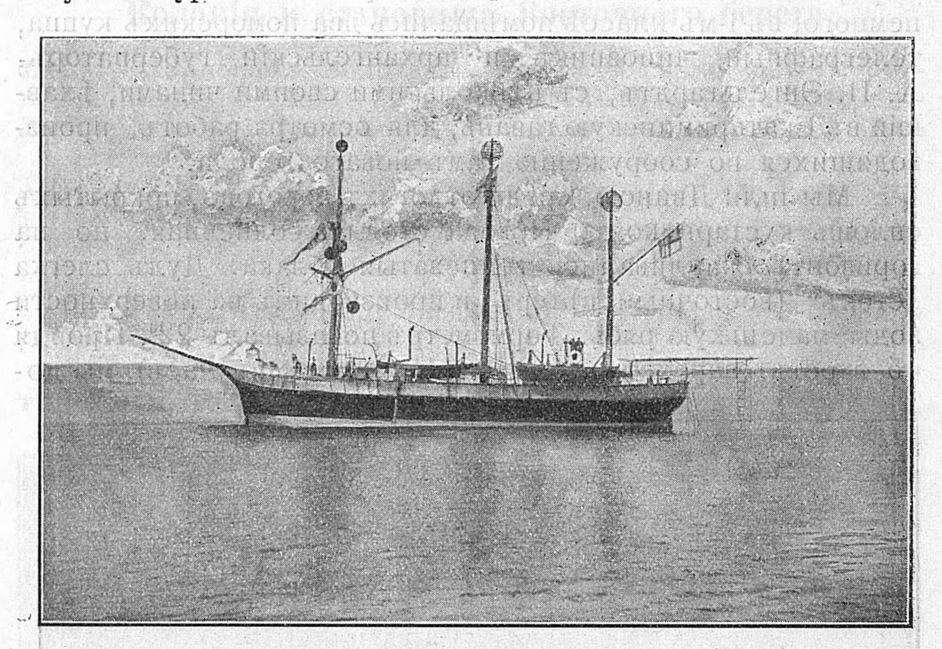
расположенной въ 5 верстахъ отъ г. Архангельска, направляясь въ океанъ. Этотъ пароходъ больше всѣхъ другихъ товаро-пассажирскихъ пароходовъ, плавающихъ на Ледовитомъ океанѣ. Всевозможныя приспособленія и удобства не оставляютъ желать лучшаго; II и III классы помѣстительны и хороши, а каюты и общій залъ I-го класса съ роскошной обстановкой. „Николай II“ двигался на фарватеръ Сѣверной Двины медленно; затѣмъ, повернувъ въ море, далъ полный ходъ. Пассажировъ на пароходѣ было немного; въ I-мъ классѣ помѣщались два поморскихъ купца, телеграфный чиновникъ и архангельскій губернаторъ, А. П. Энгельгардтъ, съ нѣсколькими своими чинами, ѣхавшій въ Екатерининскую гавань, для осмотра работъ, производящихся по сооруженію тамъ новаго города.

Мы шли Двиною, среди отлогихъ береговъ, покрытыхъ сплошь кустарникомъ. Погода стояла солнечная, но на горизонтѣ скапливались темноватыя облака. Дулъ слегка „стокъ“ (восточный вѣтеръ) и производилъ на поверхности воды маленькую рябь. Термометръ показывалъ 22°. Пройдя 45 верстъ (пароходъ дѣлалъ 11½ узловъ въ часъ), мы до-

Пассажирскій пароходъ Макарова, дѣлающій рейсы между Архангельскомъ и Саламбалой.

стигли, такъ называемаго, „сглавья“, а пройдя еще 7 верстъ были уже у Мудьюжскаго маяка. Между послѣднимъ и „сглавьемъ“ стоитъ башня,—которая, вмѣстѣ съ „сглавьемъ“ и маякомъ, представляютъ собой знаки, которые необходимы для пароходовъ, входящихъ съ моря въ Сѣверную Двину. Ночью на башнѣ горитъ красный огонь, а на прочихъ знакахъ—бѣлый. Когда пароходъ идетъ съ моря, то съ маяка наводятъ на „сглавье“, а красный огонь на башнѣ служитъ уравненіемъ глазомѣра. Отъ Мудьюжскаго маяка

Плавучій маякъ близъ устья Сѣверной Двины.

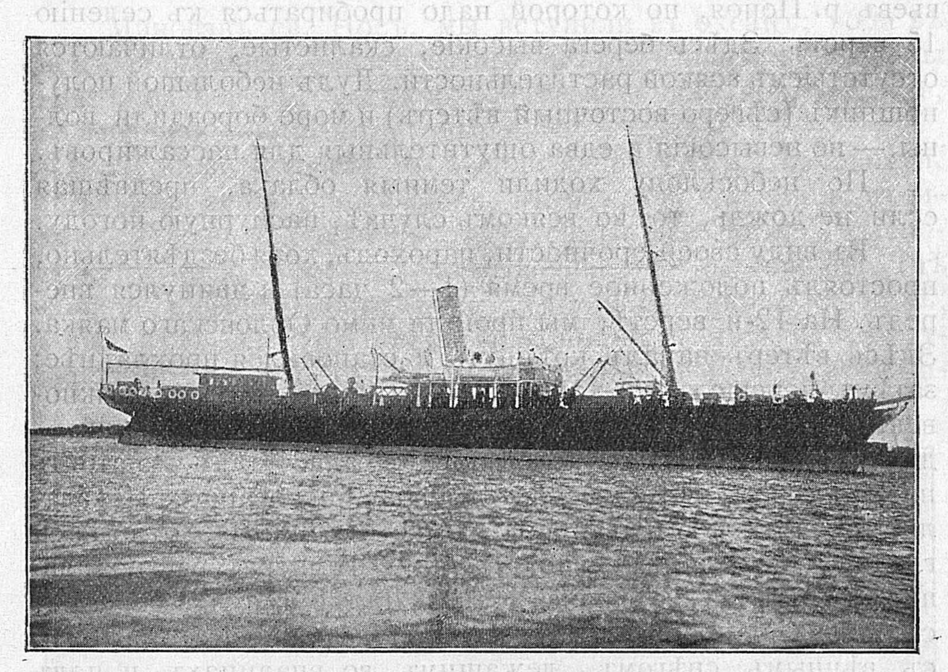
начинается Бѣлое море. Пройдя имъ 170 верстъ, пароходъ бросилъ якорь у села Зимняя Золотица,—куда я ѣздилъ во время зимней командировки и, на полпути, вслѣдствіе поднявшейся вдругъ сильной мятели, вернулся обратно въ Архангельскъ *). Рейдъ здѣсь небольшой,—пароходъ стоялъ, отъ берега, на разстояніи не болѣе одной версты,—а поэтому разсмотрѣть Золотицу было не трудно. Она пріютилась подъ высокимъ берегомъ. Маленькія поморскія избы скучивались, имѣя посреди бѣлую церковь, видимо но-

*) „Бѣломорскіе промыслы“ изд. комитета для помощи поморамъ русскаго сѣвера. 1896 г.

вую, такъ какъ справа отъ нея стоитъ старый храмъ, деревянный, мрачнаго вида, покосившійся. У Золотицы пароходъ взялъ нѣсколькихъ крестьянъ, пріѣхавшихъ на утлыхъ карбасахъ.

Когда мы снялись съ якоря, было уже 9 ч. вечера; солнце приближалось къ горизонту и не грѣло, а блестѣло красновато-золотистыми лучами; температура упала до 16°.

Отъ Золотицы, мы пошли горломъ Бѣлаго моря, въ виду острова Сосновца, все ближе и ближе подвигаясь къ

Пароходъ Великая Княгиня Ксенія.

Терскому берегу. Пароходъ держалъ курсъ на сел. Поной. На этомъ пути, къ 11 ч. вечера термометръ показывалъ 11° по Реомюру; солнце висѣло надъ горизонтомъ краснымъ раскаленнымъ ядромъ и не давало ослѣпительныхъ лучей, почему легко могло быть разсматриваемо простымъ глазомъ; ниже оно не опускалось, а напротивъ, готовилось къ восхожденію; на такой точкѣ, солнце называется здѣсь „ночнымъ".

Оставивъ далеко за собой Сосновецъ, мы увидѣли безбрежное пространство съ зеркальною поверхностью.

Несмотря на это, кругомъ шли, подъ парусами, суда,—но двигались настолько медленно, что казались стоящими.

Чудный видъ имѣло море,—тихая, безоблачная ночь, съ какимъ-то волшебнымъ огненнымъ шаромъ; вдали—ни звука; все какъ-то безжизненно, мертво. Самое низкое паденіе температуры было въ 1 ч. ночи—9° тепла.

Отъ Золотицы до с. Поноя 172 версты. Въ Поной мы пріѣхали на другой день, въ 6 ч. утра. Собственно говоря, пароходъ бросилъ якорь не у селенія, а у низовьевъ р. Поноя, по которой надо пробираться къ селенію 15 верстъ. Здѣсь берега высокіе, скалистые, отличаются отсутствіемъ всякой растительности. Дулъ небольшой полунощникъ (сѣверо-восточный вѣтеръ) и море бороздили волны,—но невысокія и едва ощутительныя для пассажировъ.

По небосклону ходили темныя облака, предвѣщая если не дождь, то, во всякомъ случаѣ, пасмурную погоду.

Въ виду своей срочности, пароходъ, хотя бездѣятельно, простоялъ положенное время (1—2 часа) и двинулся впередъ. На 12-й верстѣ, мы прошли мимо Орловскаго маяка. Здѣсь вѣтеръ началъ крѣпнуть и становился прохладнѣе; затѣмъ перешелъ въ холодный, но не похожій на обыкновенные наши холодные вѣтры, а какой-то леденящій,—дувшій, по-истинѣ, съ Ледовитаго океана,—такъ что стоять на палубѣ въ лѣтнемъ платьѣ было рискованно. Показались волны повыше и поугрюмѣе—длинныя, отлогія и гладкія, съ едва замѣтною рябью. Температура, поднявшаяся было на 16°, пала до 12°. Далѣе тянулся берегъ—слишкомъ однообразный, скалистый, мрачный и, притомъ, съ вѣчнымъ снѣгомъ, лежащимъ во впадинахъ и подъ нависшими скалами.

Въ 11 ч. пополудни, мы вышли изъ горла моря—и почувствовалось какъ-то веселѣе, потому что вѣтеръ стихъ, волненіе улеглось, предвидѣлась хорошая погода. На поверхности воды, парами и стадами, сталъ показываться морской звѣрь, тюлень,—по мѣстному названію „кожа". Этотъ звѣрь служилъ признакомъ того, что мы приближаемся къ св. Носу, откуда начинается Ледовитый океанъ. Дѣйствительно, чрезъ 2 часа мы были у св. Носа, пройдя, такимъ образомъ, отъ с. Поноя, вдоль берега, 180 верстъ. Св. Носъ представляетъ собою полуостровъ, съ невысокими каменистыми берегами; на вершинѣ полуострова стоитъ

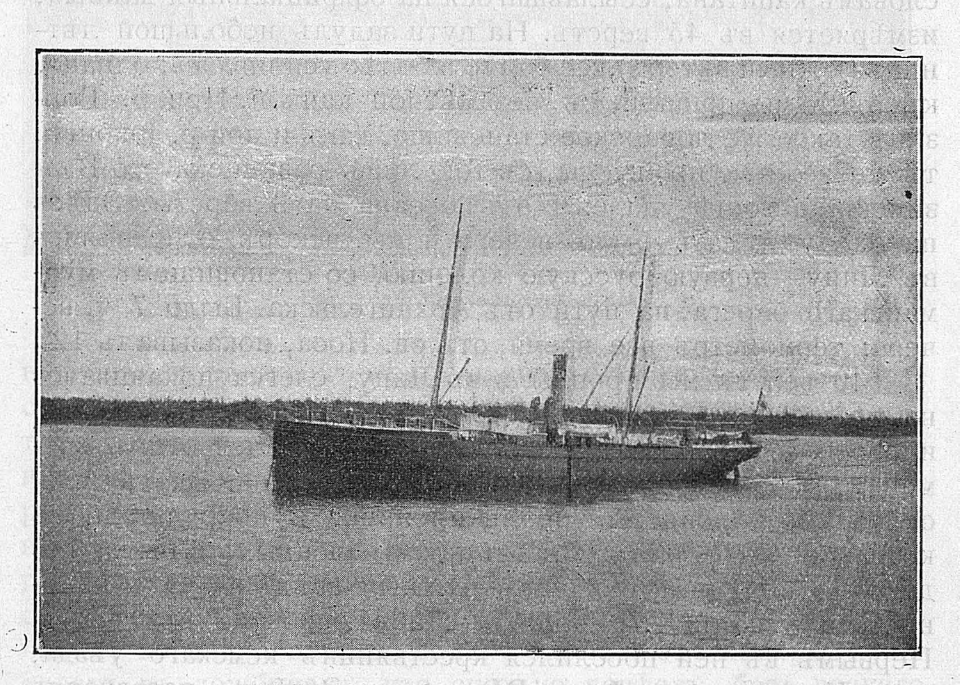
маякъ — весьма благодѣтельный для мѣстныхъ кормчихъ. Говорили, что св. Носъ излюбленное мѣсто китовъ,—но мы, на этотъ разъ, ни одного не видали, хотя усердно смотрѣли во всѣ стороны.

II.

Лопарскія становища на р.р. Іоконгѣ и Ворземы.—Колонія Лица.

Миновавъ св. Носъ, мы вступили въ океанъ; вода въ немъ прозрачная, зеленоватаго цвѣта. Съ лѣвой стороны виднѣлся берегъ, а съ правой безконечная водная даль, называемая поморами „голыменью“.

Прошли 12 верстъ и бросили якорь у устья р. Іоконги. Здѣсь, временно проживаютъ, въ вежахъ, лопари и занимаются ловлею семги въ рѣкѣ; самый же погостъ расположенъ въ 20 верстахъ отъ океана, на р. Іоконгѣ, гдѣ лопари имѣютъ постоянныя тупы и обитаютъ въ нихъ, когда нѣтъ семужьяго промысла, причемъ, пользуясь окружающей тундрой, разводятъ оленей и сбываютъ скупщи-

Пароходъ Владимiръ.

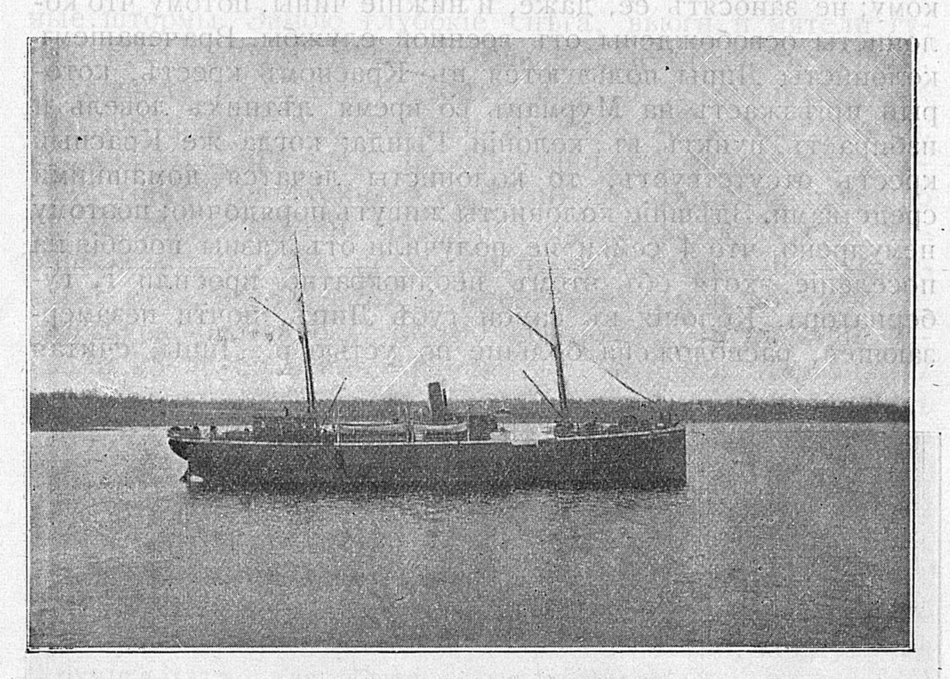
камъ ихъ шкуры. Такимъ образомъ, при устьѣ рѣки имѣется, своего рода, лопарское становище. Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ вежъ, уединенно стоящихъ за скалами. Эти немудрыя жилища строются конусообразно изъ кольевъ и покрываются дерновиднымъ торфомъ.

Чтобы дать знать населенію о своемъ прибытіи, пароходъ „Николай II“ сдѣлалъ 2—3 обыкновенныхъ свистка,— но карбасовъ съ людьми не замѣчалось. Надо было думать, что лопари ушли изъ вежъ и ловили семгу высоко по рѣкѣ. Раздался слѣдующій свистокъ, болѣе продолжительный и сильный. Показался карбасъ и подплылъ къ пароходу. Въ карбасѣ лежалъ морской заяцъ (нерпъ съ усами), застрѣленный привезшими его поморами. Животное болталось въ водѣ, смѣшанной съ кровью. Губернаторъ попросилъ поморовъ отрѣзать звѣрю голову и взялъ ее съ собою, чтобы отдать препарировать ее.

На карбасъ погрузили какой-то товаръ и пароходъ пошелъ дальше. Когда мы оставили устье р. Іоконги, было 3 ч. пополудни. Дальнѣйшій путь лежалъ, мимо Іоконгскихъ острововъ, къ устью р. Ворзины. Это разстояніе, по словамъ капитана, ссылавшагося на оффиціальныя данныя, измѣряется въ 45 верстъ. На пути задулъ небольшой лѣтникъ (южный вѣтеръ),все болѣе и болѣе усиливаясь; однако, къ рѣкѣ мы пришли съ незамѣтной качкой. При р. Ворзинѣ такое-же лопарское становище, какъ и при р. Іоконгѣ, тѣ-же вежи и промыслы, съ тою лишь разницею, что Ворзинскій погостъ удаленъ отъ океана на 3 версты. Здѣсь пароходу дѣлать было нечего и мы. вскорѣ, отправились въ Лицу—первую русскую колонію, со становищемъ мурманскаго берега, на пути отъ Архангельска. Было 7 ч. вечера; термометръ все время, отъ св. Носа, показывалъ 12°.

40 верстъ мы проплыли въ Лицу, слегка покачиваясь на небольшихъ волнахъ. Пароходъ пришелъ въ колонію и бросилъ якорь на 2 часа. Я воспользовался этимъ временемъ и отправился въ карбасѣ на берегъ. Здѣсь меня окружили колонисты, промышленники и покручники, съ которыми я говорилъ объ ихъ промышленныхъ и бытовыхъ дѣлахъ, получивъ отъ нихъ нужныя свѣдѣнія. Отъ колонистовъ узналъ, что колонія Лица основана въ 1880 г. Первымъ въ ней поселился крестьянинъ кемскаго уѣзда, дер. Калгалакши, Фома Рѣдькинъ. Затѣмъ, постепенно

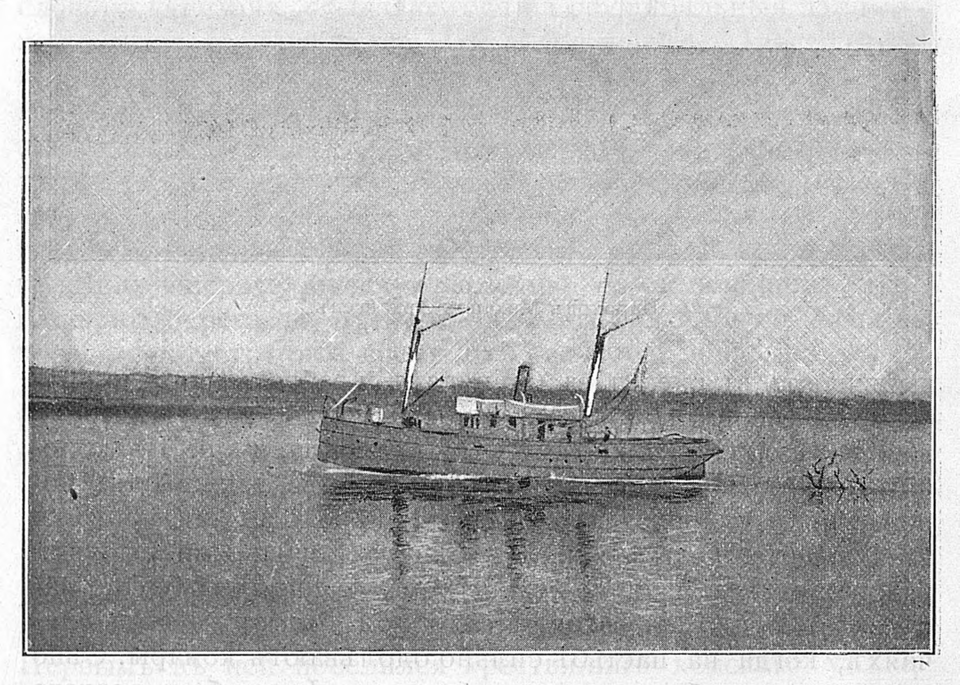
стали переселяться, изъ того-же уѣзда, другіе крестьяне, такъ что въ настоящее время въ колоніи насчитывается 6 дворовъ и 8 работниковъ въ семьяхъ и 15 наемныхъ. Колонисты всѣ русскіе, православные, церкви своей не имѣютъ, а выстроили часовню, гдѣ и совершается служба пріѣзжимъ священникомъ. Зимою колонисты Лицы,—да, какъ оказалось, впослѣдствіи, и всѣхъ нижепоименованныхъ колоній,—ведутъ домашнее хозяйство, а въ остальное время занимаются рыбными промыслами. Колонисты

Пароходъ Михаилъ Архангелъ.

выѣзжаютъ въ океанъ въ 6 шнякахъ и забрасываютъ 6 ярусовъ, состоящихъ изъ 180 тюковъ. Ловятъ разную рыбу— треску, палтуса, пикшу, зубатку, камбалу и пр. Въ колоніи держатъ 30 овецъ и 30 оленей; была также одна корова, но и ту погрузили на нашъ пароходъ, для продажи въ Норвегіи. Скотъ кормятъ сѣномъ, сушеными рыбьими головами, а больше мхомъ. Лѣтомъ олени безвыходно пасутся въ тундрѣ и загоняются домой только въ тѣхъ случаяхъ, когда на пастьбѣ сильно одолѣваютъ комары. Сѣно косятъ въ ложбинахъ, кто сколько успѣетъ, безъ всякаго

отвода участковъ, причемъ убираютъ его сами, безъ найма рабочихъ и накашиваютъ до 80 пудовъ на каждый дворъ. Лѣсомъ пользуются на сторонѣ; дрова покупаютъ въ колоніи на архангельскихъ судахъ—маховая сажень ($2^1/_2$ ар.) еловыхъ и сосновыхъ дровъ пріобрѣтается по 4—5 р. Строевой лѣсъ, также привозный, колонисты покупали цѣлыми избами, по 150—200 руб. за избу. Хлѣбъ покупаютъ на судахъ, по 7 р.—7 р. 50 коп. за куль. Колонисты всѣ почти неграмотные; да и заносить сюда грамоту некому; не заносятъ ее, даже, и нижніе чины, потому что колонисты освобождены отъ военной службы. Врачеваніемъ колонисты Лицы пользуются въ Красномъ крестѣ, который пріѣзжаетъ на Мурманъ во время лѣтнихъ ловель и избираетъ пунктъ въ колоніи Рында; когда же Красный крестъ отсутствуетъ, то колонисты лечатся домашними средствами. Здѣшніе колонисты живутъ порядочно; поэтому немудрено, что 4 семьи не получили отъ казны пособія на поселеніе, хотя объ этомъ неоднократно просили г. губернатора. Колонія въ самой губѣ Лицѣ, почти незамерзающей, расположена больше по устью р. Лицы, считая

Пароходъ кемскаго лѣсопильнаго завода „Люція“.

отъ истоковъ по правому берегу. Избы исключительно деревянныя, прочныя, уютныя. Въ климатическомъ отношеніи, особенной суровости не замѣчается—зимою 25—27° холода, а лѣтомъ 22—25° тепла; но, съ другой стороны, вѣтры и туманы даютъ о себѣ знать довольно чувствительно. Туманы бываютъ здѣсь часто и до того сильные, что положительно застилаютъ все окружающее пространство и не видно предметовъ въ самомъ ближайшемъ разстояніи. Полунощникъ и сѣверные вѣтры разводятъ сильные штормы. Зимою глубокіе снѣга, вьюги и мятели гуляютъ на свободѣ и часто сбиваютъ путника съ дороги. Становище въ Лицѣ состоитъ изъ 20 деревянныхъ и 4 земляныхъ избъ или становъ. Въ нихъ, временно, лѣтомъ, проживаютъ пришлые промышленники и занимаются ловомъ трески, палтусины и пр. Нынѣ въ Лицѣ промышляло 22 хозяина, на 5 шнякахъ и 30 карбасахъ. Собственно говоря, сами они не промышляли, а выѣзжали на указанныхъ судахъ въ океанъ ихъ работники или покручники, коихъ насчитывалось до 100 человѣкъ. Въ дѣйствіе пускали 35 ярусовъ или 875 тюковъ, которые отвивали 17 зуевъ (мальчиковъ 12—14 лѣтъ). Къ услугамъ покручниковъ была одна факторія, гдѣ они покупали разные необходимые припасы. Въ Лицѣ имѣются также двѣ салогрѣйни, т. е. два сарая съ чанами. Въ этихъ сараяхъ квасится тресковая макса, затѣмъ отстаивается и на днѣ получается тресковый жиръ *). Возвращаясь на рейдъ, я замѣтилъ въ губѣ 5 парусныхъ судовъ, о которыхъ мнѣ сообщили, что эти суда грузятся треской и, въ началѣ осени, пойдутъ въ Архангельскъ, для сбыта ея на рынкахъ.

---

*) Подробно о ловахъ я разскажу ниже, въ особой главѣ о рыбной ловлѣ.

III.

Семь Островов.—Харловка.

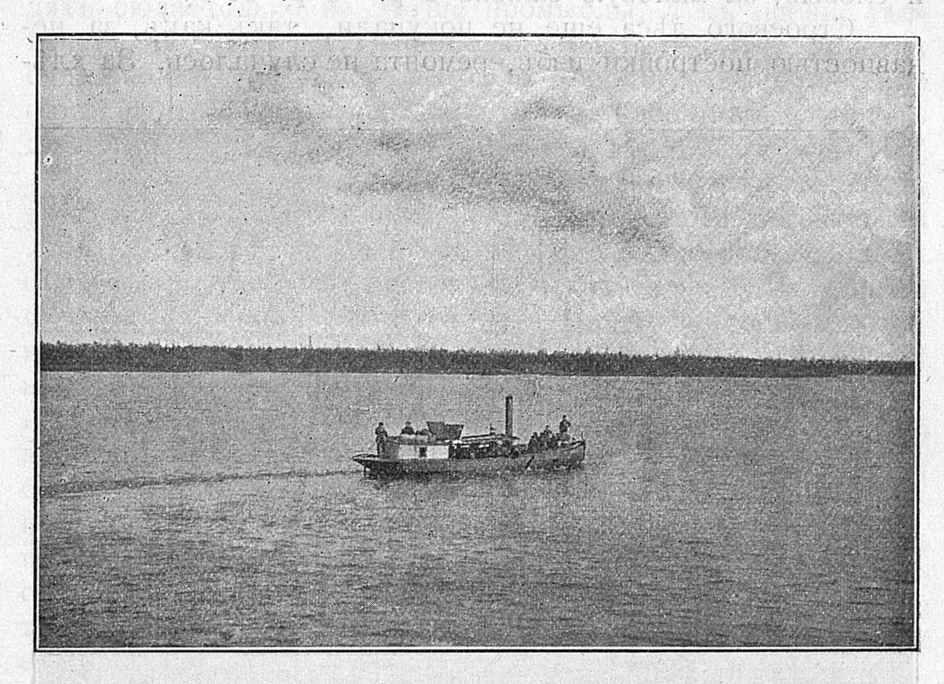
Пароходъ поднялъ якорь и мы пошли въ слѣдующую колонію. Вѣтеръ значительно усилился и пароходъ порядочно покачивало, но не бросало и не ударяло волнами, а колыхало, словно въ люлькѣ. На палубѣ вѣтеръ пронизывалъ насквозь, такъ что нежелающіе сидѣть въ каютахъ одѣлись по-зимнему и, все-таки, ежились отъ холода. Между тѣмъ, мы вступили въ какой-то корридоръ — по лѣвую сторону тянулся мурманскій берегъ, а по правую цѣпь островов. Цѣпь эта называется, по числу островов, „Семь островов". Ранѣе здѣсь, подъ тѣмъ же именемъ, было поморское становище; но въ настоящее время, вслѣдствіе отсутствія вблизи хорошихъ уловов, оно заброшено и станы съ салогрѣйными амбарами заколочены.

Достигнувъ послѣдняго острова, пароходъ сталъ на рейдъ противъ устья р. Харловки, гдѣ расположены колонія и становище Харловка. Часы показывали 2 ч. ночи; волненіе, если не усилилось, то, по крайней мѣрѣ, было прежнее. Кругомъ высокіе скалистые берега, лишенные всякой флоры, смотрятъ какъ-то таинственно, страшно; на душѣ чувствовалось тяжело. У подножія этихъ мрачныхъ гигантовъ виднѣются избы—тамъ живутъ люди и за нихъ становится крайне жутко; невольно думается, какъ они живутъ здѣсь, бокъ-о-бокъ съ постоянно бушующимъ Ледовитымъ океаномъ?

Подали карбасъ; но попасть въ него непривычному человѣку, съ трапа, было опасно, потому что волненіемъ, карбасъ, то опускало ниже трапа аршина на два, то настолько-же поднимало вверхъ,—надо было ловить тотъ моментъ, когда судно поровняется съ трапомъ и съ него быстро прыгнуть въ карбасъ. Нечего дѣлать, я прыгнулъ— и, на первый разъ, вышло удачно.

До берега плыть пришлось немного, всего съ $1/2$ версты. При въѣздѣ въ устье рѣки, лѣвый берегъ, подъ скалами, низкій, усыпанный мелкими камнями, а правый высокій, кверху песчаный, покрытый жидкой травой. По первому лѣпятся маленькія избы—это поморскіе станы, а на вто-

ромъ высятся только двѣ избы, принадлежащія мѣстнымъ колонистамъ. Въ этихъ двухъ избахъ, я нашелъ однѣхъ женщинъ, а мужчины всѣ были въ океанѣ, на промыслѣ. Отъ женщинъ узналъ, что колонія Харловка образовалась лишь въ 1894 г. Первымъ пришелъ сюда крестьянинъ кемскаго уѣзда, дер. Потьбозера, Дмитрій Дмитріевъ, а въ

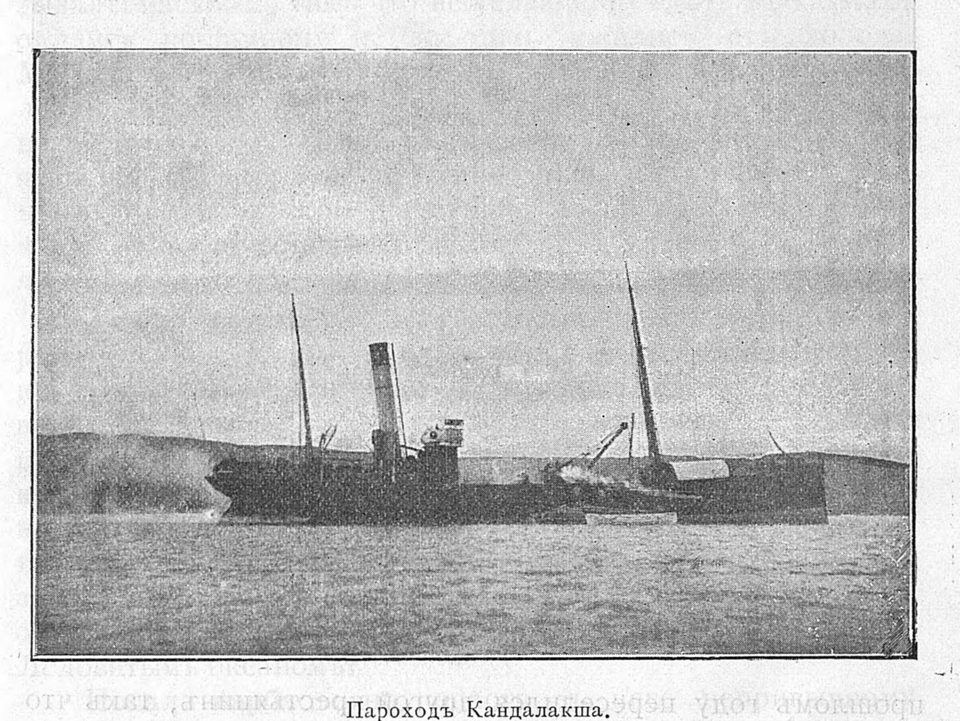

Пароходъ Курьеръ.

прошломъ году переселился другой крестьянинъ, такъ что теперь въ колоніи два двора и у нихъ, въ семьяхъ, 6 работниковъ. Колонисты изъ корелъ, православные, имѣютъ церковь, которая скорѣе построена не для нихъ, а для пришлыхъ поморовъ. Зимою возятъ на оленяхъ сѣно и дрова, а въ остальное время ловятъ рыбу. Колонисты говорили, что здѣсь могла бы быть хорошая охота на пушного звѣря, такъ какъ лисицы бѣгаютъ подъ окнами, но нѣтъ ружей и добыча уходитъ изъ рукъ. Промышляютъ корелы на 2 шнякахъ, забрасывая въ океанѣ 65 тюковъ или 2 яруса. Коровъ въ колоніи нѣтъ, а есть 7 оленей и 12 овецъ. Послѣднихъ кормятъ большею частью сѣномъ, такъ какъ

его снимается до 60 пудовъ на каждый дворъ. Сѣно косятъ въ низинахъ на „Семи островахъ“, своими силами. Олени, конечно лѣтомъ, пасутся въ тундрѣ, а зимою ѣдятъ мохъ, собираемый хозяевами. На счетъ дровяного лѣса колонисты очень горюютъ. Дрова они собираютъ по берегамъ, потому что привозныя слишкомъ дороги,—сосновыя и еловыя, за маховую сажень 5 р.—5 р. 50 к.

Строевого лѣса еще не покупали, такъ какъ, за недавностью постройки избъ, ремонта не случалось. За хлѣ-

Пароходъ Кандалакша.

бомъ нерѣдко ѣздятъ сами въ Архангельскъ и покупаютъ тамъ по 6 р. 50 к. за куль. Среди колонистовъ бываютъ случаи заболѣванія простудой и ревматизмомъ, отъ каковыхъ они пускаютъ въ ходъ домашнія средства. Изъ взрослыхъ грамоты никто не знаетъ,—да очень трудно себѣ представить, чтобъ она проникла и къ дѣтямъ ихъ. Избы у колонистовъ новыя; живутъ вообще зажиточно; климатическія условія тѣ же, что и въ указанной выше колоніи. Становъ у пришлыхъ поморовъ 20, изъ коихъ

2 землянки. Дѣйствовали нынѣ три шняки и 27 карбасовъ съ 740 тюками (26 ярусовъ). Эти суда принадлежатъ 20-ти хозяевамъ, а работало на судахъ 98 покручниковъ и 16 зуевъ. Есть одна салогрѣйня. Въ колоніи Харловкѣ грузятся треской 3 судна и какъ только примутъ достаточный грузъ, сейчасъ же уйдутъ въ Архангельскъ. Покручники приходятъ сюда только на лѣтніе промыслы, а къ осени уѣзжаютъ, оставляя на храненіе колонистамъ избы, яруса и суда; когда же здѣсь не было колоніи, то оставались однѣ избы, которыя нерѣдко замѣняли лопарямъ матеріалъ для топлива.

Въ Харловкѣ мнѣ пришлось поспѣшить съ собраніемъ свѣдѣній, по той причинѣ, что я пріѣхалъ туда въ началѣ „убылой" воды, которая все дальше и дальше отходила отъ берега, такъ что рисковалъ остаться на сушѣ и чрезъ 6 часовъ долженъ былъ ожидать „прибылой" воды; тѣмъ временемъ пароходъ, какъ срочный, конечно, ушелъ бы въ океанъ. Несмотря на поспѣшность, я и то опоздалъ съ водою и карбасъ съ большимъ трудомъ пробрался среди камней по берегу океана. Подплывъ къ пароходу, надо было совершить обратное прыганье изъ карбаса. Но мнѣ посовѣтывали, какъ на этотъ разъ, такъ и въ будущемъ, прежде чѣмъ прыгнуть на трапъ, схватиться за канатъ, служащій перилами, а затѣмъ искать ногами площадку трапа. Я послушался совѣта—и вполнѣ призналъ удобство этого способа.

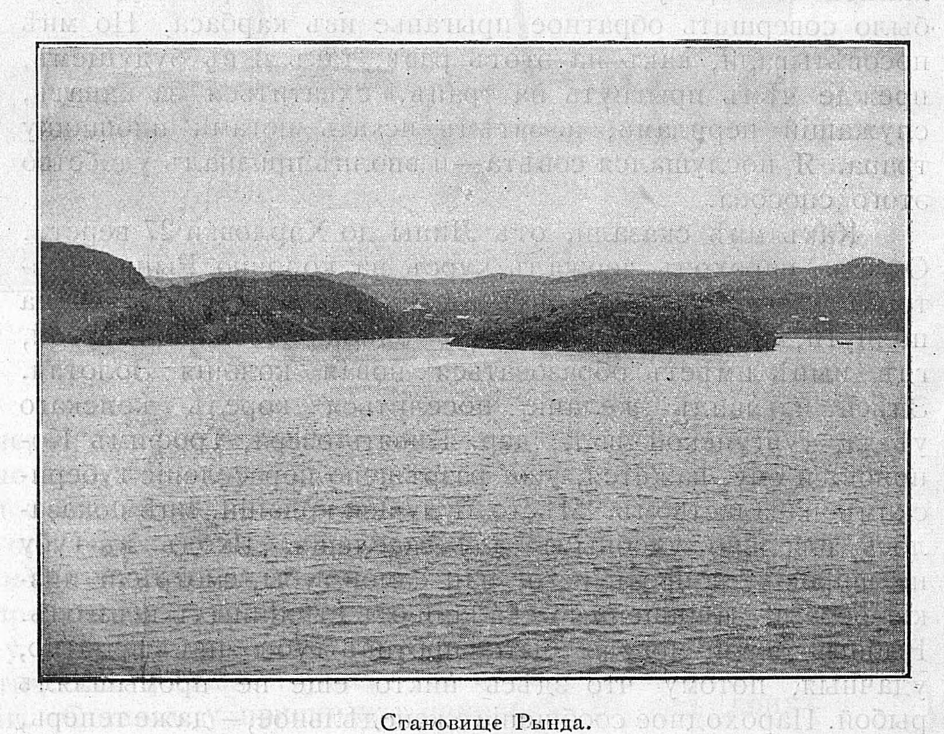
Какъ мнѣ сказали, отъ Лицы до Харловки 27 верстъ. Отсюда пароходъ держалъ курсъ на колонію Рынду, которая отъ Харловки стоитъ въ 30-ти верстахъ. Почти на полпути, мы поровнялись съ одной небольшой губой, гдѣ нынѣ имѣетъ образоваться новая колонія Золотая. Здѣсь изъявилъ желаніе поселиться корелъ кемскаго уѣзда, тунгунской вол., дер. Кивять-озера, Трофимъ Кононовъ и ему, кажется, уже разрѣшено переселеніе губернскимъ начальствомъ. Мѣсто будущей колоніи, мнѣ показалось довольно удобнымъ для заселенія. Входъ въ губу не широкій, а чрезъ него, изъ самой губы, смотрѣли низкіе берега, защищенные скалами отъ стихійныхъ невзгодъ. Рыбныя ловли могутъ быть противъ губы и, вѣроятно, удачныя, потому что здѣсь никто еще не промышлялъ рыбой. Пароходное сообщеніе еженедѣльное, — даже теперь,

въ случаѣ надобности, пароходъ бросаетъ якорь невдалекѣ губы. По моему мнѣнію, Золотая губа, въ ближайшемъ будущемъ, привлечетъ къ себѣ достаточное число колонистовъ.

IV. Рында.

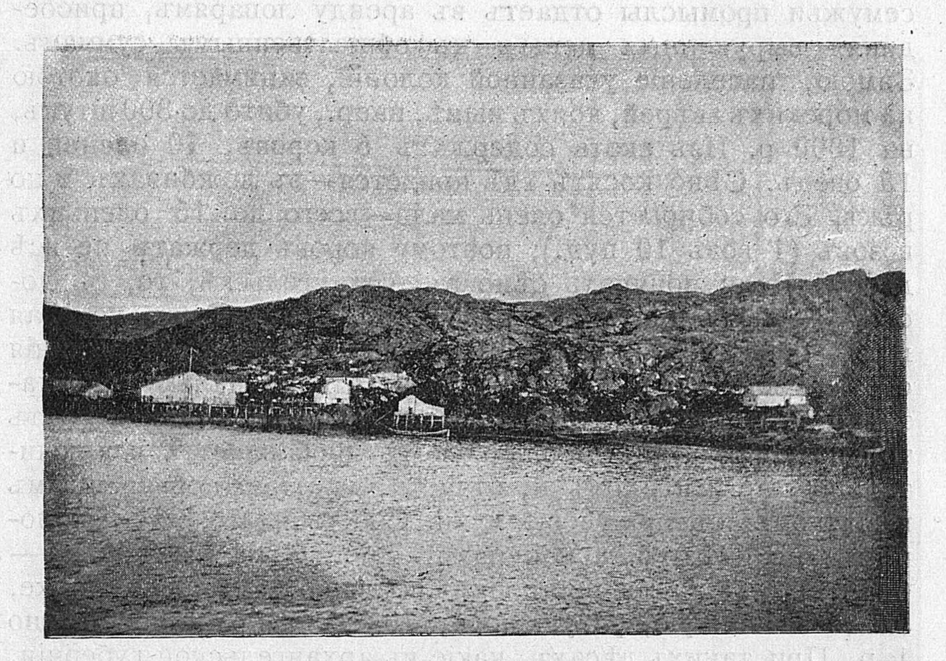
Въ колонію Рынду мы пришли 14-го іюля въ 7 ч. утра. Рейдъ былъ небольшой и, притомъ, качало незначительно. Подъѣзжая къ берегу, я замѣтилъ, что колонія и становище расположились въ глубинѣ губы Рынды, которая отъ океана вдается сначала въ материкъ, нѣсколько прямо, а потомъ поворачиваетъ направо и, такимъ образомъ, океанскій берегъ заграждаетъ отъ злыхъ вѣтровъ. Станы лѣпятся у самаго берега, на громадныхъ камняхъ, а колонистскія избы стоятъ выше.

Колонія расположена по обоимъ берегамъ и нельзя сказать, чтобы прямолинейно; тутъ-же, передъ самыми строеніями, впадаетъ р. Рында—хотя порожистая, мелководная

Становище Рында.

и въ полую воду даже непригодная для прохода мелкихъ судовъ,—но это не мѣшаетъ стоять здѣсь многимъ судамъ, которыя, во время прилива, свободно плаваютъ въ бухтѣ. Поселеніе выглядитъ порядочнымъ, а нѣкоторыя избы даже свидѣтельствуютъ о зажиточности хозяевъ. Я приступилъ къ опросу колонистовъ и узналъ, что первымъ поселился въ Рындѣ, въ 1875 г., крестьянинъ кемскаго уѣзда, дер. Черно-рѣцкой, Иванъ Петровъ, а теперь населеніе возросло—

Колонія и становище Рында.

считается 9 дворовъ съ 10 работниками *). Лѣтомъ населеніе ловитъ треску на 9 шнякахъ, забрасывая на океанѣ 180 тюковъ. За недостаткомъ рабочихъ силъ для рыбныхъ ловель, колонисты нанимаютъ работниковъ, платя каждому за лѣто, на хозяйскихъ харчахъ, по 70 руб., причемъ впередъ, въ счетъ платы, даютъ 40 р. При весеннихъ рыбныхъ промыслахъ, какъ болѣе трудныхъ и прибыльныхъ,

*) Заявлено желаніе о переселеніи въ эту колонію крестьянъ онежскаго уѣзда, унежемской вол. д. Унежмы Иваномъ Логинымъ Фроловымъ, съ женою и дѣтьми: Андреемъ 14 л., Николаемъ 12 л., Мариной 8 л., Пелагеей 6 л. и Прасковьей 4 л. *Авт.*

работникъ нанимается не за жалованье, а изъ $^1/_{12}$ части, т. е. одинъ рабочій получаетъ $^1/_{12}$ часть того улова, какой сдѣлаетъ шняка въ теченіе вешняго промысла. Кромѣ морского промысла, какъ передавали колонисты, они пользовались семужьими промыслами по р. Рындѣ, — съ тѣмъ, крестьяне, и переселялись на мурманскій берегъ. Семги вылавливалось въ годъ на 600 р. Но въ настоящее время сельская власть лишила колонистовъ этого заработка и семужьи промыслы отдаетъ въ аренду лопарямъ, присоединяя вырученныя деньги къ общественнымъ суммамъ. Зимою, населеніе указанной колоніи, занимается охотою на морскихъ звѣрей, коихъ нынѣ, напр., убито до 300 штукъ, на 1000 р. Изъ скота содержатъ 6 коровъ, 10 оленей и 15 овецъ. Сѣно косятъ гдѣ придется—въ ложбинахъ и по рѣкѣ. Его собирается очень мало—всего до 15 оленьихъ возовъ (1 возъ 10 пуд.); поэтому коровъ держатъ не всѣ дворы. Если покупать сѣно въ Архангельскѣ, то, съ доставкой въ колонію, оно стоитъ до 50 к. за пудъ, каковая цѣна, разумѣется, слишкомъ невыгодна для содержанія скота. Своего сѣна, колонистамъ Рынды, далеко недостаточно, даже для коровъ. Вслѣдствіе этого, сѣномъ кормятъ только коровъ, а остальной скотъ пробавляется исключительно сырымъ мхомъ и, отчасти, даютъ его обваренным кипяткомъ, съ примѣсью муки. Собственнаго лѣса колонисты не имѣютъ, а покупаютъ дрова на судахъ, по 5—6—р. за саж. Для построекъ покупаютъ лѣсъ тамъ-же, платя за тонкую, узкую доску 70—80 к., за малое бревно 1 р. При такихъ лѣсахъ, какіе въ архангельской губерніи, подобныя цѣны покажутся чрезмѣрными—но это объясняется высокимъ пароходнымъ тарифомъ. Я видѣлъ документъ (конасаментъ), который былъ выданъ г. Савину въ провозѣ лѣса отъ г. Архангельска до Ворзина *). За доставку 12 бревенъ, 3 саж. 4 вер., взято обществомъ мурманскаго пароходства 18 р. 33 коп. Между тѣмъ, это количество бревенъ, съ доставкою на 2 лошадяхъ на пристань въ Архангельскѣ, стоило всего 6 р. **).

Имѣя, съ одной стороны, нужды въ строевомъ лѣсѣ и дороговизну—съ другой, колонисты обращались къ лѣсни-

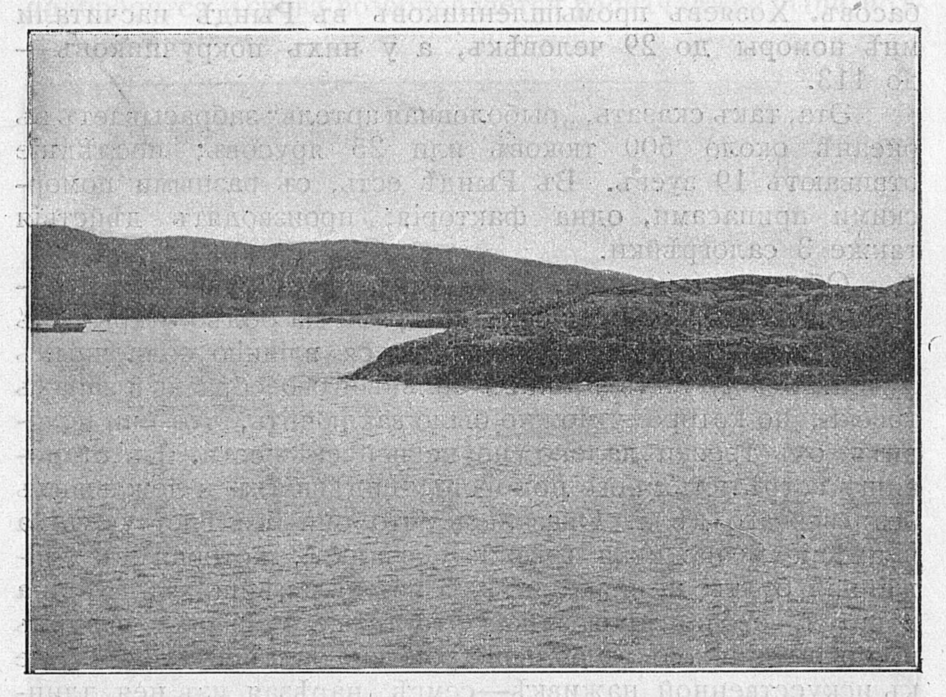
---

*) Разстояніе указано выше.

**) Выяснялось, что въ настоящемъ случаѣ, произошла ошибка—и г. Савинъ заплатилъ, лишь, половину указанной цѣны въ конасаментѣ.

чему за разрѣшеніемъ, чтобъ отпустилъ имъ изъ казны по 7 бревенъ на дворъ, за уменьшенную плату; но это ходатайство успѣха неимѣло. Хлѣбъ покупаютъ съ судовъ, по мѣстнымъ цѣнамъ, 7—7 р. 50 к.

Здѣшніе колонисты всѣ русскіе, православные, переселились изъ кемскаго уѣзда. Есть кой-кто изъ грамотныхъ, но выучились не въ колоніи, а на родинѣ и передавать грамоту новому поколѣнію не могутъ, такъ что

„Птичій базаръ“ у становища Рында.

послѣднее растетъ безграмотнымъ. Въ колоніи сооружена маленькая церковь, гдѣ, въ извѣстное время, отправляется церковная служба мѣстнымъ священникомъ; храмъ посѣщается молящимися усердно, особенно зимою, когда колонисты менѣе заняты промыслами. Отъ болѣзней поселяне пользуются домашними средствами; только лѣтомъ они прибѣгаютъ къ помощи Краснаго креста, который, на время промысловъ, посылается архангельскимъ отдѣломъ. Въ этомъ больничномъ пунктѣ имѣются три постоянныя кро-

вати; онъ снабженъ маленькой аптекой, фельдшеромъ и двумя сестрами милосердія. Больницу навѣщаетъ врачъ г. Калита, командированный съ отрядомъ Краснаго креста; разъ или два наѣзжаетъ также врачебный инспекторъ г. Пликатусъ.

Климатическія условія—вѣтры, дожди, туманы, температура—одинаковы съ условіями предыдущихъ колоній. Пришлые поморы живутъ въ 29 станахъ, изъ коихъ 3 землянки. Судовъ въ дѣйствіи было: 9 шнякъ и 29 карбасовъ. Хозяевъ промышленниковъ въ Рындѣ насчитали мнѣ поморы до 29 человѣкъ, а у нихъ покручниковъ—до 113.

Эта, такъ сказать, „рыболовная артель" забрасываетъ въ океанѣ около 500 тюковъ или 25 ярусовъ; послѣдніе отвиваютъ 19 зуевъ. Въ Рындѣ есть, съ разными поморскими припасами, одна факторія; производятъ дѣйствія также 3 салогрѣйки.

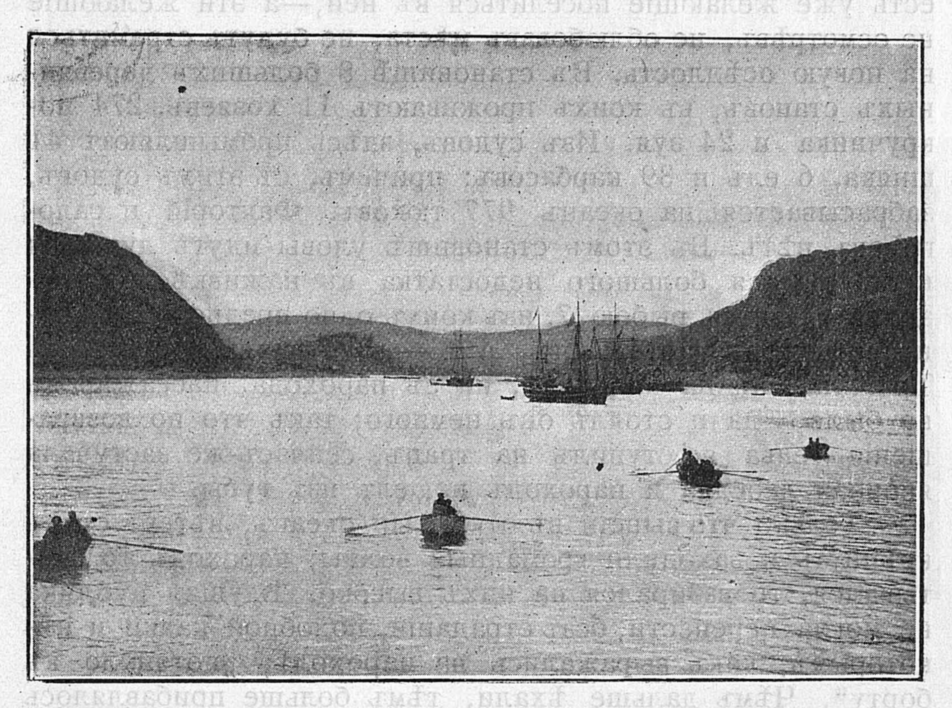
Обходя становище, я замѣтилъ массу сушеныхъ тресковыхъ головъ, сложенныхъ кострами на болѣе открытыхъ мѣстахъ, дабы дольше подвергаться вліянію солнечныхъ лучей. Всюду билъ въ носъ сильный своеобразный запахъ трески, по которому можно было заключить, что они исходитъ отъ трески далеко не первой свѣжести. Въ становищѣ встрѣтилъ много поморовъ, сидѣвшихъ и лежавшихъ безъ всякаго дѣла. Оказалось, что они бездѣйствуютъ за неимѣніемъ наживки (рыбки песчанки), которая въ ближайшія бухты не приходитъ, а изъ дальнѣйшихъ, гдѣ она ловится, ее не привозятъ. Отсутствіе песчанки вводитъ промышленниковъ въ большіе убытки; они прибѣгаютъ уже къ искусственной наживкѣ—семгѣ, нарѣзая изъ нея длинныя пластинки и насаживая ихъ на крючокъ, какъ рыбку.

По возвращеніи изъ колоніи, я замѣтилъ, среди мелкихъ судовъ, 5 большихъ, о которыхъ получилъ свѣдѣнія, что они пришли сюда грузиться рыбой; но нынѣ едва ли будутъ нагружены полными, такъ какъ отсутствіе наживки значительно испортило промыслы, умаливъ ихъ настолько, что такого года давно не запомнятъ поморы.

IV.

Трящино, Щербиниха, Захребетное и Оленица.

Чрезъ 2 часа я былъ уже на пароходѣ и мы тронулись дальше. Въ это время на океанѣ образовалась, такъ называемая, „мертвая зыбь“. Сначала пароходъ раскачивается, затѣмъ качается все сильнѣе и сильнѣе, наконецъ подбросится и снова возобновляется раскачиванiе. При подбрасываніи чувствуется непріятно — голова кружится и тошнитъ.

Становище Трящино.

Съ этою качкою мы плыли 28 верстъ и бросили якорь въ губѣ Трящинѣ, неглубокой, замерзающей. Здѣсь, пока пріютилось поморское становище, а въ будущемъ имѣетъ быть также и колонія, которую, какъ я слышалъ, желаютъ образовать сторожъ у зданій Мурманскаго общества въ Екатерининской гавани и машинистъ со штурманомъ съ

административнаго парохода „Мурманъ". Становище расположено въ глубинѣ губы и, чтобы добраться до него, надо было проѣхать всю губу. Этого достаточно, чтобы заключить, что Тряшина значительно защищена отъ океанскихъ вѣтровъ и, вообще, по географическому положенію, сходна съ Рындой, только болѣе ея, въ окружности.

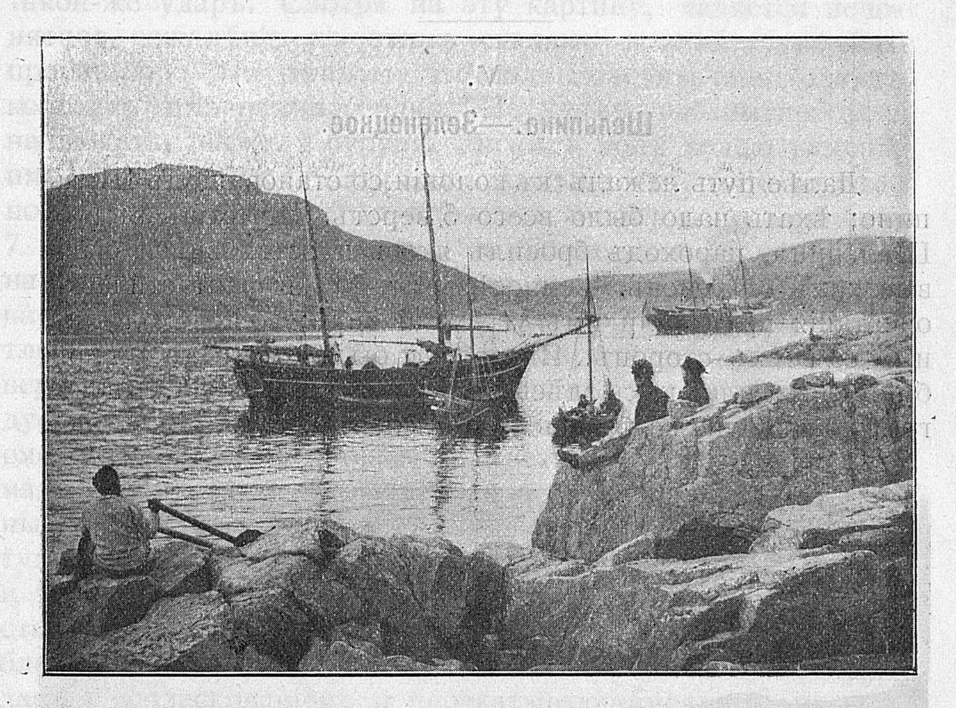
Впрочемъ, при Тряшинѣ нѣтъ рѣки; за то, изъ скалъ вытекаетъ ручеекъ, вода котораго очень чиста и пригодна для питья. Наконецъ, объ удобствахъ постояннаго заселенія въ губѣ, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что есть уже желающіе поселиться въ ней,—а эти желающіе не осмотрѣвъ, не облюбовавъ мѣста, не будутъ стремиться на новую осѣдлость. Въ становищѣ 8 большихъ деревянныхъ становъ, въ коихъ проживаютъ 11 хозяевъ, 274 покручника и 24 зуя. Изъ судовъ, здѣсь промышляютъ 41 шняка, 6 елъ и 39 карбасовъ; причемъ, съ этихъ судовъ, забрасывается на океанъ 977 тюковъ. Факторій и салогрѣенъ нѣтъ. Въ этомъ становищѣ уловы идутъ лучше и неощущается большого недостатка въ наживкѣ. Судовъ здѣсь грузится рыбою 7, изъ коихъ одно предполагаетъ отправиться въ Петербургъ, а 6 — въ Архангельскъ. Изъ Трящина, ни на пароходъ, ни съ парохода, пассажировъ не было,—да и стоялъ онъ немного; такъ что по возвращеніи, едва я ступилъ на трапъ, сейчасъ-же застучала якорная лебедка и пароходъ пошелъ изъ губы.

Только что вышли въ открытый океанъ, вѣтеръ сталъ крѣпнуть и заходили громадныя волны; пароходъ то скатывался, то взбирался на нихъ высоко. Ѣдущая публика не могла перенести, безъ страданій, подобной качки и нѣкоторыхъ, какъ выражались на пароходѣ, „потянуло къ борту". Чѣмъ дальше ѣхали, тѣмъ больше прибавлялось пассажировъ, страдающихъ морскою болѣзнью.

На 5-й верстѣ, мы миновали маленькое становище Щербиниху, расположенное въ губѣ съ тѣмъ же названіемъ. Не заходили мы въ эту губу, по той причинѣ, что не было ни пассажировъ, ни груза; я же не заявилъ желанія сойти на берегъ, потому что, какъ мнѣ передали на пароходѣ, въ становищѣ всего двѣ землянки, въ коихъ проживаютъ 6 пришлыхъ поморовъ, имѣющихъ 2 карбаса и 1 тюкъ. Грузовыхъ судовъ здѣсь не имѣется, а рыбаки возятъ рыбу въ Тряшино. Вообще, губа Щербиниха не

обладаетъ удобствами, ни для колонизаціи, ни для временнаго проживанія, а если туда и пріѣзжаютъ промышленники, то исключительно по своимъ личнымъ соображеніямъ, въ надеждѣ, что у этой губы, почему либо, будутъ лучше уловы.

Въ разстояніи одной версты, встрѣтили губу Захребетную, въ которой имѣется становище Захребетное. Губа широкая, мало вдается въ материкъ, очень открыта къ

Трящина.

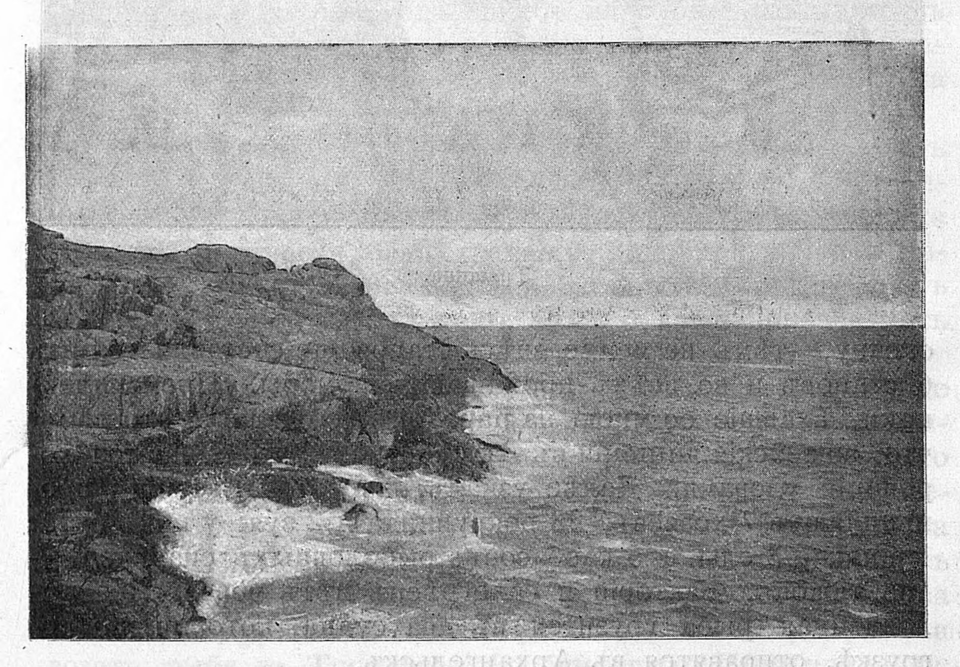
океану,—тѣмъ не менѣе, здѣсь становище составляется изъ 6 становъ и во всѣхъ проживаютъ поморы. Промышленники, ѣхавшіе со мною на пароходѣ, объяснили это тѣмъ, что, житейскія лишенія въ Захребетномъ, возмѣщаются хорошими уловами. Далѣе узналъ, что въ становищѣ промышляютъ 7 хозяевъ, 23 покручника и 2 зуя; у нихъ суда: 1 шняка, 3 елы и 5 карбасовъ; рыболовныхъ снарядовъ—158 тюковъ. Факторій и салогрѣенъ нѣтъ вовсе. Вся выловленная рыба грузится въ два судна, которыя, по погрузкѣ, отправятся въ Архангельскъ.

Еще проѣхали 4 версты — и снова миновали становище—Русскую Оленницу, въ таковой же губѣ. Строго говоря, тутъ нѣтъ становища, такъ какъ нѣтъ ни одного стана, ни деревяннаго, ни земляного, и работаетъ одна ела, на которой промышляютъ 1 хозяинъ и 3 покручника, забрасывая одинъ ярусъ въ 25 тюковъ. По конструкціи, корма елы всегда забирается досками; тамъ, рыбаки, и ночуютъ, и укрываются отъ вѣтровъ и дождей.

V.

Шельпино.—Зеленецкое.

Далѣе путь лежалъ къ колоніи,со становищемъ Шельпино; ѣхать надо было всего 5 верстъ. Пріѣхавъ въ губу Шельпино, пароходъ бросилъ якорь и остановился среди высокихъ острововъ. Темносѣрый цвѣтъ и фантастическія очертанія придавали имъ угрюмый видъ; волны колотили ихъ со всѣхъ сторонъ. Интересно было смотрѣть на прибой волнъ, или, какъ здѣсь называютъ, „взводни“. Катитъ громадная волна на берегъ и, за нѣсколько саженъ до суши,

Взводни на Мурманскомъ берегу во время шторма.

начинаетъ тянуть къ себѣ воду, обнажая берегъ; тѣмъ временемъ сама волна растетъ, острится, въ вершинѣ пѣнится и лѣзетъ на берегъ; затѣмъ, встрѣтивъ преграду, въ видѣ отвѣсной скалы, съ неимовѣрной силой разбивается объ нее; воздухъ оглашается не то страшнымъ шумомъ, не то какимъ то ревомъ; брызги летятъ выше скалы и, вѣтромъ, превращаются въ пыль. Скала не успѣетъ, что называется, опомниться, какъ набѣжитъ слѣдующая гряда и снова такой-же ударъ. Смотря на эту картину, является непонятное сожалѣніе къ этимъ скаламъ и думается, чѣмъ провинились эти гиганты, что волны океана, весь то вѣкъ колотятъ ихъ немилосердно. Не менѣе любопытно было наблюдать, также, и буруны. Лежитъ подъ водою камень, именуемый „банкою". Эти камни, въ сущности, тѣже острова, но настолько низкіе, что скрываются подъ водою на 5 — 7 футовъ. Набѣжитъ волна на банки—и вода надъ нею начинаетъ подниматься, образуя конусообразный холмъ, какъ будто изъ стекла, самаго чистаго, прозрачнаго свѣтлозеленаго и, притомъ, колышащійся, точно живой. На вершинѣ показывается бѣлоснѣжная пѣна и, затѣмъ, слѣдуетъ разрушеніе водяного холма. Вотъ, тогда то, и надо смотрѣть—милліарды брызгъ разлетаются въ стороны, громаднѣйшнмъ кустомъ и сверкаютъ на солнцѣ разноцвѣтными брилліантами. Этотъ чудный букетъ моментально тухнетъ, — но, на смѣну ему, выростаетъ другой, третій и т. д. По мѣрѣ того, какъ штормъ стихаетъ и буруны становятся меньше, брилліантовый кустъ съуживается и блестки летятъ все ниже. Все это зрѣлище сопровождается всплескиваніемъ и перекатывающимся шумомъ.

Въ виду сильнаго волненія, сходить съ рейда было не безопасно; поданный мнѣ карбасъ качало ужасно,—съ трудомъ сѣлъ въ него. Какъ насъ подбрасывало на волнахъ, можно было судить по тѣмъ небольшимъ судамъ, которыя привезли пассажировъ и грузъ на пароходъ, и стояли, въ ожиданіи доставки таковыхъ же на берегъ, привязанными; эти суда, то взлетали высоко на гребни волнъ, то опускались, какъ бы, въ пропасть. Порядочно отъѣхавъ отъ парохода, нашъ карбасъ пересталъ нырять, и скользилъ по волнамъ плавно. Вообще, при стоянкѣ въ штормъ, кругомъ парохода образовывается, такъ называемая „толчея", которая имѣетъ волны частыя и глубокія.

Мы плыли долго, а Шельпино все еще не показывалось; оно пряталось за небольшимъ островомъ, находясь въ самомъ концѣ Шельпиной губы. Колонія здѣсь состоитъ всего изъ двухъ дворовъ. Первымъ пришелъ въ 1890 г. и самовольно водворился финляндецъ Илья Тарнахъ, а въ прошломъ году поселился крестьянинъ онежскаго уѣзда Ефтюковъ. У колонистовъ дѣти малолѣтнія и семейныхъ работниковъ составляютъ сами хозяева. Зимою колонисты охотятся на морского и берегового звѣря и возятъ на оленяхъ дрова и мохъ, а въ остальное время занимаются рыболовствомъ. У финляндца одна ела и 25 тюковъ; работаетъ самъ и нанимаетъ, на лѣтніе и осенніе промыслы, одного и того-же работника, за жалованье. Русскій колонистъ имѣетъ 1 карбасъ и 15 тюковъ; тоже подряжаетъ работника, но не за жалованье, а какъ участника. Изъ скота колонисты держатъ 3 коровы, 8 овецъ и 30 оленей. Покосовъ мало,—косятъ по берегамъ губы и накашиваютъ по 1 возу на дворъ; поэтому скотъ кормится почти однимъ мхомъ. Строевой и дровяной лѣсъ покупаютъ по такимъ же цѣнамъ, какъ и въ указанныхъ выше колоніяхъ. Хлѣбъ покупаютъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, въ Архангельскѣ, по 5 р. 50 к.—6 руб., а большею частью на мѣстѣ. Весною на Мурманѣ, когда, до промысловъ, нѣтъ денегъ, покупаютъ хлѣбъ въ кредитъ, платя за куль 9 р., а осенью, за деньги, 7 р.—7 р. 50 к. куль. Одинъ колонистъ русскій, православный, а другой лютеранинъ. Такимъ образомъ, въ Шельпинѣ поселились колонисты двухъ національностей, а я слыхалъ, что въ эту колонію желаетъ водвориться еще шведъ, принявшій русское подданство, Доарнакъ. Слѣдовательно, въ Шельпинѣ будетъ три двора и всѣ разныхъ національностей. Есть православная часовня, которая вполнѣ можетъ удовлетворять одно семейство. Въ губѣ помѣщается 20 промысловыхъ становъ, изъ коихъ 3 землянки. Видимо, губа удобна и для жилья, и для стоянки судовъ, а равно и уловы, должно быть, противъ нея, недурные. Положимъ, близъ губы нѣтъ рѣки, но за то есть ручей, который беретъ воду изъ внутреннихъ озеръ, пробивается сквозь каменныя породы и чистой струей бьетъ изъ скалы, стоящей въ самой колоніи. Пришлые поморы здѣсь промышляютъ исключительно на маленькихъ судахъ—карбасахъ. Нынѣ работало 26 судовъ; при нихъ на-

ходились 18 хозяевъ и 66 покручниковъ; зуевъ вовсе не было, такъ какъ на карбасахъ отвиваютъ тюки взрослые работники. Изъ рыболовныхъ снарядовъ было въ дѣйствіи 283 тюка. Факторій, съ разнымъ товаромъ, одна; салогрѣйня тоже одна. Для погрузки въ губѣ стоятъ 5 судовъ, которыя пойдутъ съ рыбой въ Архангельскъ.

Я вернулся на пароходъ и мы, сейчасъ же, пошли впередъ. На 5-й верстѣ поровнялись съ Зеленецкой губой, гдѣ расположено маленькое становище, всего изъ 2-хъ становъ. Пароходъ прошелъ мимо этой губы, но свѣдѣнія о Зеленецкомъ становищѣ я добылъ отъ ѣхавшихъ промышленниковъ. Губа заграждена отъ океанскихъ вѣтровъ островами; рѣкъ она никакихъ не принимаетъ, а люди берутъ воду, тутъ-же, капающую изъ скалъ. Здѣсь проживаетъ лѣтомъ, въ качествѣ хозяина, норвежецъ русскаго подданства Оскаръ Кнюценъ, второй крезъ среди мурманскихъ колонистовъ, о которомъ, какъ о колонистѣ, рѣчь будетъ впереди. Кнюценъ пріѣзжаетъ сюда изъ колоніи Фильманской. Въ Зеленецкомъ онъ имѣетъ 12 шнякъ, 400 тюковъ и, для производства промысла, нанимаетъ 48 русскихъ рыбаковъ и 5 зуевъ. Эти работники живутъ въ одномъ станѣ; въ другомъ же живутъ тоже промышленники,—изъ нихъ 1 хозяинъ, 20 покручниковъ и 2 зуя. У второго хозяина 5 шнякъ и 180 тюковъ. Въ становищѣ факторій нѣтъ, а есть одна салогрѣйня, принадлежащая Кнюцену. Хозяева имѣютъ по одному судну, которыя грузятся, тутъ же въ губѣ, рыбою, и пойдутъ въ Архангельскъ. Надо полагать, что Зеленецкая губа пригодна также и для постоянной осѣдлости, такъ какъ есть заявленіе отъ онежскаго мѣщанина Шилова, который желаетъ поселиться здѣсь постоянно. Губернское начальство, конечно, не встрѣтитъ къ этому препятствій и, такимъ образомъ, Шиловъ явится основателемъ Зеленецкой колоніи.

VI.

Гаврилово,—Голицыно.

Отъ становища Зеленецкаго, мы прошли 10 верстъ и пароходъ подошелъ къ губѣ Гавриловой, гдѣ широко раскинулась колонія и становище Гаврилово. Пароходъ не рѣ-

шался бросать якорь, потому что при такомъ большомъ волненіи, какое мы застигли у губы, трудно было имѣть дѣло съ выгрузкой и погрузкой товаровъ, а главное, никто изъ пассажировъ не соглашался переправляться на карбасахъ. Мы покрутились, повертѣлись противъ Гавриловой губы и стали спускаться въ губу Пахту, которая закрыта отъ океана островами и въ ней, во время штормовъ, не бываетъ сильнаго волненія. Три версты мы ѣхали до Пахты и тамъ бросили якорь.

Становище и колонія Гаврилово.

Я рѣшилъ остаться въ этой колоніи на недѣлю, т. е. до слѣдующаго рейса, и сталъ прощаться съ А. П. Энгельгардтомъ; но губернаторъ сказалъ, что и онъ, со своими чиновниками, отправится посмотрѣть колонію. Такимъ образомъ, насъ собралось восемь человѣкъ и мы, во главѣ съ губернаторомъ, отправились на берегъ. Рейдъ былъ маленькій, качало не сильно и карбасы скоро достигли берега; но къ самой сушѣ невозможно было подойти; всюду у берега были камни—одни лежали очень мелко, а другіе торчали изъ подъ воды. Между прочимъ, въ одномъ мѣстѣ, отъ берега выступалъ, на высокихъ сваяхъ, тесовый полъ

и на немъ стоялъ какой-то досчаный сарай. По освѣдомленіи, оказалось, что это была, своего рода, пристань. Мы подплыли къ сваямъ и стали взбираться по небезопасной лѣстницѣ. Какое бы качество эта лѣстница ни имѣла, но она, все-таки, была при подъемѣ; но когда надо было спускаться на сушу, то никакой лѣстницы не оказалось и пришлось прыгать съ высоты, какъ разъ, въ ростъ человѣка, да притомъ, еще, на острые камни. Къ счастію спрыгнули всѣ благополучно. Мы отправились по проложенной тропинкѣ, гужомъ. Впереди бодро выступалъ А. П. Энгельгардтъ, какъ неутомимый ходокъ, исходившій не мало по своей губерніи. Проходъ въ колонію, вдоль берега, самый кратчайшій,—но по высокимъ скаламъ онъ невозможенъ; поэтому понятно, что тропинка повела насъ нѣсколько влѣво и, конечно, дальше, какъ оказалось, на 2 версты. Сначала тропинка заставляла насъ дѣлать рискованные прыжки съ камня на камень, затѣмъ змѣйкой извивалась, то по возвышенностямъ, то по низинамъ, среди громадныхъ горъ и, въ концѣ концовъ, завела насъ въ болото, въ которомъ мы шли въ водѣ, какъ говорится, по косточку. Предъ самой колоніей, мы обходили мелкую порожистую рѣчку, впадающую въ Гавриловскую губу, и въ истокахъ переправлялись чрезъ нее по камнямъ. Былъ полдень 14-го іюля, когда мы вступили въ Гаврилово, — въ этотъ главный промышленный пунктъ всего восточнаго берега Мурмана. Попрощавшись съ А. П. Энгеньгардтомъ и его спутниками, я отправился на отводную квартиру.

Цѣлую недѣлю я прожилъ въ Гавриловѣ, ознакомился съ рыбными промыслами, съ мѣрами противъ звѣря „кожи“ и со способами снабженія промышленниковъ наживкою; ходилъ за 3 версты отъ Гаврилова на „песокъ“, смотрѣлъ тамъ ловы песчанки, измѣрялъ суда, станы; толковалъ много съ поморами о нуждахъ и развитіи промысловъ на Мурманѣ и пр. Обо всемъ этомъ скажу ниже, въ особыхъ главахъ, а теперь, не нарушая порядка, продолжаю описаніе колоній и становищъ.

Входъ въ Гавриловскую губу довольно узкій, напоминаетъ какъ-бы корридоръ; съ боковъ, грозно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, печально, безжизненно, смотрятъ скалистыя горы, покрытыя, вслѣдствіе присутствія въ нихъ желѣзистыхъ породъ, ржавчиною, которая, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, смѣ

няется буро-зеленоватыми лишаями. На одной изъ этихъ горъ зажигается маякъ; она очень высока, называется „Гляднемъ“ и служитъ, для мѣстныхъ жителей, обсерваціоннымъ пунктомъ. Я взбирался на „Глядень“ до самаго маяка; тамъ голый камень, а въ трещинахъ вѣчный снѣгъ. Озираясь кругомъ, я видѣлъ, съ одной стороны, горы, переходящія дальше въ холмы, а затѣмъ, какъ бы равнину, скрывающуюся за горизонтомъ; съ другой—безпредѣльную водную ширь. Далеко виднѣются суда, идущія подъ парусами. На „Гляднѣ“ больше наблюдаютъ за срочныхъ пароходомъ, который, прежде всего, показывается въ формѣ черточки, а надъ нею другая, гораздо тоньше, но длиннѣе—обозначающая дымъ.

При входѣ въ губу видно, что лѣвый берегъ весь каменистый, высокій, тянется сначала прямо, а затѣмъ поворачиваетъ вправо, глаголемъ, принимая въ изгибѣ упомянутую рѣчку; правый же, вслѣдъ за входомъ, рѣзко измѣняется, переходя въ низменность и тянется параллельно лѣвому берегу, до самаго конца; нагорность же праваго берега дѣлаетъ надъ низменностью полукругъ и соединяется съ высокимъ лѣвымъ. Такимъ образомъ, въ этой глагольной губѣ, внутренній уголъ представляетъ собою ровную площадку. Гавриловская губа очень мелкая и въ „убылую“ воду дѣлается совершенно безводной, такъ что плоскодонныя суда садятся на сушу, а килевыя ложатся на бокъ. Вода въ губѣ прибываетъ на 7—8 сутокъ. Въ прибылую воду дно губы красиво блеститъ, на солнцѣ, перламутромъ. Это явленіе объясняется весьма просто. Въ началѣ губы поморы, раздѣлывая для посолки треску, головы и внутренности, бросаютъ въ воду, во время же „взводней“ всѣ отбросы, вмѣстѣ съ тиною и разными морскими водорослями, приносятся въ губу, гдѣ головы, одною щекою, всасываются въ илъ, а другою—блестятъ при солнечныхъ лучахъ. Поэтому пріятно смотрѣть на дно губы въ прибылую воду, — но въ убылую приходится затыкать носъ и бѣжать отъ берега, такъ какъ давно разложившіяся головы распространяютъ сильное зловоніе. Я говорю только относительно головъ, потому что остальные отбросы скоро исчезаютъ. Дѣло въ томъ, что, по спадѣ воды, налетаютъ стаи чаекъ и жадно набрасываются на рыбьи внутренности, уничтожая ихъ съ такою жадностью, что вступаютъ въ

драку, неистово кричатъ и, увлекшись борьбой, подпускаютъ настолько близко человѣка, что хоть руками бери. Слѣдовательно, чайки оказываютъ здѣсь громадную услугу санитарному дѣлу. Видѣлъ я ихъ, и въ помянутыхъ выше губахъ—и тамъ онѣ приносятъ такую же пользу. Поэтому, не встрѣчая никакихъ мѣръ противъ нечистотъ въ колоніяхъ и становищахъ, чайки являются по-истинѣ, „санитарами" Мурмана.

Домики колоніи Гаврилово разбросаны по тому берегу, который идетъ отъ рѣчки, не къ выходу губы, а во внутрь материка. Гаврилово — это одна изъ старѣйшихъ мурманскихъ колоній—образовалось въ 40-хъ годахъ; основателемъ ея былъ крестьянинъ кемскаго уѣзда, корелъ, Иванъ Рѣдькинъ, проживающій и понынѣ въ колоніи. Въ Гавриловѣ считается 9 дворовъ, съ 8 семейными работниками. Зимою колонисты занимаются домашнимъ хозяйствомъ, а также охотой на пушного звѣря,—особенно, старикъ Рѣдькинъ. Бьютъ лисицъ, выдръ, россамахъ и сбываютъ отъ нихъ шкуръ на 50 р. и болѣе. Главнымъ заработкомъ у колонистовъ является, конечно, рыбный промыселъ; но, среди нихъ, только 3 хозяина, имѣющихъ 1 шняку, 2 елы, 2 карбаса и 115 тюковъ. Фактически, хозяева не принимаютъ участія въ ловахъ, а нанимаютъ 14 покручниковъ, каждаго изъ $^1/_6$ и $^1/_{12}$ частей, причемъ зуевъ не берутъ, а тюки отвиваютъ женщины. Промыселъ начинается съ апрѣля мѣсяца и кончается заморозками. Прочіе колонисты, не имѣя собственныхъ судовъ и рыболовныхъ снарядовъ, берутъ ихъ у своихъ собратовъ и платятъ, такъ сказать, „за прокатъ" извѣстную долю выловленной рыбы. Скота колонисты имѣютъ: 3 коровы, 20 овецъ и 80 оленей. Скотъ содержится дома только зимою, а въ остальное время гуляетъ на подножномъ корму; въ низинахъ Лапландіи содержатся коровы и овцы; олени же, и зимою, и лѣтомъ пасутся въ тундрѣ, а въ случаѣ надобности ихъ ловятъ и приводятъ на веревкахъ. При мнѣ было приведено изъ тундры въ колонію 10 оленей Рѣдькина, для погрузки на пароходъ. Рѣдькинъ продалъ оленей, чрезъ посредство г. губернатора, на Новую Землю, взявъ за каждую важинку (самка) по 10 р. Зимою кормятъ скотъ сѣномъ и, отчасти, мхомъ. Сѣно косятъ, гдѣ придется, по берегамъ внутреннихъ озеръ и р. Вороньей, впадающей въ океанъ въ

3 верстахъ отъ Гаврилова. Каждый дворъ, имѣющій скотъ, накашиваетъ до 20 возовъ; уборкою сѣна занимаются сами колонисты и большею частью женщины. Хлѣбъ запасаютъ у фактористовъ, покупая по 8 р. за куль, а послѣдніе привозятъ его изъ Архангельска, на своихъ судахъ. Въ дровяномъ лѣсѣ гавриловскіе колонисты не нуждаются, такъ какъ рубятъ по р. Вороньей березнякъ, который, хотя и мелкій, но растетъ тамъ въ достаточномъ количествѣ. Но строевой лѣсъ покупаютъ и, притомъ, по высокимъ цѣнамъ: доска 2 д., 3 саж.—70—80 к., 3 с., 8 д. шир.—1 р. 50 к.

Два двора составляютъ отдѣлившіеся сыновья Рѣдькины, а прочіе—изъ кемскаго уѣзда. Поселенцы всѣ православные; впрочемъ, есть два старовѣра, но они настолько скрываютъ это, что остаются подъ сомнѣніемъ. Въ колоніи построены часовня и церковь во имя св. Николая. При церкви имѣется школа грамоты, въ которой учится 6 мальчиковъ. Это доброе дѣло ведутъ священникъ и дьячокъ безплатно, а учебныя пособія покупаются насчетъ родителей. Среди колонистовъ преобладаютъ болѣзни — золотуха и парши. Прибѣгаютъ къ медицинской помощи только лѣтомъ, когда здѣсь появляется Красный крестъ. Въ этомъ больничномъ пунктѣ, нынѣ было 15 кроватей, а врачебный персоналъ составляли: два фельдшера, студентъ-медикъ и 2 сестры милосердія; врача постояннаго нѣтъ, а онъ бываетъ въ больницѣ наѣздомъ, какъ назначенный по всему берегу.

На температуру жаловаться нельзя: морозы до 25°, жара до 23°. Въ другомъ отношеніи, климатическія условія гораздо хуже. Весною и осенью бываютъ частые и сильные туманы; лѣтомъ же льютъ проливные дожди и почти каждый разъ, со штормовыми вѣтрами; изъ послѣднихъ, самые злые и опасные, полунощникъ и побережникъ (сѣверо-западный). Нравственная сторона колоніи удовлетворительная; водку пьютъ мало, кражи рѣдки, незаконнорожденные случаи почти не встрѣчаются. Матеріально колонисты обезпечены. Дома у нихъ прочные, хорошіе, недостатка въ жизненныхъ припасовъ не имѣютъ; одѣваются чисто, по-нѣмецки. Жизнью здѣшнихъ колонистовъ соблазнился корелъ кемскаго уѣзда Макаровъ и подалъ губернскому начальству заявленіе о своемъ желаніи переселиться въ Гаврилово.

Гавриловское становище расположено на упомянутой ровной площадкѣ и въ самой малой части (2—3 стана съ факторіей) на лѣвомъ берегу губы, отъ входа. Становъ здѣсь гнѣздится 106 деревянныхъ и 8 земляныхъ. Дѣйствовало промысловыхъ судовъ: 154 шняки, 45 елъ и 57 карбасовъ. Работало на этихъ судахъ 812 покручниковъ и 152 зуя; они забрасывали на океанѣ 8960 тюковъ рыболовныхъ снастей; хозяевъ-промышленниковъ было 154 человѣка. Въ становищѣ торговали разными припасами 3 факторіи—гг. Демидова, Савина и Ремягина. Изъ тресковой максы выгоняли жиръ: простой—3 салогрѣйки и чистый, такъ называемый, медицинскій—одна, паровая, принадлежащая А. Савину. Кстати о послѣдней. Салотопенный заводъ г. Савина построенъ на площадкѣ, близъ скалистой стѣны. Заводская труба выбрасываетъ дымъ, очень ѣдкій, сильно вонючій, забивающійся въ носъ и въ ротъ, и способный лишать аппетита даже голоднаго человѣка. Этотъ дымъ, по мѣстоположенію завода, не можетъ уноситься вѣтромъ за предѣлы губы, а разсѣивается по колоніи и становищу. Понятно, во время дѣйствія салотопни, не только невозможно находиться внѣ дома, но нельзя оконъ отворить; вонь проникаетъ во всевозможныя скважины. Это не разсказъ, а мое личное наблюденіе. Разъ, я сидѣлъ за работой, при закрытыхъ окнахъ, и вдругъ, почувствовалъ мерзѣйшій запахъ; спросилъ о немъ у хозяина и получилъ отвѣтъ: „это Савинъ заводъ свой затопилъ". Когда я вышелъ изъ дома, то, сейчасъ же, вернулся съ зажатымъ ртомъ и носомъ. Положимъ, савинскій дымъ гуляетъ по Гаврилову временно, когда работаетъ заводъ, но я наблюдалъ, что заразный запахъ виситъ здѣсь въ воздухѣ всегда—отъ того же завода. Дѣло въ томъ, что изъ-подъ салотопни выдѣляется какая-то желтоватая жижа и ползетъ чрезъ все становище въ губу. Жижа, при появленіи на свѣтъ, бываетъ еще вонючею, а когда расползается на солнцепекѣ, то присыхаетъ, гніетъ и поддерживаетъ смрадъ постоянно. Нельзя не сказать, что заводъ г. Савина не имѣетъ извѣстной доли вреднаго вліянія на здоровье промышленниковъ. Извѣстно, что Гаврилово, изъ года въ годъ, даетъ цынготныхъ; нынѣ говорили, что насчетъ больныхъ слава Богу, а все-таки было 8 случаевъ заболѣванія цынгой, и больныхъ сначала положили въ

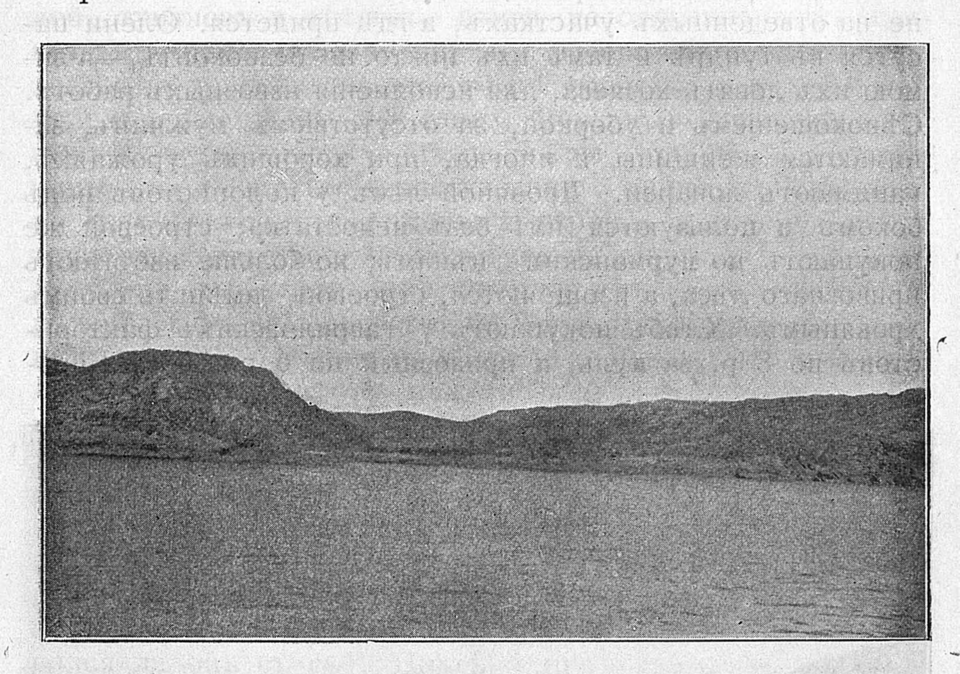
Гавриловѣ, а потомъ отправили въ архангельскую больницу, такъ какъ больница Краснаго креста не можетъ окончательно вылечивать цынготныхъ, а только оказываетъ первую помощь больнымъ.

Упомянувъ выше о количествѣ промысловыхъ судовъ, слѣдуетъ сказать и о судахъ мореходныхъ. Въ Гавриловѣ грузится рыбою 9 судовъ для Петербурга и 20 — для Архангельска.

Живя въ Гавриловѣ, я узналъ, что вверху, по р. Вороньей, на 18-й верстѣ, есть колонія Голицыно. Попасть въ нее можно было не иначе, какъ на карбасѣ. Считая нужнымъ побывать въ этой колоніи, я рѣшилъ отправиться, тѣмъ болѣе, что путь былъ нерискованный—океаномъ приходилось ѣхать всего 3 версты, а тамъ, до самой колоніи, исключительно рѣкою. Былъ выбранъ ясный, солнечный день, при безусловномъ штилѣ. Въ карбасъ сѣли—я, кормчій и два весельщика; сѣли мы въ концѣ Гавриловской губы, но она настолько коротка, что ею, въ полную воду карбасъ плылъ не болѣе $^1/_4$ часа. Выйдя изъ губы, повернули налѣво и направились вдоль мурманскаго берега; потянулись однообразныя голыя скалы,—то отвѣсныя, то съ наклонностями, то высовывающіяся въ океанъ, то удаляющіяся въ материкъ. Черезъ часъ сдѣлали поворотъ въ Воронью губу. Послѣдняя не длинна, но широка. Если ѣхать по срединѣ этой губы, то непремѣнно придется уткнуться въ берегъ, который, почти прямолинейно, легъ поперекъ губы и только въ правомъ углу даетъ мѣсто истекать водамъ р. Вороньей. Берегъ представляетъ собой сплошной мелкій сыпучій песокъ. Старики изъ поморовъ, ловившихъ здѣсь неводами рыбу-песчанку, говорили мнѣ, что раньше былъ берегъ скалистый, а нынѣшній образовался за послѣдніе годы, изъ песковъ, выбрасываемыхъ со дна губы штормами. Дѣйствительно, вдали песокъ полукругомъ окаймляется скалами, которыя, несомнѣнно, и составляли прежній берегъ. Песокъ отлогими уступами спускается къ водѣ; уступы ясно свидѣтельствовали, что каждое промежуточное разстояніе намыто въ теченіе одного года. Чѣмъ выше уступы, тѣмъ гуще они заросли сочной травою.

Мы выѣхали въ рѣку. Въ самомъ устьѣ лежитъ продольная коса, тоже образовавшаяся изъ наноснаго песка и покрытая высокою травою. По сторонамъ косы и дальше, все

еще тянулись скалистые берега; затѣмъ, съ 5—6-й версты, скалы стали понижаться и, наконецъ, перешли въ каменистые берега; появился низкій рѣдкій кустарникъ, на песчаной почвѣ; далѣе кустарникъ перемежался съ небольшими клочками луговъ; за ними показался мелкій березовый лѣсъ и, по мѣрѣ дальнѣйшаго пути, онъ поднимался выше и гуще. Пріѣхали въ колонію. Послѣдняя ютится среди возвышенностей и, видимо, защищена отъ вѣтровъ со всѣхъ сторонъ.

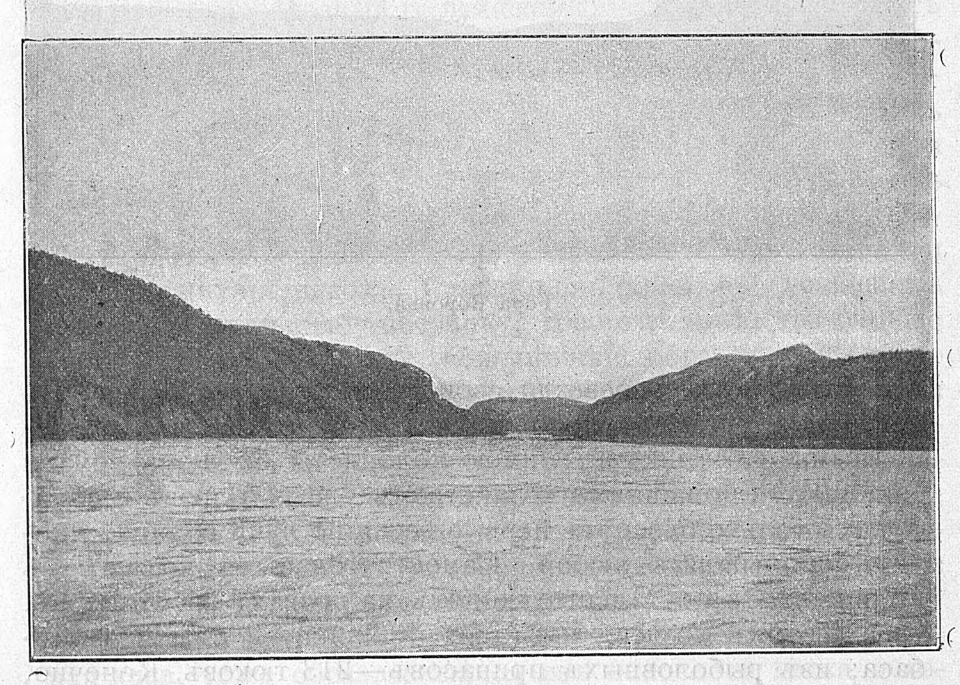

Гора Воронья.

Колонисты перевезли свои дома сюда въ 1888 г. Въ настоящее время въ колоніи уже 10 дворовъ, съ 13-ю семейными работниками. Зимою колонисты бываютъ дома и занимаются домашнимъ хозяйствомъ—возкой дровъ и сѣна. А какъ только блеснутъ первые весенніе лучи солнца, уходятъ промышлять рыбой. Самостоятельныхъ хозяевъ въ Голицынѣ 3, а остальные уходятъ, на правахъ работниковъ.

У этихъ хозяевъ имѣется: 4 шняки, 2 елы и 4 карбаса; изъ рыболовныхъ припасовъ—213 тюковъ. Конечно, судовладѣльцы промышляютъ на своихъ судахъ не одни,

а нанимаютъ работниковъ, коихъ у нихъ нынѣ было 26 человѣкъ, исправлявшихъ обязанности зуевъ. Весною большая часть колонистовъ уходитъ на промыслы въ становище Вайда-губу, на западный берегъ Мурмана, а лѣтомъ и осенью, всѣ поголовно ловятъ въ Гавриловѣ; дома же остаются только дѣти, да женщины. Скотоводство въ колонiи порядочное—7 коровъ, 40 овецъ и 250 оленей. Коровъ и овецъ всю зиму кормятъ однимъ сѣномъ, которое косятъ, по рѣкѣ и озерамъ, въ достаточномъ количествѣ и не на отведенныхъ участкахъ, а гдѣ придется. Олени пасутся въ тундрѣ и тамъ ихъ никто не безпокоитъ,—а зимою ихъ ловятъ хозяева, для исполненiя извозныхъ работъ. Сѣнокошенiемъ и уборкой, за отсутствiемъ мужчинъ, занимаются женщины и иногда, при хорошихъ урожаяхъ, нанимаютъ лопарей. Дровяной лѣсъ у колонистовъ подъ бокомъ и пользуются имъ безъ недостатка; строевой же покупаютъ по мурманскимъ цѣнамъ; но больше избѣгаютъ привознаго лѣса, а изощряются, строевой, замѣнить своимъ дровянымъ. Хлѣбъ покупаютъ у гавриловскихъ фактористовъ по 8 р. за куль, а привозный по 6 р. 50 к. Впро-

Губа Воронья.

чемъ, по послѣдней цѣнѣ, приходится покупать рѣдко, такъ какъ такой хлѣбъ скоро попадаетъ въ руки фактористовъ, которые покупаютъ его партіями, чтобы подавить опасную конкуренцію. Колонисты всѣ русскіе, православные; но ни церкви, ни часовни почему-то нѣтъ, да и объ устройствѣ ихъ въ будущемъ что-то, не слыхалъ. Въ колоніи нѣкоторые колонисты знаютъ грамоту и именно тѣ, которые переселились туда изъ Гаврилова,—но молодое поколѣніе растетъ безграмотнымъ. Климатъ здѣсь, въ отношеніи дождей, тумановъ и вѣтровъ, почти не отличается отъ климата, который существуетъ въ побережныхъ колоніяхъ; только въ температурѣ замѣчается разница: зимою 30—35° холода, лѣтомъ 28—30° тепла. Дома въ колоніи порядочные; живутъ колонисты безъ нужды,—хватаетъ и хлѣба, и рыбы, и лѣса. Изъ вышесказаннаго видно, что мужчинъ, въ колоніи, я видѣть не могъ. И вѣрно,—я нашелъ однѣхъ женщинъ, которыя, на мои запросы, отозвались малосвѣдующими и просили поговорить съ ихъ мужьями въ Гавриловѣ. Поэтому, пробывъ въ Голицынѣ недолго, прежнимъ путемъ, вернулся въ Гаврилово и отыскалъ нужныхъ мнѣ колонистовъ; отъ нихъ и получилъ вышеприведенныя свѣдѣнія.

Мнѣ надо было въ Гавриловѣ сѣсть на тотъ пароходъ, который выйдетъ изъ Архангельска 19-го іюля и придетъ въ колонію 21-го. Ожидали пароходъ, какъ и всегда, въ 12 ч. пополудни,—но его не было. Время шло, часъ за часомъ, а пароходъ не показывался. Наступилъ уже и вечеръ, а парохода все еще не было. Одни думали, не остановился ли онъ въ губѣ Пахтѣ, а другіе говорили, что тогда былъ бы свистокъ слышенъ; слѣдовательно, пароходъ вовсе не приходилъ. Все таки, сходили въ Пахту—и принесли извѣстіе, что парохода тамъ нѣтъ. Взбирались десятки разъ на „Глядень", но все безуспѣшно; стали уже ходить по Гаврилову тревожные толки о томъ, не случилось-ли какого либо несчастья съ пароходомъ въ пути. Наконецъ, въ 1 ч. ночи пароходъ пришелъ и бросилъ якорь противъ самой губы Гавриловой. Впослѣдствіи оказалось, что пришелъ „Ломоносовъ", который до этого рейса ходилъ на Новую Землю и потерявъ винтъ, прибылъ въ Архангельскъ съ однимъ винтомъ; съ однимъ же винтомъ онъ отправился по мурманской линіи, дѣлая въ часъ,

вмѣсто 20, только $15^3/_4$ версты. Такимъ образомъ, причина запозданія была очевидна. „Ломоносовъ“ по достоинствамъ и качествамъ такой же пароходъ, какъ и „Николай II“, только немного меньше размѣрами.

Изъ Гаврилова я выѣхалъ на карбасѣ; океанъ волновался незначительно; но когда мы приблизились къ пароходу, отъ набѣжавшей небольшой тучки, налетѣлъ съ дождемъ шквалъ и живо усилилъ волненіе. Мы поспѣшили приткнуться межъ привязанныхъ судовъ и, послѣдними, нашъ карбасъ стало жать и колотить по бортамъ, причемъ онъ то поднимался, то опускался на $1-1^1/_2$ сажени. Положеніе испытывалось такое, что, среди судовъ, пробраться къ трапу было довольно трудно. Наконецъ, кое-какъ пробились къ борту парохода и подошли къ трапу; но суда давили нашъ карбасъ, прижимали къ пароходу, такъ что попасть на трапъ было очень трудно—не только для меня, но и для привычнаго къ морскимъ переѣздамъ человѣка. Однако, я рѣшился схватиться за трапную веревку, повисъ на ней и, вскорѣ, ногами нашелъ ступени.

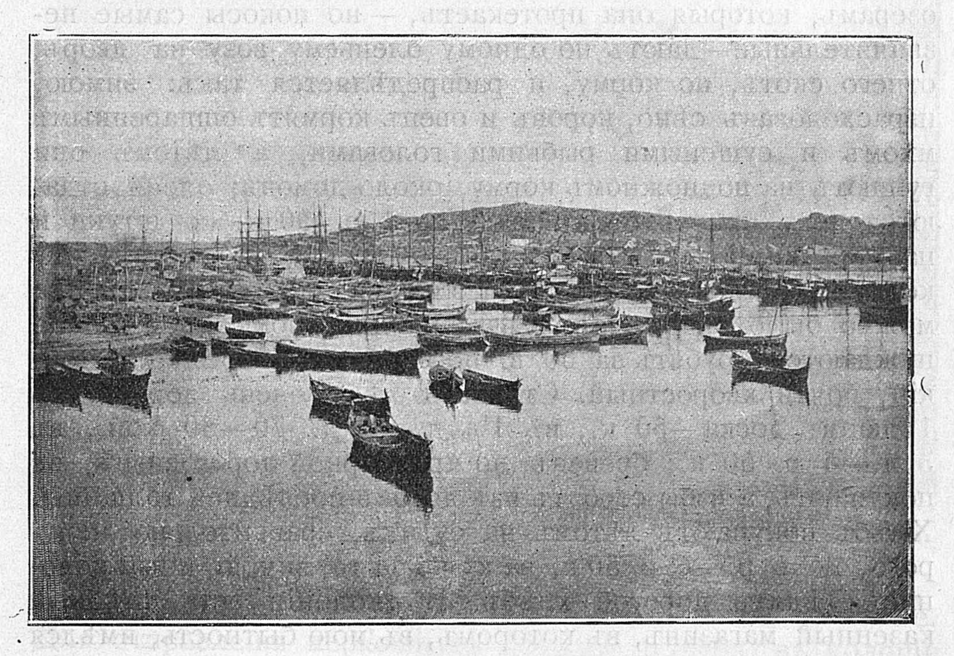
Много чего-то выгружали, чего-то принимали и только въ 6 ч. загремѣла якорная цѣпь, возвѣстивъ о приближеніи минуты, въ которую слѣдовало проститься съ центральнымъ пунктомъ Мурмана—Гавриловымъ.

VII.

Териберка.

Въ 30 верстахъ отъ Гаврилова, лежала на пути колонія —со становищемъ—Териберка, которая, по осѣдлой населенности, считается первой колоніей на всемъ Мурманѣ. Природа береговъ была такая же дикая, мертвая, какъ и предыдущихъ. Мы миновали нѣсколько острововъ, разныхъ величинъ и самыхъ причудливыхъ формъ; затѣмъ, черезъ 3 часа, вступили въ Териберскую губу—довольно широкую и совершенно открытую къ океану. Въ глубинѣ губы едва замѣтно показывались поморскія избы и, по мѣрѣ приближенія парохода, контуръ ихъ все болѣе прояснивался. Пароходъ сталъ на рейдѣ въ $2-2^1/_2$ верстахъ отъ колоніи, такъ какъ, въ концѣ, губа чрезвычайно мелкая и, ближе

стоянокъ никогда не бываетъ. Подъѣхавшіе карбасы были всѣ заняты своимъ дѣломъ, такъ что мнѣ подали пароходную шлюпку и я отправился на берегъ. Вышелъ на мысъ, покрытый сплошь мелкимъ, намытымъ пескомъ. Съ одной стороны губа образовывала маленькій заливчикъ, а съ другой, вдавалась гораздо больше и терялась за мысомъ. На этомъ-то мысу, и помѣстилась Териберка, красивая сама по себѣ, и представляющая привлекательный видъ съ рейда. Я бесѣдовалъ съ колонистами и промышленниками, причемъ всѣ они охотно сообщили мнѣ необходимыя свѣдѣнія—первые о состояніи колоніи, а вторые о положеніи рыбныхъ промысловъ.

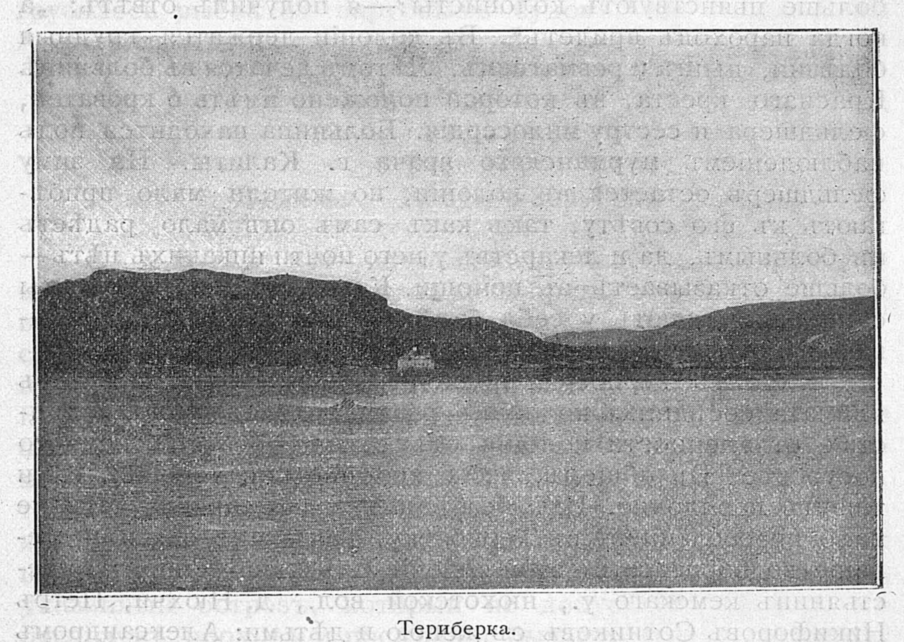

Териберка (съ моря).

По Териберской губѣ, отъ колоніи до океана, считается 10 верстъ. Мысъ, на которомъ раскинулось поселеніе, съ каждымъ годомъ, по завѣренію колонистовъ, растетъ отъ наносныхъ песковъ и все больше выдвигается изъ-подъ воды. Колонія возникла въ 1870 г., причемъ основателемъ ея былъ крестьянинъ Кемскаго уѣзда, д. Поньгомы, Дмитрій Семеновъ. Въ Териберскую губу впадаетъ рѣчка, вытекающая изъ внутреннихъ лапландскихъ озеръ; но она на-

столько далека отъ колоніи, что жители предпочитаютъ брать воду изъ колодцевъ. Въ колоніи 30 дворовъ съ 36-ю семейными работниками. Зимою териберцы занимаются домашними работами, а въ остальное время промышляютъ рыбными ловлями. Такъ, у колонистовъ имѣется: 11 шнякъ, 7 ель, 15 тройниковъ и 9 карбасовъ; на этихъ судахъ, или, какъ ихъ называютъ здѣсь, да и по всему Мурману, „посудинахъ", работаютъ только взрослые, закидывая въ океанъ до 1060 тюковъ. Скотъ, сравнительно съ количествомъ населенія, малочисленный: 5 коровъ, 100 овецъ и 100 оленей. Такое оскудѣніе въ скотоводствѣ, находится въ прямой зависимости отъ корма. Покосы расположены по р. Мучнѣ и по озерамъ, которыя она протекаетъ, — но покосы самые незначительные — даютъ по одному оленьему возу на дворъ, отчего скотъ, по корму, и распредѣляется такъ: зимою, израсходовавъ сѣно, коровъ и овецъ кормятъ ошпареннымъ мхомъ и сушеными рыбьими головами, а лѣтомъ они гуляютъ на подножномъ корму, около домовъ; олени отдаются подъ присмотръ лопарей по 1 р. 50 к. со штуки и пасутся зимою въ тундрѣ, а лѣтомъ въ 3—4 верстахъ отъ колоніи, дабы, на случай тучнаго нападенія комаровъ, скорѣе можно было загнать въ хлѣва. Въ дровяномъ лѣсѣ крайне нуждаются — рубятъ за 60 в. по р. Мучнѣ, березнякъ, тонкій, почти хворостный. Строевой лѣсъ очень дорогъ: въ 1 дюймъ доска — 50 к., въ $1^1/_2$ д. — 2 д. 70—80 коп., въ 3 д. — 1 р. 50 к.; бревенъ, по чрезмѣрной дороговизнѣ, не покупаютъ, а избы строятъ изъ досокъ послѣдней толщины. Хлѣбъ покупаютъ лѣтомъ на судахъ, сравнительно недорого, по 6 р. — 6 р. 50 к. за куль; за то, зимою, иные колонисты ѣдятъ дорогой хлѣбъ. Въ колоніи есть хлѣбный казенный магазинъ, въ которомъ, въ мою бытность, имѣлся запасъ 40 кулей, заготовленныхъ три года назадъ. Архангельскій комитетъ, для магазина, помѣщенія не нанимаетъ, а сами колонисты арендуютъ для склада муки, у своего собрата Семена Никитина, сарай, съ платою по 20 р. въ годъ. Получить ссудный хлѣбъ, какъ будетъ видно ниже, довольно трудно. Хлѣбъ выдается по общественнымъ приговорамъ, съ круговымъ ручательствомъ, когда приговоръ подписанъ всѣми териберскими колонистами. Колонисты, которые не нуждаются въ казенномъ хлѣбѣ, изъ боязни поруки, не подписываютъ приговора. Слѣдовательно, если

5—10 домохозяевамъ нуженъ хлѣбъ, то приговоръ подписываютъ только нуждающіеся и онъ не можетъ быть принятъ къ удовлетворенію, какъ неимѣющій законнаго числа голосовъ за поруку и выдачу. Положимъ, хлѣбъ въ магазинѣ стоитъ 10 р. 50 к. куль,—но колонисты охотно платили бы и такую цѣну, лишь бы казна облегчила формальности на полученіе хлѣбной ссуды.

Териберка.

Колонисты въ Териберкѣ всѣ русскіе, православные. Для отправленія церковныхъ службъ и требъ, въ колоніи имѣются два храма, съ постояннымъ причтомъ. При одной изъ церквей есть школа, привлекшая, въ настоящее время, въ свои стѣны 10 мальчиковъ. Обучаетъ ихъ грамотѣ мѣстный священникъ и притомъ безплатно,—только, со стороны родителей, требуется расходъ на пріобрѣтеніе учебныхъ принадлежностей. Изъ взрослыхъ колонистовъ найдется грамотныхъ не болѣе 5 человѣкъ. Нравственныя стороны колонистовъ безупречны, за исключеніемъ пьянства, которое бываетъ, подъ вліяніемъ соблазна. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые промышленники выписываютъ, посредствомъ

парохода, боченки съ водкою и послѣднюю пускаютъ въ продажу, среди покручниковъ. Смотря на подгулявшихъ поморовъ, покупаютъ водку и колонисты, напиваются пьяными, дебоширятъ, бранятся, дерутся. Пьяный угаръ длится 2—3 дня, а потомъ все смолкаетъ, до слѣдующаго парохода; онъ, по мнѣнію колонистовъ, играетъ въ пьянствѣ главенствующую роль, такъ что на вопросъ: въ какіе дни больше пьянствуютъ колонисты?—я получилъ отвѣтъ: „а когда пароходъ придетъ“. Въ колоніи держатся грудныя болѣзни, цынга и ревматизмъ. Лѣтомъ лечатся въ больницѣ Краснаго креста, въ которой положено имѣть 6 кроватей, фельдшера и сестру милосердія. Больница находится подъ наблюденіемъ мурманскаго врача г. Калиты. На зиму фельдшеръ остается въ колоніи; но жители мало прибѣгаютъ къ его совѣту, такъ какъ самъ онъ мало радѣетъ къ больнымъ, да и лекарствъ у него почти никакихъ нѣтъ— больше отказываетъ въ помощи. Къ стыду его, колонисты сами опредѣляютъ у себя болѣзнь, сами себѣ и прописываютъ лекарства—по народной фармакологіи.

Климатъ Териберки подходитъ подъ общій характеръ климата сосѣднихъ колоній,—развѣ, только зимою, вслѣдствіе отдаленности колоніи отъ океана, бываетъ немного посуровѣе. Въ общемъ, избы колонистовъ хорошія, сами живутъ порядочно. Ихъ безбѣдная жизнь привлекаетъ не мало переселенцевъ въ Териберку. Такъ, мнѣ заявили желаніе водвориться въ этой колоніи слѣдующія лица: 1) крестьянинъ кемскаго у., нюхотской вол., д. Нюхчи, Петръ Никифоровъ Сотниковъ съ женою и дѣтьми: Александромъ 13 лѣтъ, Иваномъ 7 л., Максимомъ 3 л. и Марфой 16 лѣтъ; 2) кр. Онежскаго у., Кушерѣцкой вол., д. Кушерѣки, Матвѣй Ивановъ Самковъ съ женою и дѣтьми: Ильей 2-хъ л., Мариной 5 л. и Варварой 16 л.; 3) кемскаго уѣзда, колежемской вол., д. Колежмы, кр. Михаилъ Ивановъ Постниковъ съ женою и сыномъ Федоромъ 5 лѣтъ; 4) кр. онежскаго у., кушерѣцкой вол., д. Кушерѣки, Андрей Филиповъ Кучинъ, съ женою и дѣтьми: Иваномъ 4 л., Пелагеей 15 л., и 5) кр. того же у. и дер. Иванъ Антоновъ Денисовъ съ женою и сыномъ Федоромъ 1 года.

Териберское становище состоитъ изъ 32 деревянныхъ и 3 земляныхъ становъ. Промышленныхъ судовъ поморы насчитывали: 49 шнякъ, 9 елъ, 31 тройниковъ и 24 кар-

баса. Эти суда принадлежатъ 147 хозяевамъ, у которыхъ находилось въ наймахъ 451 покручниковъ и 68 зуевъ. Упомянутый рабочій людъ забрасывалъ въ океанъ 3250 тюковъ. Къ услугамъ промышленниковъ-хозяевъ и покручниковъ открыты были, съ разнымъ товаромъ, двери 3 факторій: гг. Хохлина, Мерзлютина и дворянина Лильи. Дѣйствовали 4 салогрѣйни, изъ коихъ одна паровая. Въ бухтѣ грузилось рыбой 38 парусныхъ судовъ, для отправки въ Архангельскъ.

VIII.

Заоленье.—Кильдинъ-Зарубиха.

На обратномъ пути, изъ колоніи къ пароходу, шлюпка тащилась довольно долго, такъ какъ приходилось бороться съ прибывавшей водой и встрѣчнымъ вѣтромъ. „Ломоносовъ“ снялся съ якоря и вышелъ изъ Териберской губы, держа курсъ на слѣдующую колонію, до которой считается 15 верстъ. Берегъ тянулся скалистый, однообразный. Затѣмъ стали приближаться къ Малооленьему острову и чрезъ нѣсколько минутъ вошли, между послѣднимъ и мурманскимъ берегомъ, точно въ корридоръ. Пароходъ бросилъ якорь противъ самой колоніи и становища Заоленье. Рейдъ небольшой и притомъ тихій, потому что впереди колоніи расположенъ указанный островъ, который не допускаетъ вѣтровъ съ океана въ проходъ и послѣдній бываетъ всегда спокоенъ. Я отправился въ Заоленье на карбасѣ. Эта колонія маленькая, всего 2 двора съ 3 работниками, приткнулась у берега безъ бухты, въ которой она, видимо, и не нуждается, какъ защищенная отъ океана стѣной—островомъ. Рѣчки здѣсь нѣтъ также никакой, а воду жители берутъ отъ источниковъ, вытекающихъ изъ скалистыхъ горъ. Заоленье образовалось въ 1894 г.; первымъ сюда пришелъ кр. кемскаго уѣзда Еремѣй Бородкинъ. Главное занятіе колонистовъ—рыбные промыслы; да, впрочемъ, оно, у нихъ, и единственное. Колонисты промышляютъ на 2 тройникахъ и 1 елѣ, нанимая, со стороны, рабочихъ, до 6 человѣкъ, съ платою въ годъ по 60—65 р. Рыболовныя снасти у нихъ свои, коихъ наберется до 100 тюковъ. Изъ скота имѣется только

5 овецъ и 3 оленя; но покосы порядочные—косятъ на островѣ и собираютъ сѣна до 5 возовъ на дворъ. За неимѣніемъ коровъ, къ покосамъ колонисты относятся безпечно, не разыскиваютъ ихъ, а въ прошломъ году, кормивъ овецъ мхомъ и пася оленей въ тундрѣ, вовсе не косили сѣна. Въ виду достаточныхъ покосовъ, есть разсчетъ обзавестись другимъ скотомъ,—но, по бѣдности, колонисты заводить скотоводства не могутъ. Вмѣсто дровъ жгутъ кустарникъ, который сбираютъ за нѣсколько верстъ, въ тундрѣ. Въ строевомъ лѣсѣ нужды еще не имѣли и поэтому не покупали ни бревна, ни доски. Колонисты русскіе, православные; имѣется часовня. Лѣтомъ хлѣбъ покупаютъ привозный, по 6 р. 50 к.—7 р. за куль; тогда же, запасаютъ и на зиму. Климатическія условія такія же, какъ и въ предыдущихъ колоніяхъ, за исключеніемъ вѣтровъ, которые дуютъ съ сѣвера чуть-чуть помилосерднѣе. Относительно болѣзней не испытано; что же касается грамотности, то оба двора неграмотные. Становище Заоленье гнѣздится въ низменной впадинѣ и состоитъ изъ 18 деревянныхъ и 6 земляныхъ становъ. Кромѣ того, покручники живутъ въ лопарскихъ тупахъ и просто на судахъ. Здѣсь насчитывается у пришлыхъ промышленниковъ—28 шнякъ, 16 елъ и 20 карбасовъ; суда принадлежатъ 32 хозяевамъ, у которыхъ работаетъ 180 покручниковъ и 30 зуевъ; рыболовные снаряды заключаются въ 300 тюкахъ. Поморскихъ судовъ здѣсь грузится рыбою 9, которыя всѣ пойдутъ въ Архангельскъ. Факторій въ колоніи нѣтъ; есть 3 салогрѣйни, изъ коихъ одна паровая.

Я пробылъ въ колоніи мало времени; торопился на пароходъ, въ чаяніи, что онъ простоитъ недолго; но, на самомъ дѣлѣ, пришлось ждать отхода порядочно, вслѣдствіе замедленія какой-то разгрузки. Въ виду этого, я остался на палубѣ,—тѣмъ болѣе, что былъ полдень и погода стояла ясная, теплая. Кто-то заявилъ, что здѣсь можно наблюдать кита, который, изъ года въ годъ, гуляетъ по этому проливу и считается, такъ сказать, мѣстнымъ, заоленскимъ китомъ. Дѣйствительно, вскорѣ, близъ парохода показалось чудовищное животное, то высовывая голову, то показывая хребетъ. Это былъ китъ породы balaenoptera borealis, а мурманскіе жители называютъ его просто „сайдянымъ". Такое названіе онъ получилъ отъ нихъ, по той причинѣ, что появленіе его у

острова Заоленья бываетъ непремѣнно въ іюлѣ, т. е. въ томъ мѣсяцѣ, когда у береговъ океана тоже появляется рыба сайда.

Снявшись съ якоря, тронулись дальше, къ острову Кильдину. Прошли 15 верстъ и поровнялись съ колоніей Кильдинъ, на островѣ того же имени,—но пароходъ здѣсь не дѣлаетъ рейда. Затѣмъ, я узналъ, что въ этой колоніи 1 дворъ съ 6 семейными работниками. Основана колонія въ 1880 г. норвежцемъ Иваномъ Эриксономъ. Съ тѣхъ поръ какъ поселился на Кильдинѣ этотъ норвежецъ, никто не пожелалъ сюда переселиться; такъ-таки, онъ одинъ и хозяйничаетъ на Кильдинѣ 15 лѣтъ, словно какъ владѣтельное лицо острова. Ни звѣриныхъ, ни рыбныхъ промысловъ Эриксонъ не производитъ, а занимается исключительно скотоводствомъ; у него 7 коровъ, 15 овецъ и 41 олень. Сѣна для скота хватаетъ съ избыткомъ; онъ коситъ по всему острову и накашиваетъ до 50 возовъ. Дрова въ колоніи замѣняетъ кустарникъ, произростающій внутри острова; строевой же лѣсъ покупаетъ на судахъ, по мурманскимъ цѣнамъ. Дома, сараи и хлѣва, въ смыслѣ поселенческомъ, прекрасные; всѣ строенія возведены внизу, у берега, недостигаемаго для сѣверныхъ вѣтровъ. Ни въ самой колоніи, ни по близости, рѣчки нѣтъ, а воду берутъ изъ колодца. Всѣ колонисты русскіе подданные, изъ норвежцевъ, говорятъ исключительно по норвежски, никакихъ отношеній съ русскими колонистами не имѣютъ, а дѣла ведутъ въ Норвегіи.

На 7-й верстѣ отъ колоніи Кильдинъ, мы проходили мимо колоніи Зарубихи, расположенной на мурманскомъ берегу, подъ прикрытіемъ острова Кильдина. Въ эту колонію переселился крестьянинъ Зимней Золотицы, Лыткинъ, и получилъ въ 1895 г. отъ казны пособіе; но, теперь, кромѣ пустой землянки, здѣсь ничего нѣтъ, а Лыткинъ осѣдло проживаетъ въ колоніи Териберкѣ; поэтому, и промышленно-хозяйственныя свѣдѣнія, объ этомъ дворѣ, заключаются въ общихъ свѣдѣніяхъ по той колоніи. Неизвѣстно, какія причины заставили Лыткина покинуть Зарубиху,—но, во всякомъ случаѣ, не неудобства ея; это мѣстечко многіе знаютъ какъ лучшее для колонизаціи; хвалили мнѣ Зарубиху, еще въ Гавриловѣ, два помора и заявили желаніе переселиться въ нее. Поморы эти: 1) крест.

кольскаго у., умбской вол., д. Порьегубы, Иванъ Прокофьевъ Лопанцевъ и 2) кр. кемскаго у., тунгудской вол., д. Машезера, Алексѣй Васильевъ Аникинъ, съ женою, тремя сыновьями 2, 7 и 9 лѣтъ и дочерью 4 лѣтъ.

Когда мы оставили Кильдинъ, онъ представлялъ величественный видъ; съ западной стороны берегъ остро вдавался въ океанъ и поднимался буквально прямою стѣною, по крайней мѣрѣ, до 600 футовъ. Этотъ утесъ самый высокій не только на островѣ Кильдинѣ, но и въ сравненіи со всѣми утесами мурманскаго берега. Онъ, быть можетъ, долго бы не исчезъ изъ нашихъ глазъ,—но, вдругъ, надвинулся туманъ и застлалъ все окружающее такъ густо, что впереди не видно было на 2—3 сажени. Дальнѣйшее движеніе въ туманѣ, и тѣмъ болѣе, при заворачиваніи въ Кольскую губу, для парохода было крайне опасно—можно свободно сѣсть на банку или столкнуться со встрѣчнымъ судномъ. Нашъ капитанъ С. В. Постниковъ, какъ одинъ изъ самыхъ опытныхъ капитановъ по мурманской линіи, зналъ это прекрасно и, чрезвычайно спокойный и сдержанный въ исполненіи своихъ обязанностей, остановилъ пароходъ якоремъ, съ цѣлью выждать, когда разсѣется туманъ. Прошелъ цѣлый часъ томительнаго ожиданія, послѣ чего туманъ куда то пропалъ и, вскорѣ, мы вошли въ Кольскую губу. Эта губа довольно широкая; пароходъ держалъ рейсъ по срединѣ ея, такъ что берега виднѣлись вдалекѣ и видѣть, какія-либо очертанія скалъ, горъ и утесовъ было рѣшительно трудно. Поздно вечеромъ, мы зашли въ Екатерининскую гавань, гдѣ долго разгружали землекопательные инструменты для работъ по устройству здѣсь города. Только на разсвѣтѣ мы тронулись дальше и утромъ прибыли въ Колу, т. е. не въ самую Колу, а пароходъ остановился отъ нея въ 5-ти верстахъ.

IX.

Общіе выводы о колоніяхъ и становищахъ восточнаго Мурманскаго берега.

Вышеупомянутая колонія Зарубиха была послѣдней въ моемъ обозрѣніи колоній и становищъ восточнаго мур-

манскаго берега; поэтому, теперь, я считаю умѣстнымъ подвести итоги добытымъ мною свѣдѣніямъ, по всѣмъ населеннымъ пунктамъ указаннаго берега.

Бывъ въ Архангельскѣ, предъ поѣздкой на Мурманъ, я запасся тамъ оффиціальными данными мѣстнаго крестьянскаго присутствія о количествѣ мурманскихъ колоній и о числѣ дворовъ въ нихъ. Эти данныя, какъ почерпнутыя изъ казенныхъ посемейныхъ книгъ, убѣждаютъ меня въ слѣдующемъ: кого крестьянское присутствіе считало законнымъ приписать въ колонисты мурманскаго берега, того и приписало, и въ книгу внесло, а всякое лицо не указанное въ книгѣ, но тамъ поселившееся, должно признаваться самовольнымъ и незаконнымъ поселенцемъ. Сравнивая данныя присутствія съ моими данными, собранными на мѣстѣ, именно, такіе люди, и оказываются.

Привожу здѣсь эти сравнительныя данныя.

Число дворовъ

Колоніи	По моимъ свѣдѣніямъ.	По даннымъ присутствія.
Лица	6	3
Харловка	2	1
Рында	9	3
Шельпино	2	1
Гаврилово	9	10
Голицыно	10	2
Териберка	30	20
Заоленье	2	„
Кильдинъ	1	1
Зарубиха	„	2
Всего	71	43

Разница 28.

Изъ этой таблицы видно, что почти во всѣхъ колоніяхъ есть самовольно поселившіяся лица; есть даже самовольно образовавшаяся колонія Заоленье. Нѣтъ самовольныхъ въ Зарубихѣ и Гавриловѣ; за то, отсюда, и приписные ушли. Положимъ, изъ первой, какъ сказано выше, одинъ переселился въ Териберку, а другой и одинъ изъ второй колоніи убыли неизвѣстно куда. Только колонія Кильдинъ никого не прельстила—и остается со своимъ

вѣрнымъ и неизмѣннымъ норвежцемъ Эриксономъ. Итакъ, по восточному берегу, самовольно поселившихся 28 дворовъ.

Укажу въ таблицѣ на положенie хозяйства и главнаго промысла у колонистовъ.

Названie колоній.	Семейные работники.				Скотъ.				Суда.					
	Русскіе.	Корелы.	Финляндцы.	Норвежцы.	Лошади.	Коровы.	Овцы.	Олени.	Шняки.	Тройники.	Елы.	Карбасы.	Тюки.	Наемн. раб. на судахъ.
Лица . . .	8	—	—	—	—	—	30	30	6	—	—	—	180	15
Харловка . .	—	6	—	—	—	—	12	7	2	—	—	—	65	—
Рында . . .	10	—	—	—	—	6	15	10	9	—	—	—	180	20
Шельпино .	1	—	1	—	—	3	8	30	—	—	1	1	40	2
Гаврилово .	8	—	—	—	—	3	20	80	1	—	2	2	115	14
Голицыно .	13	—	—	—	—	7	40	250	4	—	2	4	213	26
Териберка .	36	—	—	—	—	5	100	100	11	15	7	9	1060	—
Заоленье .	3	—	—	—	—	—	5	3	—	2	1	—	100	6
Кильдинъ .	—	—	—	6	—	7	15	41	—	—	—	—	—	—
Итого .	49	6	1	6	—	31	245	551	33	17	13	16	1953	83

Если сопоставить дворы и семейныхъ работниковъ, то окажется, что во всѣхъ колоніяхъ, за исключеніемъ Гаврилова, послѣднихъ, какъ и слѣдовало ожидать, больше, нежели первыхъ, особенно въ колоніяхъ Кильдинѣ и Харловкѣ. Населеніе, на восточномъ берегу Мурмана, преобладаетъ православное и, по національности, русское; иностранцевъ же всего 6 колонистовъ.

Изъ скота первое мѣсто занимаютъ, конечно, олени, какъ дешевое и пріуроченное къ извозу на сѣверѣ животное; затѣмъ—овцы и, наконецъ, коровы, которыхъ на дворъ приходится, въ общемъ, меньше единицы.

Что же касается судовъ, то больше ловятъ на шнякахъ, а затѣмъ, предпочитаютъ тройники и карбасы; тюки же распредѣляются пропорціонально судамъ, т. е. чѣмъ больше въ колоніи судовъ, тѣмъ болѣе возвышается количество тюковъ.

Наемныхъ рабочихъ у колонистовъ почти столько же, сколько ихъ самихъ—слѣдовательно, безъ участія сторон-

нихъ поморовъ, колонистская промышленная флотилія дѣйствовала бы лишь на половину.

Теперь коснемся дѣятельности становищъ.

Наименованіе становищъ.	Станы.		Суда.					Промышленники хозяева.	Покручники.	Зуи.	Салогрѣйни.	Факторіи.	Тюки.	Грузивш. суда.
	Деревян.	Землян.	Шняки.	Тройники.	Елы.	Карбасы.	Всего.							
Лица . . .	20	4	5	—	—	30	35	22	100	17	2	1	875	5
Харловка .	18	2	3	—	—	27	30	20	98	16	1	—	740	3
Рында . . .	26	3	9	—	—	29	38	24	113	19	3	1	470	5
Трящино . .	8	—	41	—	6	39	86	11	274	24	—	—	977	7
Щербиниха .	—	2	—	—	—	2	2	2	4	—	—	—	21	—
Захребетное	7	—	1	—	3	5	9	7	23	2	—	—	158	2
Рус. Оленница	—	—	—	—	1	—	1	1	3	—	—	—	25	—
Шельпино .	20	3	—	—	—	26	26	18	66	—	1	1	283	5
Зеленцы . .	2	—	17	—	—	—	17	2	68	7	1	—	580	2
Гаврилово .	10	8	154	—	45	57	256	154	812	152	3	3	8960	29
Териберка .	32	3	49	31	9	24	113	149	451	68	4	3	3250	38
Заоленье . .	18	6	28	—	16	20	64	32	180	30	3	—	1300	9
Итого	260	31	307	31	80	259	677	442	2192	335	18	9	17639	105

Ловы производятъ больше на шнякахъ и меньше на тройникахъ, причемъ, въ большинствѣ становищъ, промышляютъ на судахъ смѣшанныхъ типовъ; затѣмъ, на однѣхъ шнякахъ ловитъ становище Зеленцы, на одних карбасахъ Щербиниха и Шельпино, а въ Териберкѣ производится промыселъ на судахъ всѣхъ конструкцій.

Числа хозяевъ и зуевъ, какъ и станы, сбиваютъ извѣстный порядокъ становищъ; мѣняютъ его также салогрѣйни, факторіи и суда, грузившіяся рыбой въ губахъ близъ становищъ. Эти измѣненія порождаютъ нѣкоторыя странности. Почему, напр., въ неравныхъ по промысламъ становищахъ Гавриловѣ, Заоленьѣ и Рындѣ, одинаковое число салогрѣенъ? Почему въ маломъ становищѣ Шельпинѣ есть и салогрѣйня, и факторія, тогда какъ въ Трящинѣ, гораздо большемъ становищѣ, нѣтъ ни той ни другой?

Далѣе, отчего въ Гавриловѣ грузилось 29 судовъ, а въ Те-

риберкѣ—38, или, отчего въ Трящинѣ—7, а въ Заоленьѣ—9, не смотря на то, что первыя становища больше вторыхъ? Въ отношеніи судовъ, положимъ, есть основанія указать на то, что хотя судовъ и меньше, но они по грузовмѣстимости больше,—но, насчетъ салогрѣенъ и факторій, объяснить затрудняюсь.

Такъ какъ покручники появляются на Мурманѣ въ разное время года, оно ни именуются вешняками, лѣтняками и осенниками. Изъ нихъ на восточный берегъ приходятъ вешняки въ самомъ незначительномъ количествѣ и, преимущественно, въ большія становища; они остаются на лѣто и тогда къ нимъ примыкаютъ лѣтняки, каковые, вмѣстѣ съ вешняками, и составляютъ въ таблицѣ указанное количество. Къ осени это количество сильно уменьшается—вешняки всѣ поголовно исчезаютъ, а изъ лѣтняковъ остается осенниковъ очень немного, да и то, преимущественно, для лововъ на свою деревню. Такимъ образомъ, одни и тѣ же покручники, сообразно времени, носятъ разныя наименованія; только тѣ, которые приходятъ на лѣто и не остаются на осень, носятъ одно названіе лѣтняковъ.

Колоніи и становища Западнаго берега.

Грязная. — Военга. — Рослякова. — Бѣлокаменная. — Варламово.—Средняя.—Тюва.—Екатериненская гавань.—Сайда.—Торосъ—Еретики (портъ Владиміръ).—Кислая.—Ура.—Ара.—Малая Лица.—Большая Лица.—Титовка.—Большая Мотка.—Земляная.—Эйна.—Малая Мотка.—Печенга.—Гагарка.—Баркино.— Княжуха.— Труфановъ ручей.— Оленья горка.— Малонемѣцкое.—Столбовое.—Фильманское.—Ворьема.—Червляная.—Вайда-губа.—Зубовская.—Ципъ-Наволокъ.

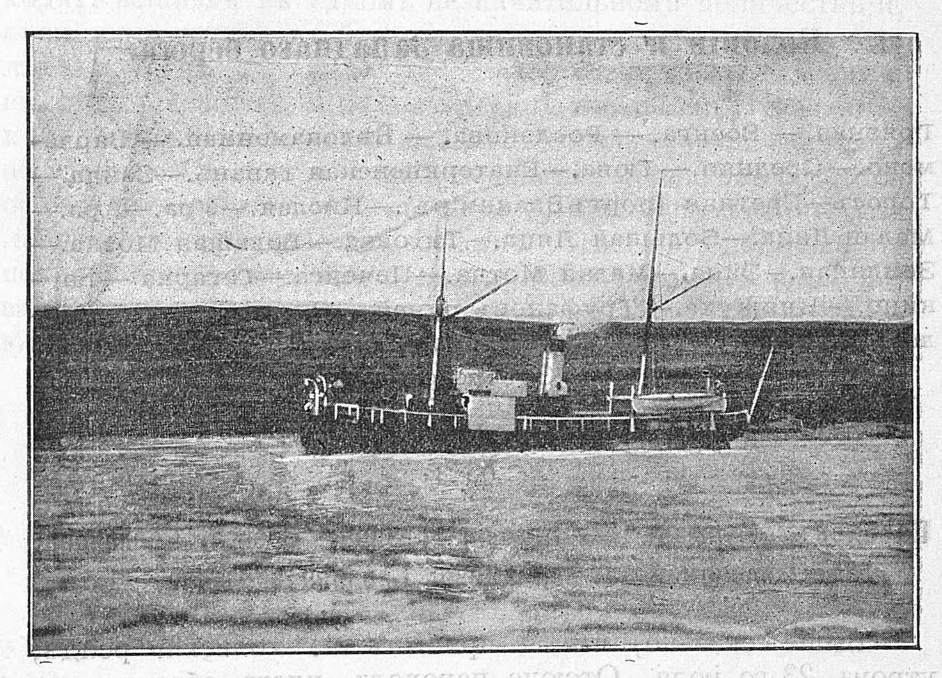
X.

Пароходъ „Мурманъ". — Колоніи Грязная, Военга, Рослякова, Бѣлокаменная, Варламово, Средняя и Тюва.

Выше сказано, что я прибылъ на кольскій рейдъ, утромъ 23-го іюля. Отсюда пароходъ идетъ обратно, заворачиваетъ въ становище портъ-Владиміръ (Еретики) и затѣмъ, держитъ курсъ, мимо Мотовскаго залива, прямо въ колонію и становище Ципъ-Наволокъ, расположенныя на берегу Рыбачьяго полуострова, противъ Ледовитаго океана. Ни отсюда, ни сюда, пароходъ ни на какихъ пунктахъ не останавливается, за исключеніемъ Екатериненской гавани, куда онъ заходитъ, но и то не всегда, а только въ случаѣ какихъ либо необходимыхъ подвозовъ для новаго города. Между тѣмъ, въ маленькихъ бухтахъ Кольской губы и въ губахъ Мотовскаго залива пріютилось до 17 колоній. Зная ранѣе о такихъ рейсахъ и о существованіи этихъ колоній, которыя должны были войти въ мой маршрутъ, я просилъ

г. губернатора разрѣшить мнѣ объѣздъ указанныхъ колоній на пароходѣ министерства внутреннихъ дѣлъ „Мурманъ" и получилъ полное удовлетвореніе. „Мурманъ" стоялъ въ 2-хъ верстахъ отъ Колы; поэтому, я послалъ на него съ рейда человѣка, чтобы за мной пріѣхала шлюпка.

Пароходъ „Мурманъ", или, какъ его здѣсь называютъ, полицейскій пароходъ, небольшой, съ низкою кормою. Большое мѣсто въ немъ занимаетъ каменный уголь и машина; затѣмъ, отведены маленькія каюты для экипажа

Административный пароходъ „Мурманъ".

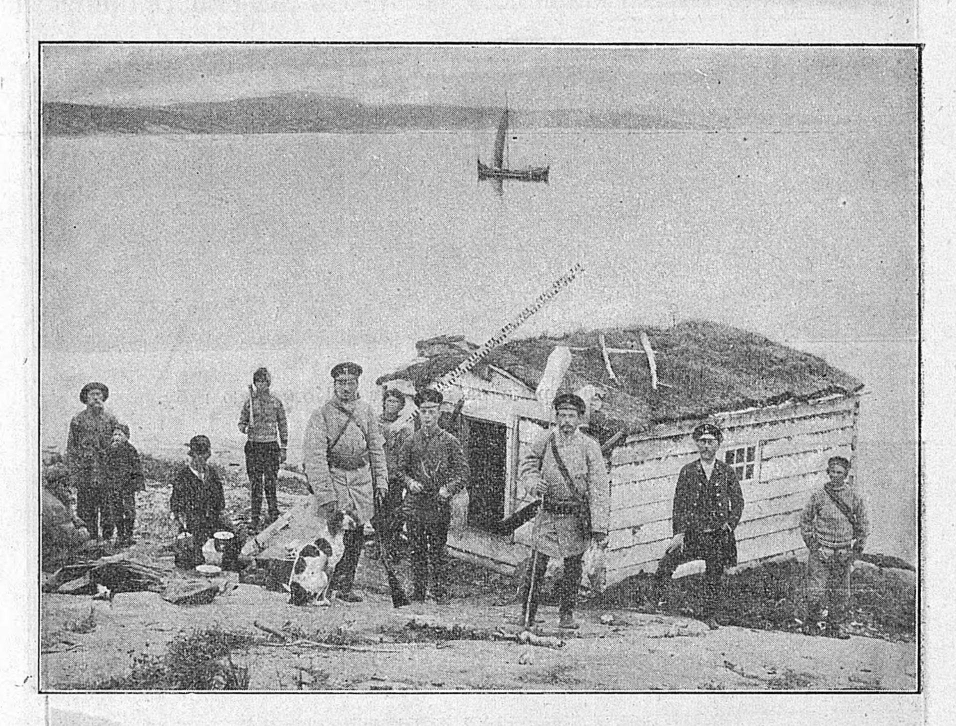
и проѣзжающихъ чиновъ; приспособлена также отдѣльная каюта, съ надписью—„исправника". Морская зыбь не внушаетъ опасенія „Мурману", а волненія онъ изрядно побаивается, особенно такого, которое, какъ выразился матросъ, даетъ „плюхи". Капитанъ „Мурмана", капитанъ 2-го ранга А. Е. Таратинъ, оказавшійся впослѣдствіи опытнымъ морякомъ въ сѣверныхъ водахъ и симпатичнымъ человѣкомъ, разсказывалъ мнѣ, что этотъ пароходъ испорченъ. Дѣло въ томъ, что заново онъ построенъ безъ мостика, а затѣмъ рѣшили построить мостикъ, и отъ этого, теперь, при вол-

Видъ съ горы Селовораки на г. Колу и Кольскую губу.

Общій видъ лѣваго берега Кольской губы у Корабельной бухты, съ сѣверной стороны.

неніи, пароходъ становится „качелькой"; на немъ бываетъ иногда такая сильная боковая качка, что висящее въ каютахъ платье почти ложится на потолокъ.

Ежегодное содержаніе парохода обходится министерству болѣе 16 т. руб. Ему вмѣнено въ обязанность слѣдить за порядкомъ на мурманскомъ берегу во время производства рыбныхъ ловель и сообщать промышленникамъ свѣдѣнія о ходѣ рыбы.

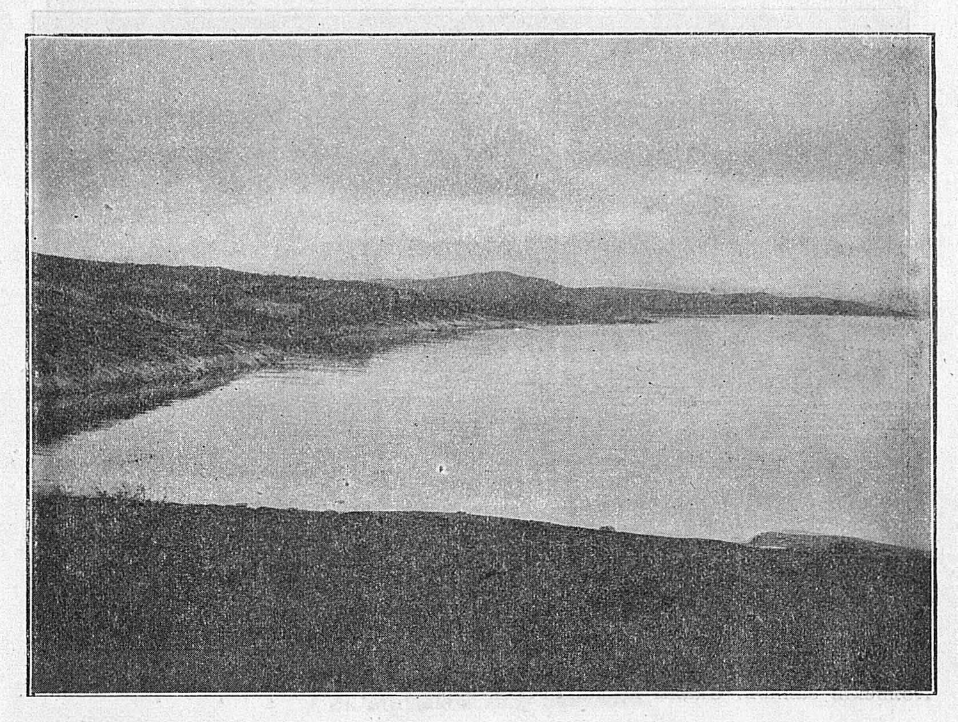

У промысловой избушки, противъ Сайднаго острова Кольской губы.

Итакъ, изъ г. Колы мы отправились по колоніямъ, такъ называемаго, западнаго мурманскаго берега. Компанію нашу составляли: я, г. исправникъ и коммерческій агентъ г. Штромъ; во время же чая, обѣда и ужина, къ намъ присоединялся и А. Е. Таратинъ. Первой остановкой была колонія Грязная, расположенная въ небольшой губѣ Грязной. Послѣдняя, по пути отъ Колы, вдается съ лѣвой стороны Кольской губы, на разстояніи 15 верстъ отъ города. Берега Грязной губы высокіе, поросшіе невысокой травой. Колонія образовалась недавно—въ 1894 г.; пришли сюда

3 финляндца, съ своими семьями, съ Рыбачьяго полуострова, изъ колоніи Земляной. Въ колоніи 3 землянки, построенныя снаружи, на подобіе обыкновенныхъ избъ, съ прямыми дверьми, окнами и трубой. Но когда войдешь внутрь, гдѣ потолокъ и полъ отсутствуютъ, видишь самое устройство землянки: сложена изба рѣшетомъ изъ кольевъ и обложена дерномъ.

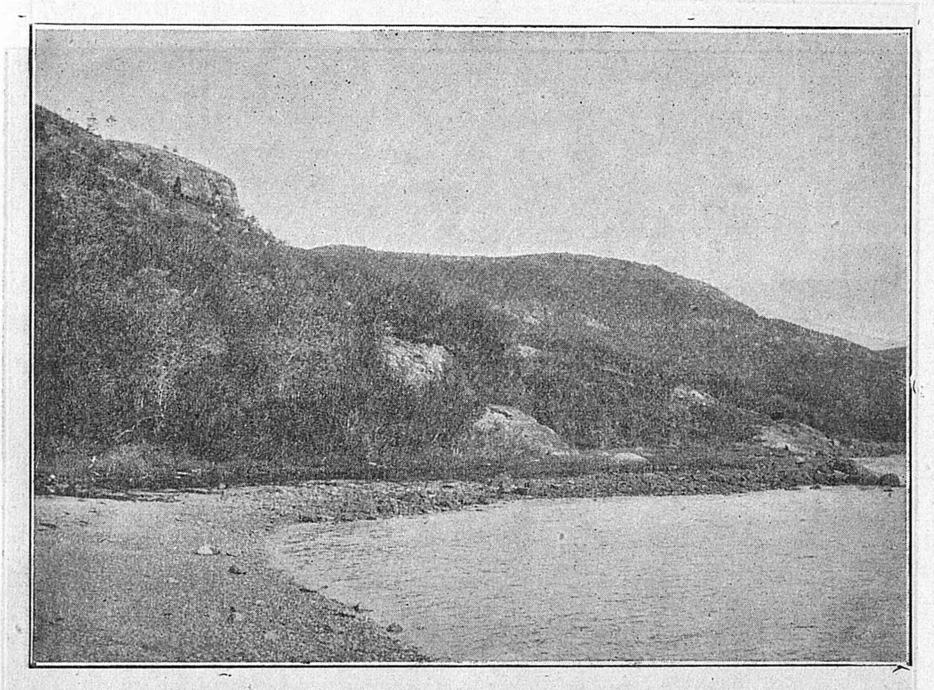
Въ Грязной столько работниковъ, сколько семействъ. Видимо, финляндцы намѣрены здѣсь заняться скотовод-

Общій видъ скалъ лѣваго берега Кольской губы къ Сѣверу отъ Сальнаго острова, снятый со склона берега близъ промысловой избушки.

ствомъ — имѣются 2 коровы и быкъ для приплода; выкармливаются 2 телки. Изъ прочаго скота, содержатъ 2 овецъ и 4 оленей. За разведеніе скота, говоритъ и то еще, что здѣшніе колонисты пользуются порядочными покосами; косятъ по берегамъ губы и каждый дворъ накашиваетъ до 100 пудовъ. Зимою финляндцы занимаются домашнимъ хозяйствомъ, а лѣтомъ, попеременно, выѣзжаютъ на карбасѣ въ океанъ и бросаютъ ярусъ въ 25 тюковъ. Въ строевомъ

лѣсѣ, хотя и нуждаются, для постройки деревянныхъ прочныхъ избъ, но, за бѣдностью, пріобрѣсти его не могутъ а на полученіе пособія отъ казны не имѣютъ правъ, какъ самовольно переселившіеся изъ одной въ другую колонію. На топливо колонисты употребляютъ кустарникъ, который растетъ близъ колоніи въ немаломъ количествѣ и отличается такою толщиною, что немного уступаетъ настоящимъ дровамъ. Хлѣбъ покупаютъ, какъ и всѣ колоніи

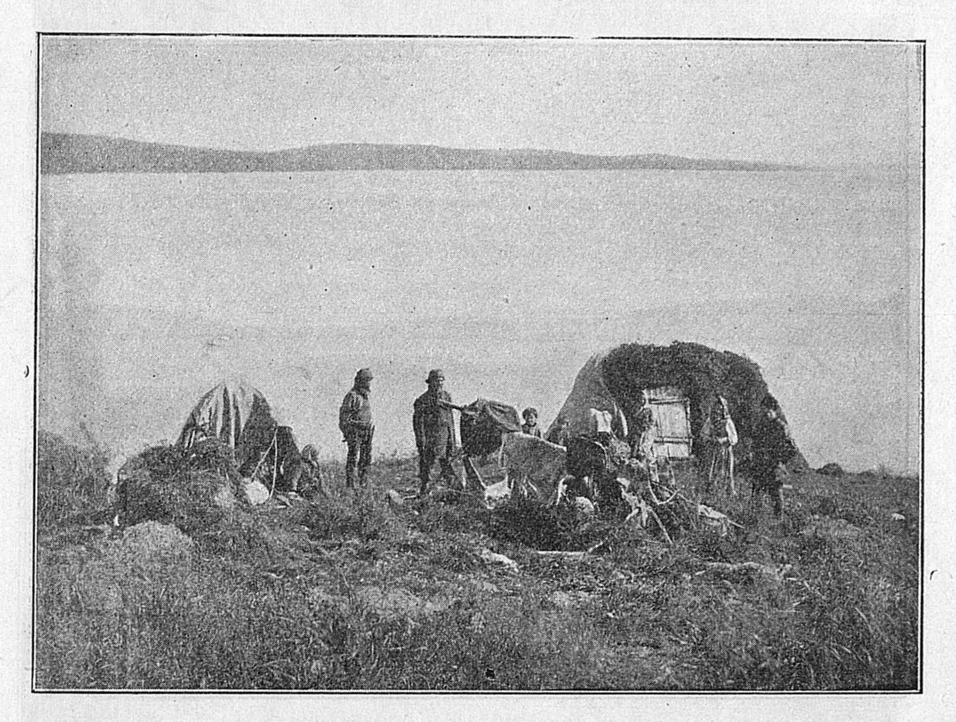
Кольскій заливъ. Скалы Мыщаковской вараки и Кіевъ-варака, во время отлива.

Кольской губы, въ Колѣ, по 7—8 р. за куль, куда онъ выписывается торговцами въ навигацію, на пароходахъ. У самой колоніи, въ губу впадаетъ шумная, порожистая рѣчка Грязная. Губа Грязная замерзаетъ, такъ какъ Кольская губа замерзаетъ на 40—45 в. отъ г. Колы. Климатическія условія сказываются въ обильныхъ дождяхъ, частыхъ туманахъ, суровой мятелистой зимѣ и тепломъ короткомъ лѣтѣ.

На противуположномъ берегу Кольской губы, ниже колоніи Грязной, въ маленькой бухтѣ, стоитъ колонія

Военга,—но въ ней, въ настоящее время, никто не проживаетъ. Былъ туда приписанъ крестьянинъ Мотовскаго погоста Никифоръ Прокофьевъ, но, почему то, отказался, а болѣе, желающихъ, не находится. Надо полагать, что колонія Военга, по своему мѣстоположенію, мало отвѣчаетъ хозяйственнымъ требованіямъ.

На томъ же берегу, противъ самой колоніи Грязной, есть губа Рослякова, съ маленькой рѣчкой того же наз-

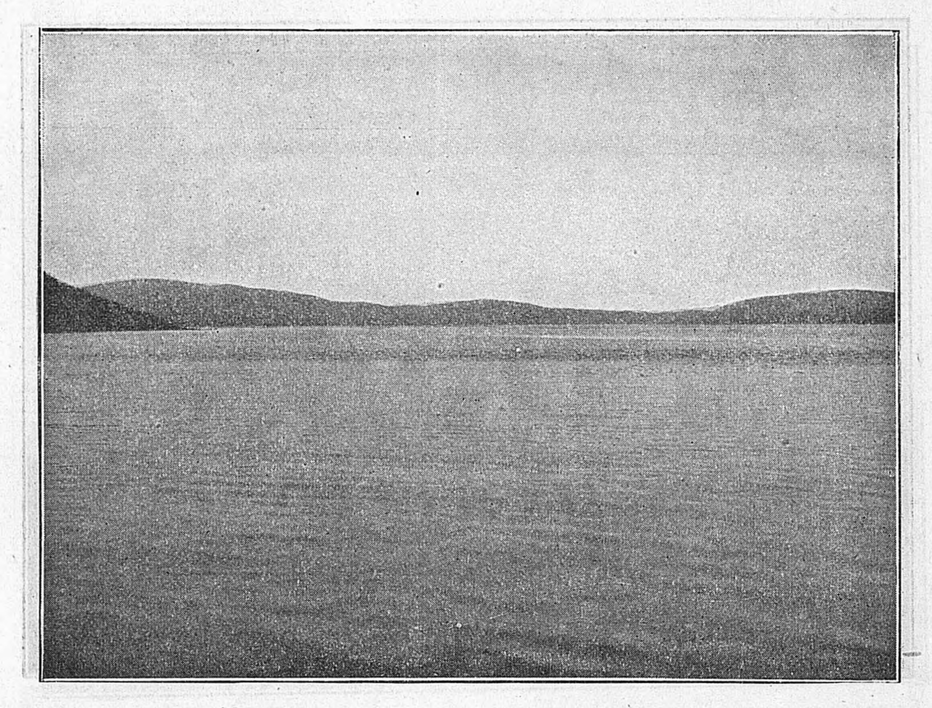
Семейство лопарей, съ общимъ видомъ лѣваго берега Кольской губы съ Мыщаковскаго наволока.

ванія. Въ этой губѣ, въ 1895 г. основалъ колонію Рослякову, нѣкто Марининъ. Колонистъ русскій, холостой; получилъ отъ казны пособіе и выстроилъ себѣ деревянный домъ, причемъ, на эти же деньги, пріобрѣлъ шняку и рыболовныя снасти. Просился въ колонію финляндецъ Юганъ Мерелайнемъ, но вопросъ о переселеніи его, губернскимъ начальствомъ, еще не разрѣшенъ. Скота Марининъ не держитъ, такъ какъ нѣтъ вблизи покосовъ, а покупать сѣно изъ чужихъ рукъ невыгодно. Главное же — некому ходить за скотомъ. Зимою беретъ въ сосѣднихъ колоніяхъ

оленей и возитъ дрова, а въ остальное время, съ 2 наемными работниками, выѣзжаетъ въ шнякѣ на устье Кольской губы и забрасываетъ ярусъ въ 30 тюковъ.

Для дровъ рубитъ мелкій березнякъ въ лѣсахъ, близъ растущихъ. Въ другихъ отношеніяхъ, колонія Рослякова сходна со своей противоположной сосѣдкой.

Тутъ-же, въ кратчайшемъ разстояніи отъ Росляковой, въ прошломъ году образовалась другая колонія—

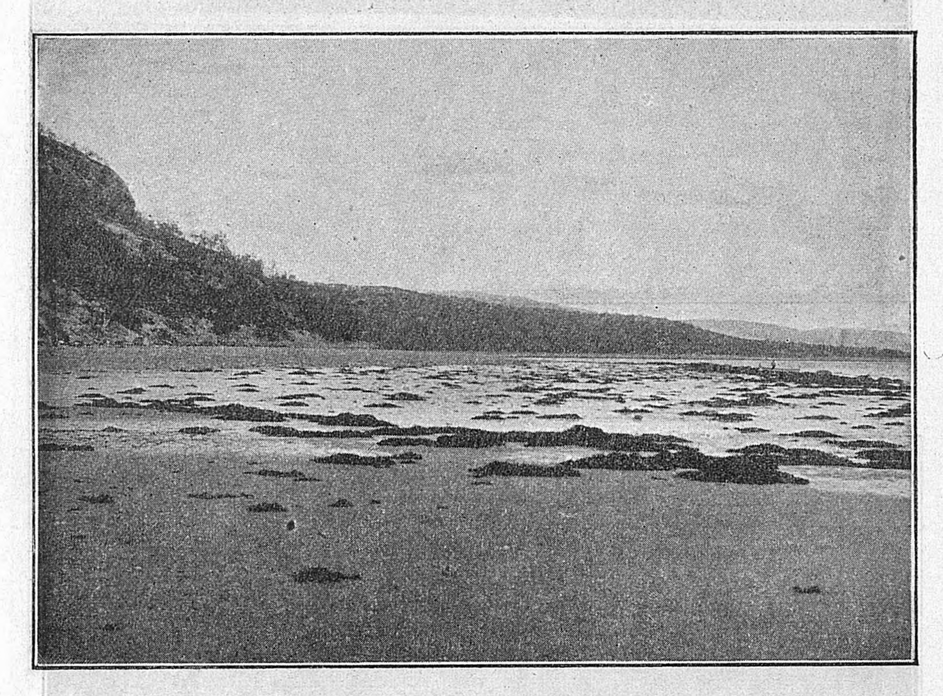
Общій видъ лѣваго берега Кольской губы, къ сѣверу отъ Абрамовой пахты

Бѣлокаменная. Основателемъ ея явился семейный финляндецъ,—самъ же единственный работникъ. Изъ скота имѣетъ 1 корову, 2 овецъ, 2 оленей. Лѣтомъ занимается рыбными промыслами и, для этой цѣли, имѣетъ 1 карбасъ и 20 тюковъ. Сѣно, за отсутствіемъ покосовъ, добываетъ на сторонѣ, съ величайшимъ трудомъ. Для корма идетъ мохъ, въ разныхъ видахъ: ошпаренный, пересыпанный мукой и просто сырой. Въ Бѣлокаменной 1 дворъ, домъ деревянный. Во всемъ прочемъ, свѣдѣнія тѣже, что и въ колоніи Росляковой.

Общій видъ Абрамовой пахты съ отливной стороны праваго берега Кольской губы.

Луговой берегъ Кольскаго залива.

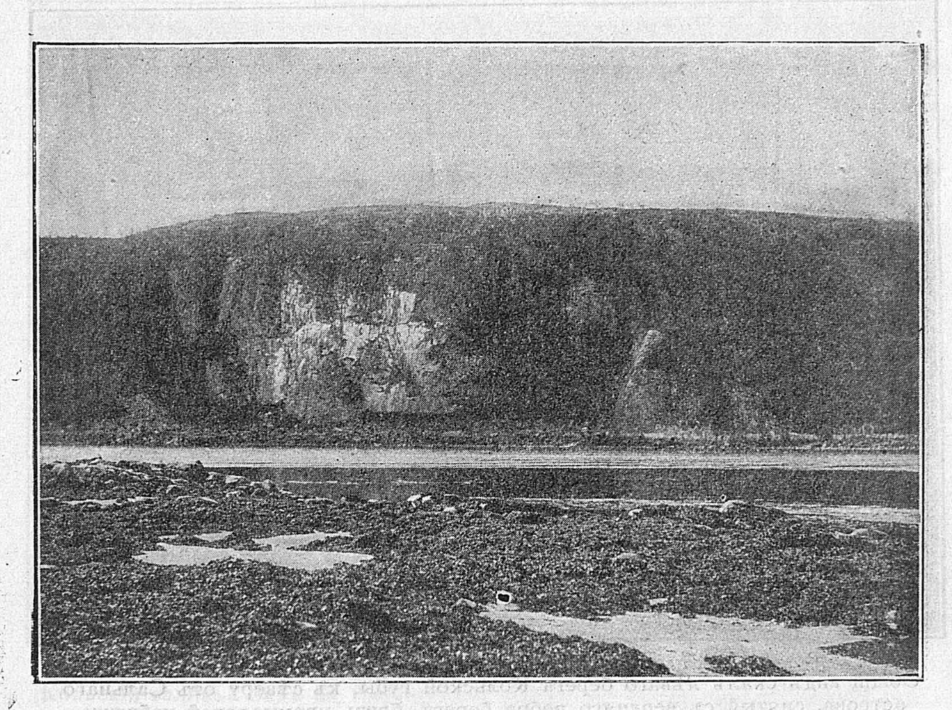
По тому же берегу, на 5 верстъ выше, губа Варламова, а въ концѣ ея—возвышается островъ. У этого острова, при Варламовскомъ ручьѣ, возникла въ 1895 г. колонія, того же наименованія. Въ колоніи 1 дворъ, принадлежащій основателю ея, лопарю Кильдинскаго общества Павлу Трофимову, въ которомъ и заключается вся мужская рабочая сила. Колонистъ русскій и видимо зажиточный, такъ какъ безъ полученія казеннаго пособія, у него

Скалы Выдренской вараки и Мыщаковскій наволокъ во время отлива.

выстроенъ деревянный домъ и содержится собственныхъ 500 оленей. Зимою Трофимовъ занимается оленеводствомъ, сбываетъ шкуры, пускаетъ оленей въ извозъ. Лѣтомъ же ловитъ въ Варламовской губѣ семгу; для лововъ имѣется 2 карбаса, неводъ въ 50 р. и сѣтки въ 150 р., причемъ семужьи ловы не обходятся безъ найма рабочихъ, которыхъ Трофимовъ подряжаетъ въ числѣ 5—6 человѣкъ, уплачивая имъ по 50—60 р. въ лѣто. Коровъ и овецъ нѣтъ, потому что кормить ихъ нечѣмъ; олени же все время пасутся въ тундрѣ, подъ присмотромъ лопарей.

Дровяной лѣсъ рубитъ на отведенныхъ лѣсныхъ участкахъ сельскому обществу, которое указываетъ мѣста для рубки за плату съ двора по $17^1/_2$ к. въ годъ, подъ названіемъ лѣсного налога. Строевымъ лѣсомъ пользованіе установлено въ такомъ же порядкѣ, но, за новизною избы и устройствомъ всѣхъ пристроекъ, этотъ колонистъ пока нужды въ немъ не имѣетъ. Цѣны и мѣста покупки хлѣба тѣже. Климатическія условія и прочія свѣдѣнія—одинаковыя съ предыдущими колоніями.

Видъ скалъ Абрамовой пахты съ отливнаго островка.

Держась все того же берега, на 38-ой верстѣ отъ Колы завернули въ Среднюю губу. Бухта маленькая—вдается на $1^1/_2$ версты. Здѣсь стоитъ колонія Средняя, но не въ самой губѣ, а ближе ко входу въ нее. За колоніей, на разстояніи 1 версты, выливается маленькій ручеекъ, который течетъ по камнямъ и падаетъ съ высоты, производя шумъ по окрестностямъ. Однако, воду изъ этого ручейка не берутъ, по неудобству подхода и подъѣзда къ нему. Первымъ, водворился въ колоніи Средней, два года назадъ,

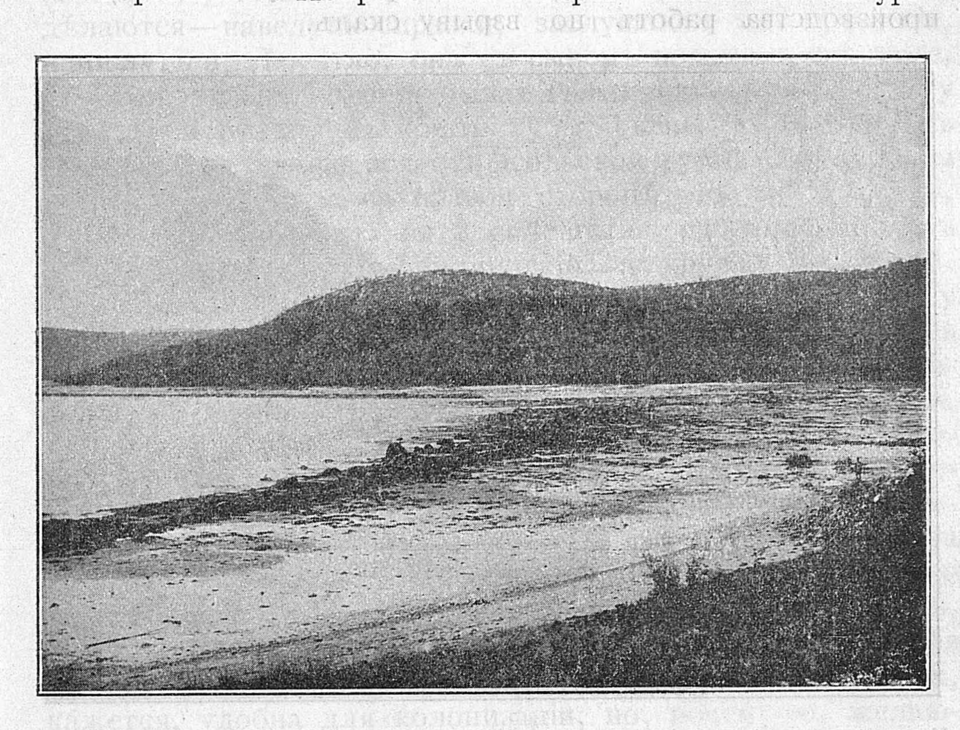
русскій колонистъ, потомъ переселился лопарь и, наконецъ, финляндецъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время въ колоніи 3 двора, изъ коихъ одна землянка, и въ нихъ 3 работника. Русскій и лопарь, по бѣдности, ни „посудинъ", ни рыболовныхъ снастей не имѣютъ, отчего, съ весны и до зимы, уходятъ на рыбные промыслы на мурманское побережье, гдѣ и нанимаются работниками; у финляндца же есть карбасъ, на которомъ онъ ловитъ

Общій видъ скалъ лѣваго берега Кольской губы, къ сѣверу отъ Сальнаго острова, снятый съ верхняго ребра берега, близь промысловой избушки.

ярусомъ треску и сѣтками семгу. Изъ скота содержится 2 коровы, 4 овцы и 5 оленей. Сѣнокосныя луга лежатъ, здѣсь, за рѣчкой, довольно широкіе и даютъ, въ лѣто, до 100 пудовъ сѣна, такъ что на зиму скотъ обезпечивается, а лѣтомъ коровы и овцы пасутся близъ колоніи. Дровяной и строевой лѣсъ находится въ $1^1/_2$ версты отъ колоніи и получается колонистами за налогъ съ двора. Въ колоніи Средней, я выѣхалъ на берегъ въ шлюпкѣ, съ двумя матросами, и прямо направился къ финляндцу. Его жилище—большой домъ, для колониста даже прекрасный;

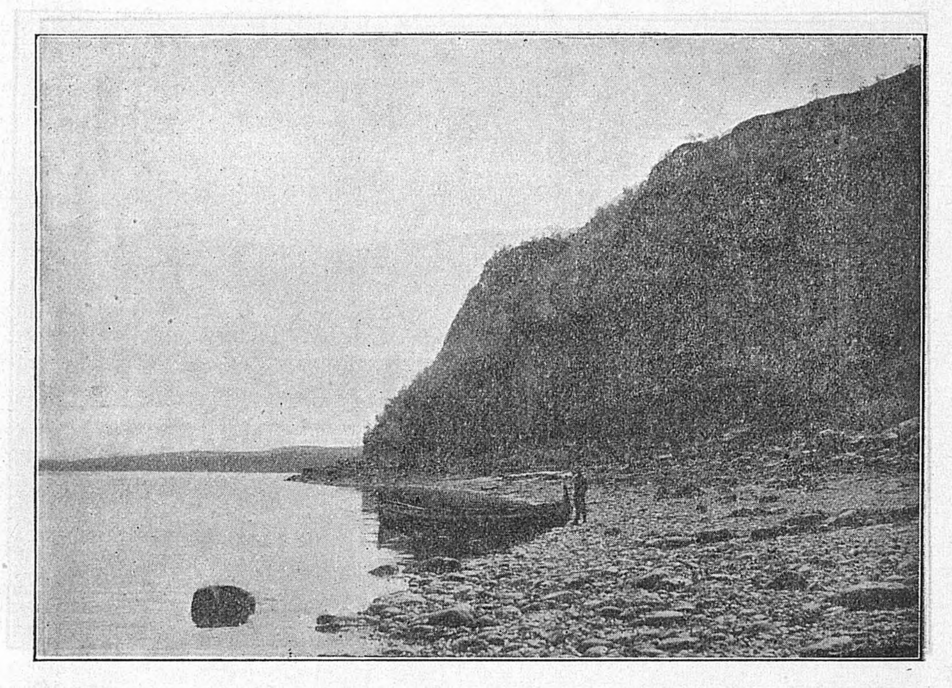
съ боковъ разные сараи, хлѣва, кладовыя. Войдя въ домъ увидалъ обширную комнату съ городской обстановкой; на стѣнахъ висѣли ружья, картины; на столахъ стояли бронзовые часы, судокъ и прочіе предметы, обращающіе на себя вниманіе, будучи встрѣчены въ такой глуши. Финляндецъ предложилъ мнѣ краснаго вина, сигары, сыру. Отвѣдавъ хорошія вина, посмотрѣлъ на ярлыкъ—оказаясь норвежское. Попробовалъ сигары—оказались гамбург-

Кольскій заливъ. Видъ на Выдренскую вараку съ Мыщаковскаго наволока во время отлива.

скими. Я попросилъ колониста продать мнѣ этихъ продуктовъ; онъ согласился и повелъ меня въ кладовую. Здѣсь были всевозможные товары: соль, свѣжая и соленая семга, красный товаръ, кильки, сардины, законсервированные въ жестяныхъ коробкахъ, и бифштексы, и котлеты, и разные другіе съѣдобные предметы. У финляндца мною было пріобрѣтено слѣдующее: 2 бутылки краснаго вина по 60 к., 25 шт. сигаръ за 1 р. 25 к. и 2 коробки мясныхъ консервовъ по 75 к. При отдачѣ денегъ, продавецъ предложилъ мнѣ еще другихъ винъ: мадеры, хересу, рому;

однако, я отказался купить и тутъ-же подумалъ: кому это онъ продаетъ здѣсь такіе продукты, какъ вина и консервы? Затѣмъ, матросы, по порученію г. исправника, купили для него у финляндца 10 ф. чаю по 65 к. за фунтъ и 1 ф. въ 2 р. На мой вопросъ: куда исправнику столько чаю?—они отвѣтили, что этотъ чай онъ смѣшаетъ и будетъ выдавать рабочимъ норвежцамъ, прибывшимъ, въ числѣ 20 человѣкъ, съ родины, въ Екатериненскую гавань, для производства работъ по взрыву скалъ.

Кольскій заливъ.—Видъ на Абрамову пахту, въ профиль, съ сѣверной стороны.

Дворъ русскаго колониста представлялъ собою совершенно противоположную картину. Внутри землянки, какъ говорится, не было ни ложки, ни плошки, а внѣ ея—ни кола, ни двора; бѣдность, убожество, нищета—запечатлѣлись на всемъ. Меня встрѣтила старуха, мать колониста, и горько плакала. Они разсказала, что переселились они сюда съ надеждой получить отъ казны „пособіе", на которое разсчитывали построить избу, купить корову, завести карбасъ, рыболовныя снасти и жить своимъ хозяйствомъ, ловя въ океанѣ рыбку; подавали они прошеніе начальству и про-

шло два года, а отвѣта никакого не послѣдовало; въ нынѣшнюю бытность г. губернатора въ Екатериненской гавани, они подали ему вторую бумагу и находятся въ отчаяніи, что также ничего не будетъ; между тѣмъ землянка рушится, помощи ни откуда нѣтъ, сынъ ушелъ далеко на ловли,—просто „кусить нечего“. Вслѣдствіе такого положенія, старуха просила меня посодѣйствовать о „способой;“ я утѣшилъ ее, объяснивъ, что эти дѣла скоро не дѣлаются—наведутъ справки, заслушаютъ ихъ прошеніе, напишутъ и, вѣроятно, она съ сыномъ получитъ просимое.

Слѣдующая колонія была Тюва. Она пріютилась у маленькой рѣчки, въ концѣ губы Тювы, не болѣе какъ на 1 версту, вдавшейся отъ Кольской губы. Отъ г. Колы губа Тюва будетъ на правой сторонѣ, въ 45 верстахъ. Въ колоніи 2 двора, съ 2 семейными работниками, изъ коихъ одинъ дворъ финляндскій, а другой — русскій. Обѣ семьи занимаются рыбными промыслами, для чего у нихъ есть 2 елы и 50 ярусовъ; ловятъ они, на паяхъ, съ другими 2—3 поморами. Въ свободное время отъ промысловъ, колонисты работаютъ по дому: возятъ мохъ, дрова, сѣно. Скотоводство въ колоніи довольно скудное—1 корова, 3 овцы и 3 оленя. Сѣнокосы расположены по берегамъ губъ и, въ количественномъ отношеніи, самые незначительные; поэтому понятно, что изъ молочнаго скота держится одна только корова. Вмѣсто дровъ, рубятъ по берегамъ кустарникъ. Строеваго лѣса еще не покупали и, въ будущемъ, не знаютъ, какъ имъ пользоваться. Колонія Тюва образовалась въ 1893 г. и въ такой губѣ, которая, кажется, удобна для колонизаціи; но, почему-то, желающихъ поселиться въ ней, кромѣ указанныхъ колонистовъ, другихъ нѣтъ.

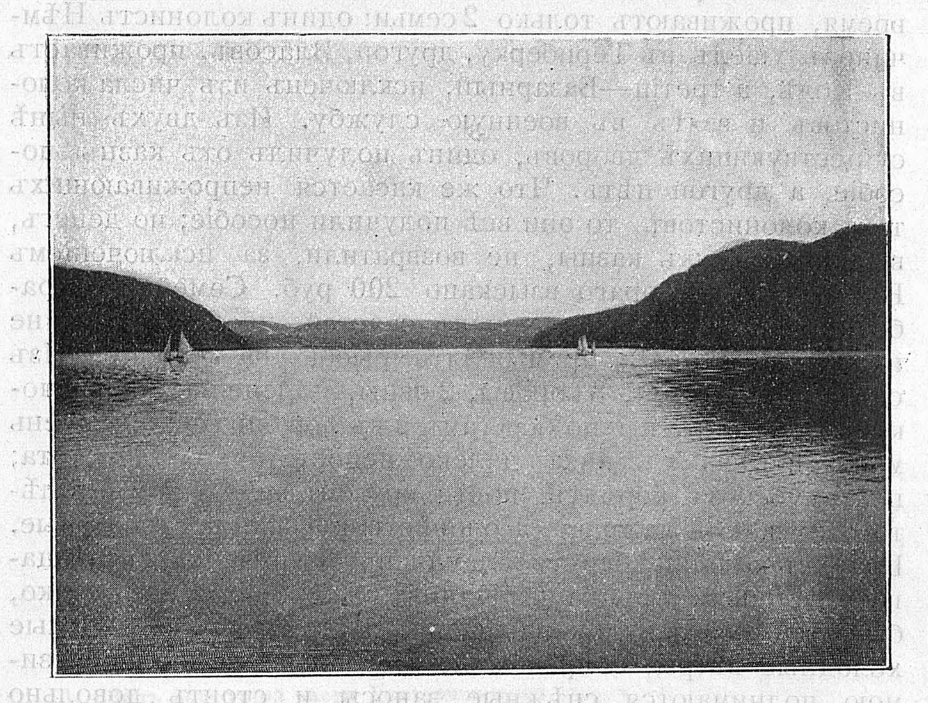
Во всемъ прочемъ, колонія Тюва одинакова съ предъидущими.

XI.

Екатериненская гавань.—Сайда,—Торосъ,

Отъ Тювы мы, по прямой линіи, перерѣзали Кольскую губу и очутились въ Екатерининской гавани. Здѣсь губа небольшая, узкая, съ высокими скалистыми берегами. Въ прибылую воду, конецъ губы сливается съ Кольскою губою, отдѣляя, такимъ образомъ, какъ бы проливомъ, часть Кольскаго берега, въ видѣ острова. Но въ убылую воду въ концѣ губы показывается узенькая полоска суши, идущая отъ одного берега къ другому и напоминающая собою перешеекъ. Послѣдній, въ это время, служитъ переходомъ черезъ губу. Впереди перешейка, на правомъ берегу, на откосахъ, помѣщаются разныя строенія; тутъ есть и маленькіе дома колонистовъ, и большія зданія, принадлежащія казенному вѣдомству и обществу мурманскаго пароходства. Этотъ берегъ чрезвычайно высокій, нѣсколько склонный, покрытый растительностью. Въ предупрежденіи, наклеенномъ на дверяхъ казеннаго дома, за подписью г. исправника, эта растительность названа „деревьями", которыя просятъ не ломать и, тѣмъ паче, не рубить. На самомъ же дѣлѣ, это низкорослый кустарникъ, а чуть повыше надъ нимъ, торчатъ хвойныя и лиственныя деревца, но отнюдь не молодняки, а корявыя, стелющіяся по землѣ березки и сосенки, изуродованныя, въ теченіе десятковъ лѣтъ, суровыми климатическими условіями и подпочвеннымъ камнемъ. Противоположный берегъ ниже и состоитъ изъ голыхъ гранитныхъ скалъ. За скалами представляется долина, какъ бы, съ осѣдающею впадиной. Эта долина, и есть, то намѣченное мѣсто, на которомъ, въ недалекомъ будущемъ, выростетъ новый городъ — самый сѣверный городъ нашего отечества. На сколько тверда почва долины, -самъ я, лично, въ этомъ не убѣждался; но мнѣ разсказывали люди, которые работали при изслѣдованіи ея, для опредѣленія плотности, что почву сверлили буравомъ на 56 футовъ и не могли добраться до твердаго грунта. Тогда же, у изслѣдователей явилось предположеніе, что на этомъ мѣстѣ было когда-то озеро, какія и теперь существуютъ по сосѣдству, въ глубинѣ материка; озеро, годъ

отъ году, мелѣло, заволакивалось тиной, заростало травою и, быть можетъ, чрезъ вѣка, образовалась съ виду твердая сушь; тѣмъ не менѣе озеро тянетъ къ себѣ, и теперь, землю — тянетъ, конечно, такъ незначительно, что невозможно примѣтить *). Тѣ побережныя скалы, которыя затрудняютъ доставку строительныхъ матеріаловъ въ долину, будутъ взорваны динамитомъ. Здѣсь пойдетъ путь въ долину и предполагаютъ положить временныя рель-

Видъ западной части Екатерининской гавани и входъ въ нее.

сы, уже доставленныя въ гавань. Такъ, бревна, доски, кирпичъ и другіе матеріалы, подвезенные на пароходахъ, будутъ безъ особенныхъ усилій подниматься въ гору и развозиться на мѣста назначеній. Работы отданы норвежскому инженеру, отъ котораго уже прибыли и рабочіе изъ Норвегіи въ гавань, а вслѣдъ за ними явился и промѣрщикъ бухты, пріѣхавшій изъ Вадзэ, гдѣ онъ со-

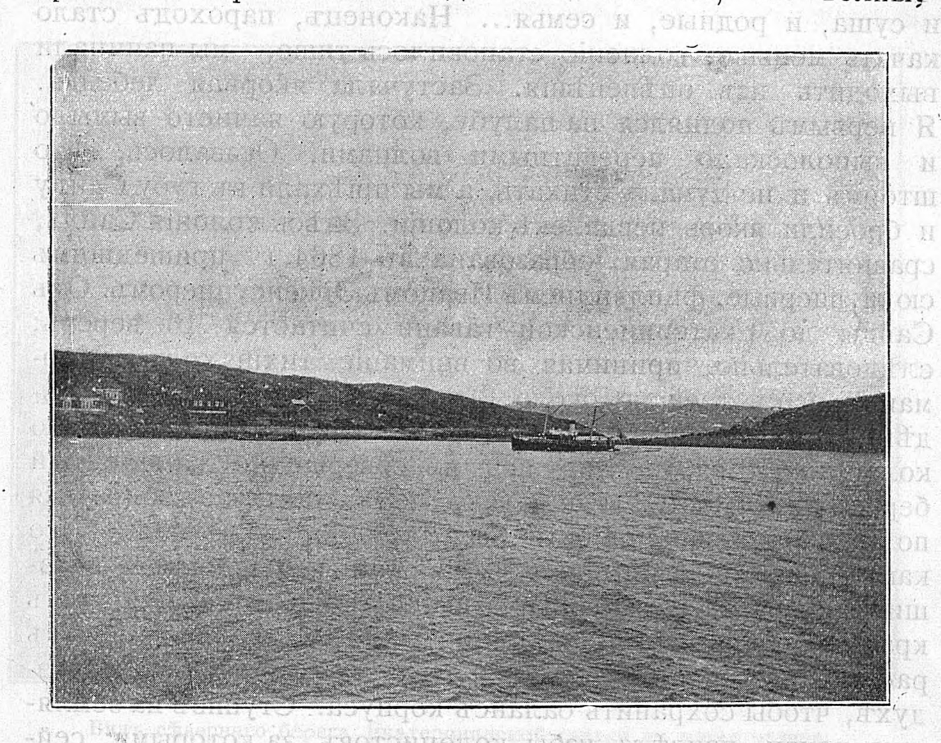
*) Изслѣдованія, буравомъ, показали, что значительная часть этой долины имѣетъ твердую почву, пригодную для прочныхъ построекъ. *Ред.*

стоитъ школьнымъ учителемъ. Говорятъ, что динамитныя работы извѣстны норвежцамъ болѣе, чѣмъ кому-либо и, притомъ, норвежцы согласились произвести работы дешевле, нежели предлагали наши инженеры; но въ какихъ размѣрахъ выражалась разница—никто мнѣ о ней сказать не могъ.

Екатериненская колонія стала заселяться съ 1885 года и первымъ въ нее пришелъ кольскій мѣщанинъ Синяковъ. Въ колонію приписано было 5 семействъ; но, въ настоящее время, проживаютъ только 2 семьи: одинъ колонистъ Нѣмчиновъ ушелъ въ Териберку, другой, Власовъ, проживаетъ въ Колѣ, а третій—Базарный, исключенъ изъ числа колонистовъ и взятъ въ военную службу. Изъ двухъ нынѣ существующихъ дворовъ, одинъ получилъ отъ казны пособіе, а другой нѣтъ. Что же касается непроживающихъ тамъ колонистовъ, то они всѣ получили пособіе; но денегъ, выданныхъ изъ казны, не возвратили, за исключеніемъ Власова, съ котораго взыскано 200 руб. Семейныхъ работниковъ 2; ни рыболовныхъ снастей, ни судовъ они не имѣютъ и уходятъ промышлять рыбою на сторону. Изъ скота, въ колоніи, 3 коровы, 2 овцы,—оленей нѣтъ. Сѣнокосы расположены по берегамъ и въ ложбинахъ; они очень малы и сѣна съ нихъ далеко недостаточно для скота; поэтому скотъ кормятъ, почти кругомъ зиму, мхомъ, а лѣтомъ пускаютъ на траву. Колонисты-русскіе, православные. Воду, въ колоніи, берутъ изъ маленькаго ручейка, питающагося сточными струйками. Климатическія явленія, нерѣдко, бываютъ жестоки для населенія. Лѣтомъ дуютъ сильные холодные вѣтры, сопровождаемые большими дождями; зимою поднимаются снѣжные заносы и стоитъ довольно чувствительная стужа. Несомнѣнно, бываютъ и туманы,—и такіе, что держатся долго.

Въ Екатериненскую гавань мы пріѣхали подъ вечеръ и, послѣ ознакомленія съ нею, ѣхать дальше было уже поздно; къ тому же, ощущалась необходимость въ углѣ,—поэтому рѣшили заночевать. На другой день, 24-го іюля, „Мурманъ“ грузился углемъ съ самаго утра и насколько успѣшно текла эта работа, можно судить по тому, что тотчасъ же за нагрузкой, мы выѣхали изъ гавани въ 3 ч. пополудни. Въ это время дулъ небольшой N; но когда вышли изъ гавани, вѣтеръ сталъ сильнѣе, пароходъ начало

подбрасывать, качая съ боку на бокъ. Пройдя одинъ часъ, мы уже замѣтили, что вѣтеръ усилился; пошелъ дождь; качало какъ въ люлькѣ. Еще немного пути — и вѣтеръ рвалъ, дождь хлесталъ, начинался штормъ. Раздалась команда — „иллюминаторы и люки закрывать“. Такимъ образомъ, мы очутились закупоренными. Я, сидя въ каютѣ, смотрѣлъ вверхъ на стеклянную рубку и видѣлъ, какъ черезъ нее переливалась вода. Это значило, что волны,

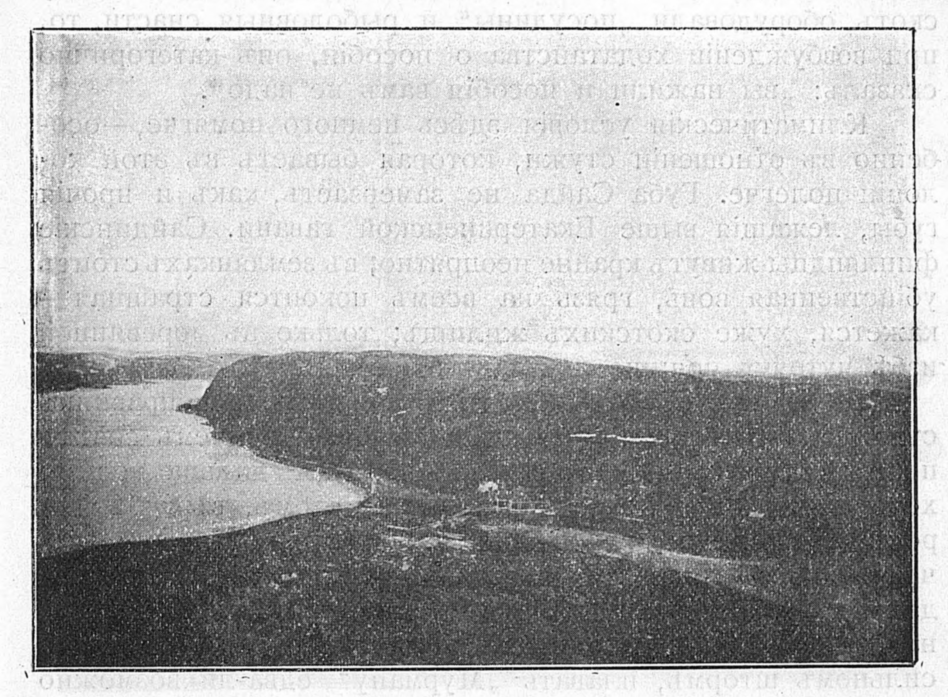
Видъ восточной части Екатерининской гавани, во время отлива.

одна за другой, бѣжали чрезъ палубу и мы шли, такъ сказать, подъ водой. Пароходъ подвигался медленно, а вѣтеръ задувалъ сильнѣе. Къ вечеру N рвалъ и металъ; съ океана доносился страшный, какой-то адскій ревъ Г. исправникъ забрался въ свою каюту; г. Штромъ, страдая морской болѣзнью, валялся блѣдный на койкѣ; я же сидѣлъ за столомъ и дѣлалъ въ дневникѣ помѣтки, время отъ времени получая такіе толчки, что или откидывался назадъ, или совался на столъ носомъ. Въ концѣ концовъ, и я, ощущая тошноту и боль въ головѣ, повалился на

койку. Я лежалъ и глядѣлъ, какъ висѣвшій полушубокъ и дождевой плащъ отходили отъ стѣны и болтались въ воздухѣ, когда пароходъ почти ложился на бортъ. Шумъ, плескъ и удары волнъ стояли въ ушахъ; гдѣ-то, что-то, то треснетъ, то съ грохотомъ упадетъ,—но человѣческаго звука не было и въ поминѣ; бодрость уступила уже страху, который все больше овладѣвалъ существомъ; состояніе было слишкомъ гнетущее. Тутъ вспоминалось все дорогое— и суша, и родные, и семья... Наконецъ, пароходъ стало качать меньше, волненіе становилось тише,—мы начинали выходить изъ оцѣпенѣнія. Застучала якорная лебедка. Я первымъ поднялся на палубу, которую начисто вымыло и выполоскало перекатными волнами. Оказалось, что штормъ и не думалъ стихать, а мы пріѣхали въ губу Сайду и бросили якорь невдалекѣ колоніи. Здѣсь колонія Сайда, сравнительно старая, образована въ 1864 г. пришедшимъ сюда, впервые, финляндцемъ Иваномъ Эркенсуннеромъ. Отъ Сайды до Екатериненской гавани считается 16 верстъ; слѣдовательно, принимая во вниманіе тихій ходъ „Мурмана", насъ трепало около 2 часовъ. Получивъ эти свѣдѣнія отъ г. исправника, я отправился на шлюпкѣ въ самую колонію. Шлюпка уткнулась въ совершенно каменистый берегъ, ровный и гладкій какъ полъ, такъ что взбираться по нѣкоторой наклонности было трудно и тѣмъ болѣе, что камни, мѣстами, были покрыты морскими водорослями, оставшимися послѣ спада воды, а шагать по этимъ водорослямъ крайне опасно—ноги постоянно скользятъ, попадаютъ въ расщелины; приходится, то и дѣло, махать руками въ воздухѣ, чтобы сохранить балансъ корпуса. Ступивъ на земляную почву, увидѣлъ избы колонистовъ, за которыми, сейчасъ-же, начинался мелкій кустарникъ, а за нимъ раскидывались луга. Здѣсь, я встрѣтилъ колонистовъ-финляндцевъ, говорилъ съ ними съ помощью матроса-переводчика, осматривалъ ихъ землянки и, затѣмъ, пошелъ въ единственную деревянную избу, дѣлать записи.

Колонія Сайда находится при рѣчкѣ, съ тѣмъ-же названіемъ, на разстояніи 6 верстъ отъ Кольской губы. Въ колоніи 4 землянки и 1 дворъ деревянный, съ 10 работниками. Населяютъ ее исключительно финляндцы изъ г. Кемиста; по русски говорить никто не умѣетъ, хотя желали бы научиться и давно просили г. исправника,—просили

крѣпко,—чтобъ онъ выслалъ имъ русско-финскую книгу. Лѣтомъ финляндцы выѣзжаютъ въ океанъ для лова трески, а зимою занимаются домашними работами и, отчасти, стрѣляютъ звѣрей на водѣ и сушѣ. Для рыбнаго промысла у колонистовъ 4 карбаса и 80 тюковъ снастей, причемъ ловятъ сами, безъ найма работниковъ. Скотоводство въ колоніи ведется хорошее—12 коровъ, 12 овецъ и 5 оленей. Для такого числа скота, потребно, конечно, и немалое ко-

Видъ сѣвернаго берега Екатерининской гавани во время отлива.

личество сѣна; однако, покосы въ Сайдѣ незначительные,—собирается всего по 20 пуд. на дворъ. Несомнѣнно, что для содержанія скота, употребляютъ мохъ въ разныхъ видахъ—это зимою; а съ весны и до зимы скотъ пасется близъ колоніи, на подножномъ корму. Сѣнокосы расположены, какъ сказано выше, за дворами и, кромѣ того, по берегамъ губы; косятъ финляндцы своими силами, возлагая трудъ по уборкѣ сѣна, вообще, на женщинъ. Насчетъ дровянаго лѣса, въ колоніи скудно—рубятъ, вмѣсто дровъ, кустарникъ. Что-же касается строеваго, то таковаго не

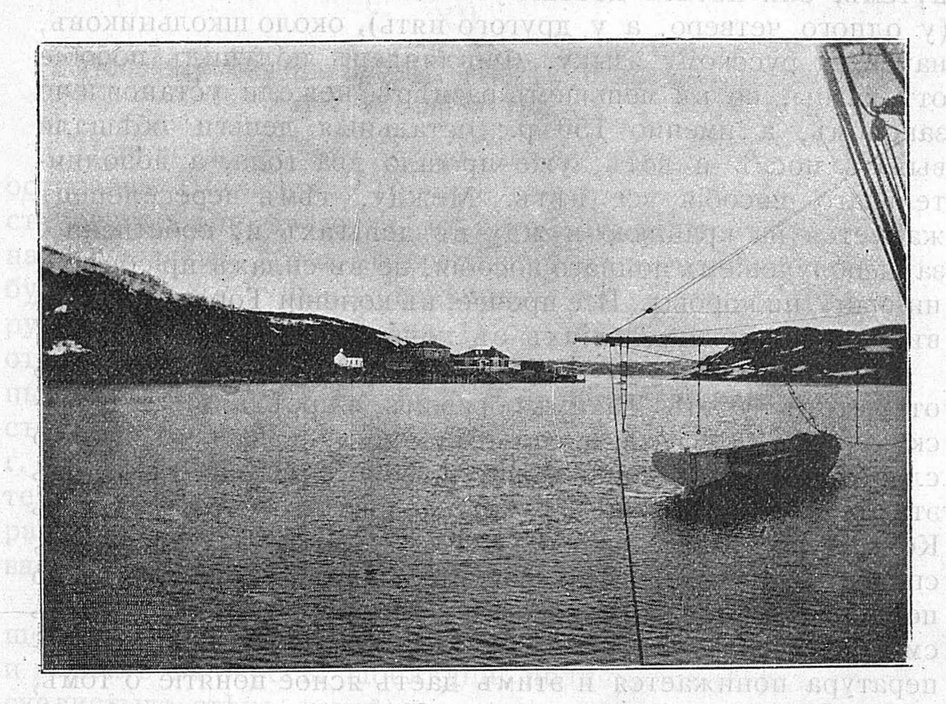
покупаютъ, по дороговизнѣ его въ здѣшней мѣстности. Хлѣбъ покупается въ Колѣ по обыкновеннымъ цѣнамъ—7 р. 50 к.—8 р. за куль. Часовни никакой нѣтъ, а религіозныя требы отправляются, по пріѣздѣ въ колонію пастора. Пособія отъ казны никто изъ финляндцевъ въ Сайдѣ не получалъ. По поводу этого, колонисты говорили, что, въ началѣ переселенія имъ сулилъ исправникъ оказать помощь, а когда они обжились, завели понемногу скотъ, оборудовали „посудины“ и рыболовныя снасти, то, при возбужденіи ходатайства о пособіи, онъ категорично сказалъ: „вы нажили и пособія вамъ не надо“.

Климатическія условія здѣсь немного помягче,—особенно въ отношеніи стужи, которая бываетъ въ этой колоніи полегче. Губа Сайда не замерзаетъ, какъ и прочія губы, лежащія выше Екатериненской гавани. Сайдинскіе финляндцы живутъ крайне неопрятно; въ землянкахъ стоитъ убійственная вонь, грязь на всемъ покоится страшная—кажется, хуже скотскихъ жилищъ; только въ деревянной избѣ чуточку почище и воздухъ получше.

Я вернулся на пароходъ. Капитанъ и исправникъ стали совѣтываться о дальнѣйшемъ пути, причемъ совѣтъ перваго взялъ верхъ. Онъ сказалъ, что ѣхать дальше нельзя, хотя слѣдующая колонія находится рядомъ, въ губѣ Торосъ. Но въ губѣ Торосъ, по причинѣ ея острововъ, ночевать рискованно; слѣдовательно, приходится отправиться дальше, въ становище Портъ-Владиміръ; а ѣхать туда,—надо непремѣнно выходить въ открытый океанъ, гдѣ, при сильномъ штормѣ, плавать „Мурману“ едва-ли возможно и, во всякомъ случаѣ, опасно. Поэтому онъ подавалъ благой совѣтъ—ночевать въ Сайдѣ, а въ теченіе ночи штормъ, быть можетъ, ослабнетъ и мы пойдемъ въ Портъ-Владиміръ, причемъ, по пути, завернемъ въ сосѣднюю колонію. На этомъ, и порѣшили.

Правда, на утро, 25-го іюля, штормъ значительно утихъ и мы снялись съ якоря. Пришли въ губу Торосъ и остановились близъ колоніи, съ тѣмъ же названіемъ. Я поѣхалъ на берегъ. Въ концѣ губы берега отлогіе, песчаные, опоясаны кустарникомъ; отсюда-же начинаются покосы,—въ общемъ, мѣстность пригодная для колонизаціи. Два года назадъ, сюда пришелъ, съ семьей, финляндецъ Михель Керамен и построилъ себѣ землянку, образовавъ,

такимъ образомъ, колонію Торосъ; нынѣ, въ эту колонію переселяется норвежецъ—изъ колоніи Ципъ-Наволокъ родомъ и бывшій житель г. Стэни. Норвежецъ переноситъ въ Торосъ деревянную избу; я самъ видѣлъ, какъ онъ, съ двумя работниками, собиралъ на берегу эту избу. Теперь въ колоніи слѣдуетъ считать 2 двора съ 2 семейными работниками. Финляндскій дворъ, кромѣ козы, никакого скота не имѣетъ; поэтому, и до сѣнокосовъ, ему нѣтъ никакого

Видъ восточной части Екатерининской гавани во время прилива (обозначающійся при отливѣ перешеекъ, со стороны Кольской губы, покрытъ водой.

дѣла. Финляндецъ исключительно занимается рыбными промыслами и, притомъ, кругомъ годъ; зимою онъ ловитъ треску на поддевъ, а въ остальное время забрасываетъ на океанѣ яруса. Для рыбныхъ ловель имѣются 2 елы и 2 карбаса, а также нѣсколько удочекъ и 115 тюковъ. За несовершеннолѣтіемъ 4 дѣтей, Кераменъ нанимаетъ до 6 работниковъ. У норвежца нѣтъ ни судовъ, ни рыболовныхъ снастей, а есть 3 коровы и 5 овецъ, которыя наводятъ на предположеніе, что новый переселенецъ имѣетъ въ виду заняться преимущественно скотоводствомъ. Норве-

жецъ, быть можетъ, найдетъ здѣсь порядочные сѣнокосы, а насчетъ лѣса очень скудно. Вмѣсто дровъ, финляндецъ пускаетъ въ ходъ торфъ и, отчасти, вырубаетъ, для топлива, кустарникъ. Относительно же бревенъ и досокъ, прежній переселенецъ—и понятія не имѣетъ; для него они, по дороговизнѣ, недоступны. Оба колониста по русски не знаютъ ни слова, но каждый изъ нихъ намѣренъ отдать, по одному изъ своихъ дѣтей, въ кольскую школу. Этимъ путемъ, они хотятъ достигнуть того, что остальныя дѣти (у одного четверо, а у другого пять), около школьниковъ, научатся русскому языку. Финляндецъ получилъ пособіе отъ казны, но въ меньшемъ размѣрѣ, нежели установлено закономъ, а именно 150 р.; остальныя деньги обѣщали выдать послѣ и вотъ, уже прошло два года, а дополнительнаго пособія все нѣтъ. Между, тѣмъ переселенецъ жалуется на крайнюю нужду въ деньгахъ и, собственно, за неполученіемъ полнаго пособія, не въ силахъ пріобрѣсти ни овцы, ни коробы. Все прочее, въ колоніи Торосъ, стоитъ въ одинаковыхъ условіяхъ съ колоніей Сайдой.

Выйдя изъ губы Торосъ, мы вскорѣ очутились въ открытомъ океанѣ. Такимъ образомъ, я проѣхалъ всю Кольскую губу два раза и, поэтому, могу сказать нѣсколько словъ о томъ, какой вообще имѣетъ внѣшній характеръ эта одна изъ большихъ бухтъ Ледовитаго океана. Близъ Колы чувствуется довольно тепло; берега тянутся низкіе, сплошь покрытые луговою растительностью; довольно часто попадаются березки и сосенки—словомъ, все съ береговъ смотритъ весело, нарядно. Затѣмъ, по мѣрѣ удаленія, температура понижается и этимъ даетъ ясное понятіе о томъ, что вы двигаетесь все ближе къ Сѣверному океану; берега постепенно повышаются и какъ бы стряхиваютъ съ себя лишнюю флору; травы уже не имѣютъ вида зеленаго ковра и виднѣются только въ логахъ между скалами; деревья встрѣчаются и ниже, и рѣже; сама губа становится шире и чаще вдается, мелкими бухтами, въ материкъ. Еще дальше—и на встрѣчу вѣетъ уже рѣзкимъ холодкомъ; здѣсь береговыя скалы чужды всякой растительности,—то, какъ бы, откидываются назадъ, то надвигаются впередъ и висятъ надъ водою, угрожая, каждую минуту, съ шумомъ обрушиться; фонъ этихъ скалъ бурый, мѣстами покрытъ темнозелеными пятнами, которыхъ не могутъ смыть вѣковые

дожди. На путника скалы смотрятъ угрюмо, дико, безжизненно. Наконецъ, губа развертывается во всю ширь и открываетъ путь въ Сѣверный океанъ. Нашъ рейсъ лежалъ въ становище Портъ-Владиміръ (Еретики). Сюда мы пришли безъ ужасовъ, при маломъ вѣтрѣ.

XII.

Китобойный заводъ Гебеля.—Портъ Владиміръ.—Колонія Кислая и Ура.

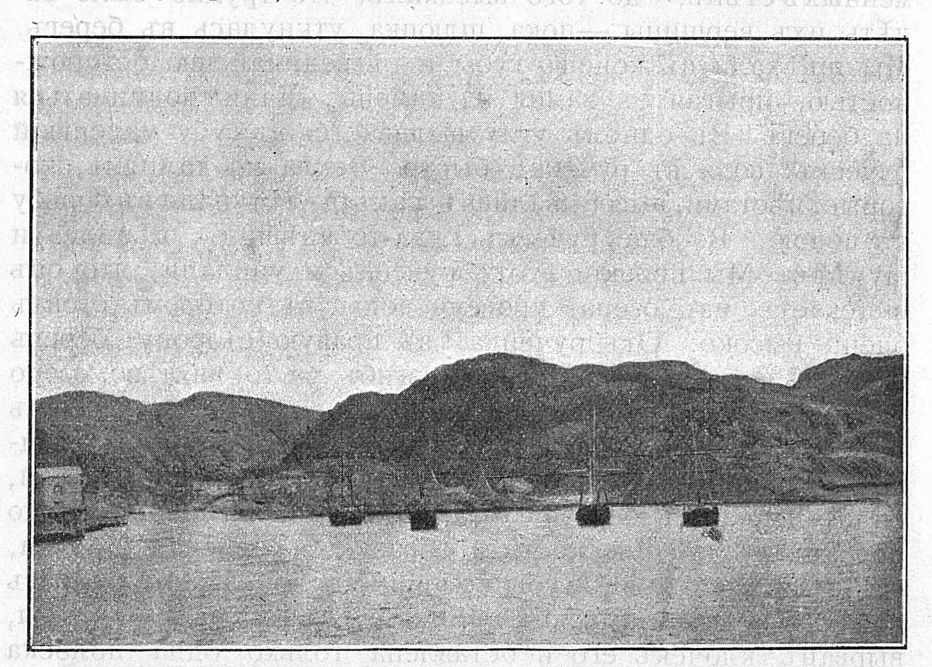
Пароходъ бросилъ якорь между общимъ берегомъ и островомъ Шалимомъ. Прежде всего, я отправился не въ становище, а по близости, на китобойный заводъ акціонернаго общества, когда то гремѣвшій на весь сѣверъ своею будущностью, а нынѣ бездѣйствующій и перешедшій въ руки одного лица, г. Гебеля. Послѣдній всячески старается открыть дѣйствія завода, но для этого необходимы денежныя средства, а ихъ у г. Гебеля недостаетъ; поэтому дѣло съ каждымъ годомъ тормозится. Мнѣ разсказывали, что г. Гебель дважды входилъ съ ходатайствомъ къ правительству о разрѣшеніи ему субсидіи для китобойныхъ операцій, но безуспѣшно, и теперь, какъ говорятъ, подыскиваетъ себѣ денежнаго компаньона.

Шлюпка подъѣхала къ высокой площадкѣ, выступающей отъ берега, на сваяхъ. Я влѣзъ на нее по лѣстницѣ и вышелъ на берегъ. Послѣдній поднимался вверхъ, среди скалистыхъ стѣнъ, узкой и совершенно плоской ложбиной. Смотря на нее, я дивился на причудливость сѣверной природы. Но, впослѣдствіи, оказалось не то,—природа была здѣсь не причемъ. Ложбина устроена искусственно—выворачивали камни и взрывали скалы человѣческія силы и тяжелый трудъ. Итакъ, на правой сторонѣ ложбины помѣщаются какія-то заводскія зданія, а на лѣвой мрачно стоитъ самый заводъ; прямо же поднимается узкая тропинка, ведущая къ жилымъ зданіямъ, предназначавшимся для рабочихъ и управителей завода. Ко мнѣ спустился самъ г. Гебель и любезно предложилъ посмотрѣть китобойню. Мы отправились прямо на заводъ. Онъ представляетъ собою большое зданіе, въ родѣ

сарая, хорошо и прочно устроенное. Зданіе въ два этажа, Въ нижнемъ этажѣ стоятъ 6 желѣзныхъ цилиндровъ, съ кранами у самаго дна; цилиндры 6 ф. въ діаметрѣ и 13 фут. высоты; стóятъ, каждый, съ доставкою 1000 р.; они врѣзаны въ потолокъ и отверстіями открыты во второмъ этажѣ; тамъ цилиндры соединены трубой, чрезъ которую проходитъ паръ. Параллельно ряду цилиндровъ, устроены палати, куда, посредствомъ лебедки, втаскивается китъ и раздѣлывается на части. Сало и языкъ бросаютъ въ цилиндры и, паромъ, выгоняется первый сортъ китоваго жира. Остатки переносятся въ деревянные чаны и въ нихъ отстаивается 2-й сортъ. Затѣмъ, мясо и кости поступаютъ въ другое помѣщеніе. Здѣсь сложена печь, посредствомъ которой вода нагрѣвается во вмазанномъ въ печь котлѣ. Вокругъ послѣдняго, еще 8 котловъ, куда кладутъ мясо и кости; отъ переработки этихъ веществъ, получается 3-й сортъ. Всѣ сорта жира сливаются отдѣльно, въ три резервуара, помѣщающіеся въ нижнемъ этажѣ. Тутъ же есть, въ особомъ помѣщеніи, заводъ для выварки китоваго уса,— небольшое зданіе, съ маленькой печкой, въ которой вмазанъ котелъ, гдѣ и варится китовый усъ на содовой водѣ. Послѣ, усъ очищается и кладется подъ прессъ, пачками, а затѣмъ сбывается въ Англію, гдѣ его окончательно выдѣлываютъ для употребленія. Лучшей выдѣлкой считается та, если усъ получится ровный, какъ доска. Къ сожалѣнію, такая выдѣлка у насъ не достигнута и потому усъ отправляютъ заграницу—додѣлывать. Сало продается 3 р. пудъ, китовый усъ 17 р. фунтъ. Изъ другихъ зданій, г. Гебель показывалъ мнѣ амбары для храненія сала и казарму на 30 человѣкъ рабочихъ, причемъ, въ послѣдней, помѣщались также мастерскія — столярная, токарная, бондарная, кузнечная и слесарная. Видѣлъ также, у самаго завода, подъѣздной путь или брюги. Это дамбы, по которымъ лежатъ рельсы. Кита свободно подведутъ къ дамбѣ, вытащатъ изъ воды на телѣжки и поволокутъ къ зданію завода.

Попрощавшись съ г. Гебелемъ и получивъ отъ него на память китовый усъ кита-полосатика (balaenoptera-musculus), я поспѣшилъ въ становище Портъ-Владиміръ. Становище помѣщается въ маленькой губѣ, вдающейся въ островъ. Здѣсь 2 большихъ стана, принадлежащіе норвежцамъ Пильфельду и Кнюцену. Работаетъ у нихъ 55

покручниковъ и 18 зуевъ, забрасывая 400 тюковъ. Изъ промышленныхъ судовъ, кромѣ елъ, больше нѣтъ никакихъ; да и понятно—хозяева-норвежцы, а послѣдніе признаютъ елу, какъ одно изъ удобнѣйшихъ судовъ. Елъ, въ этомъ становищѣ, промышляетъ 18. Въ губѣ стояло 8 мореходныхъ судовъ, также принадлежащихъ указаннымъ норвежцамъ; суда нагружались треской и нѣкоторыя, какъ вполнѣ нагруженныя, готовились уже въ путь. Противъ становища, у берега, на столбахъ, громоздилось какое-то старое

Становище портъ Владиміръ.

зданіе. По освѣдомленіи, я узналъ, что это была факторія г. Воронина, которая, за смертію хозяина, поступила во владѣніе кемскаго купца Антонова и нынѣ не оперировала.

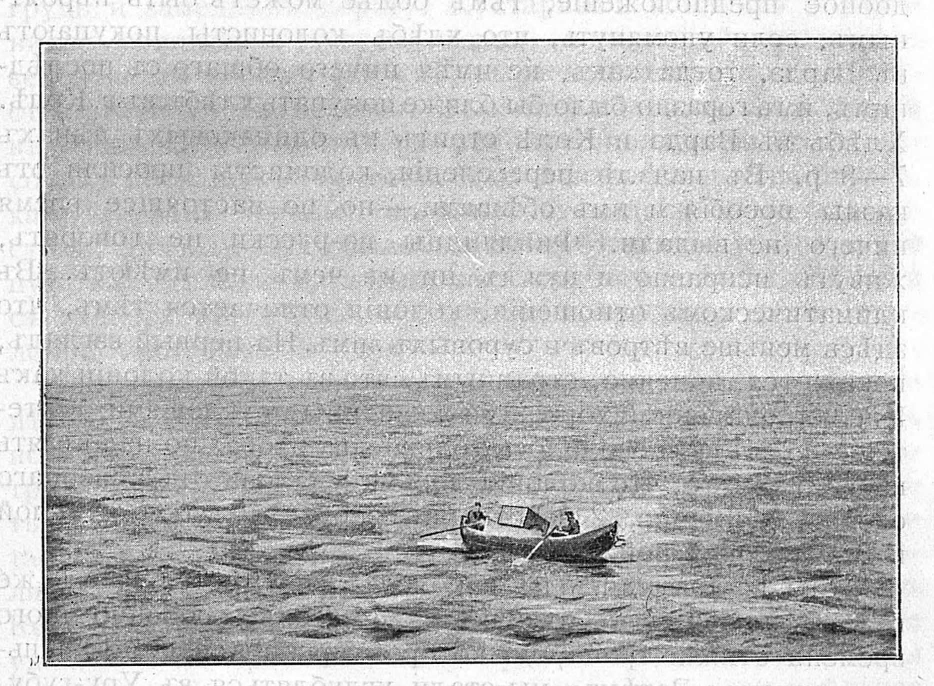
Въ этомъ становищѣ, я пробылъ не долго и мы, не выходя въ океанъ, стали углубляться въ Уру-губу. Здѣсь мнѣ надо было отыскать колонію Кислую. Пароходъ остановился противъ какой-то губы и мнѣ сообщили, что это губа Кислая, въ которой можно найти и колонію,—но достигнуть ея нельзя иначе, какъ проѣхавъ всю губу на шлюпкѣ, потому что проѣздъ по ней, для парохода, крайне

опасенъ. По удаленности и скрытности, гдѣ-то, въ скалистыхъ нѣдрахъ, колонія Кислая интересовала всѣхъ и потому мы, всей компаніей, во главѣ съ капитаномъ, поѣхали на поиски колоніи. Плывя губою, можно было вполнѣ убѣдиться въ опасности проѣзда на пароходѣ — губа оказалась чрезвычайно узкою, извилистою, съ постоянно встрѣчающимися каменистыми отмелями. Долго мы описывали зигзаги, пробираясь среди нависшихъ каменныхъ стѣнъ,—до того высокихъ, что трудно было видѣть ихъ вершины,—пока шлюпка уткнулась въ берегъ. Мы пріѣхали въ конецъ губы и съ величайшею осторожностью, прыгая съ камня на камень, стали подниматься на берегъ. Въ одномъ углу выливается въ губу маленькій ручеекъ; вода въ ручейкѣ быстро текла по камнямъ, которые, мѣстами, высовывались и, какъ бы, вступали въ борьбу съ водою. Вообще, ручеекъ куда-то спѣшилъ, пѣнился и шумѣлъ. Мы прошли этотъ ручеекъ и увидали, что онъ вытекаетъ изъ озера, уровень воды въ которомъ стоитъ очень высоко. Отъ ручейка, въ правую сторону, берегъ озера дѣлаетъ незначительный изгибъ; за то, на лѣво, озеро раскидывается круглымъ широкимъ плесомъ. Вода въ немъ прѣсная, чистая, хрустальная и блеститъ на солнцѣ гладкою зеркальною поверхностью. Лѣвый берегъ высокій, сплошь покрытъ березнякомъ; но, вдали, нагорность рѣзко переходитъ въ плоскость и образуется зеленая поляна, гдѣ и виднѣются двѣ губы колоніи Кислой. Прямо—берегъ тоже лѣсистый и высокій; въ одномъ мѣстѣ, какъ будто бы, вырванъ клочекъ его и оставлена только одна полоска суши, за которою проглядываетъ другое озеро, такое-же тихое, спокойное, съ виднѣющимися, въ перспективѣ, темнозелеными высокими берегами. Въ общемъ, здѣсь природа дѣвственна и производитъ на человѣка пріятное и сильное впечатлѣніе.

Чтобы добраться до колоніи, мы направились въ лѣсъ, гдѣ, вскорѣ, нашли тропу, которая тянулась параллельно берегу и, какъ проложенная колонистами, вела къ избамъ. Березнякъ былъ, по тамошнему краю, толстый (3 вер.). Такъ какъ подъ тонкимъ слоемъ земли, лежитъ каменистый грунтъ, то корни деревьевъ идутъ глубоко; обнажаясь, они, ползутъ, корчатся. Есть много деревьевъ поваленныхъ вѣтромъ; они торчатъ среди сучьевъ и даютъ

очертанія различныхъ формъ. Въ лѣсу лежало не мало камней всевозможныхъ величинъ, бѣжали горные стоки, попадались болотистыя торфяныя плоскости — и, вотъ, среди этой мѣстности, извивалась тропа, дающая о себѣ знать почти на каждомъ шагу и, притомъ, такъ, что изъ насъ кто-то постоянно восклицалъ: „ишь куда, омуты, заберутся!"

Придя въ колонію, я узналъ, что образовалась она 12 лѣтъ назадъ; первымъ въ нее пришелъ Яковъ Уши-

Почтовый карбасъ.

тало, финляндецъ изъ г. Куасами; затѣмъ поселился другой финляндецъ и, теперь, колонія состоитъ изъ 2 дворовъ съ 4 работниками,— деревяннаго и землянаго (землянки). Лѣтомъ колонисты занимаются рыбными ловлями—выѣзжаютъ на океанъ и поддеваютъ треску на уду; больше же ловятъ, въ ближайшихъ озерахъ, кумжу; для этого, они имѣютъ два невода, стоимостью въ 120 р. Вообще, для рыбныхъ промысловъ, колонисты имѣютъ 4 карбаса. Кумжу продаютъ кольскимъ промышленникамъ. Также ведутъ хорошее скотоводство,—есть 6 коровъ, 12 овецъ и 5 оленей.

Сѣнокосы расположены около колоніи; по количеству и достоинству, на столько порядочные, что съ небольшей прибавкой ягеля, скотъ обезпеченъ кругомъ годъ. Лѣсъ растетъ здѣсь въ избыткѣ; рубятъ сколько желаютъ. Я самъ видѣлъ у избы дрова, сложенныя въ большія полѣнницы. Сопоставляя количество заготовленныхъ дровъ, съ тѣмъ количествомъ, какое въ состояніи сжигать два двора, является предположеніе, что финляндцы возятъ продавать дрова въ Вардэ, гдѣ за нихъ даютъ хорошія деньги. Подобное предположеніе, тѣмъ болѣе можетъ быть вѣроятнымъ, если упомянуть, что хлѣбъ колонисты покупаютъ въ Вардэ, тогда какъ, не имѣя ничего общаго съ послѣднимъ, имъ гораздо было бы ближе покупать хлѣбъ въ г. Колѣ. Хлѣбъ въ Вардэ и Колѣ стоитъ въ одинаковыхъ цѣнахъ 7—8 р. Въ началѣ переселенія, колонисты просили отъ казны пособія и имъ обѣщали,—но по настоящее время ничего не выдали. Финляндцы по-русски не говорятъ, живутъ исправно и нуждъ ни въ чемъ не имѣютъ. Въ климатическомъ отношеніи, колонія отличается тѣмъ, что здѣсь меньше вѣтровъ и суровыхъ зимъ. На первый взглядъ, покажется, конечно, страннымъ, что въ такой колоніи какъ Кислая, одаренной хорошими жизненными условіями, въ теченіе 12 лѣтъ, поселилось только два двора; но надо взять во вниманіе то, что колонія весьма удалена отъ сѣвернаго океана, а именно, 2 версты по озеру, 3 — губою Кислой и 8 — губою Урой.

Мы возвратились на пароходъ, разумѣется, тѣмъ же путемъ, пробывъ въ отлучкѣ 5—6 часовъ; особенно много времени отняла тропа, по которой пробирались черепашьимъ шагомъ. Затѣмъ, мы стали углубляться въ Уру-губу, гдѣ мнѣ надо было посѣтить одну изъ большихъ колоній —Уру. До колоніи, отъ океана, считается 13 верстъ. Мы остановились далеко на рейдѣ, потому, что въ концѣ губы берегъ песчаный, слишкомъ отлогій, въ убылую воду обсыхаетъ на $1/2$ версты—а далѣе, уже высятся гранитныя скалы. Песчаный берегъ прорѣзаетъ узенькая рѣчка Ура и впадаетъ въ губу; рядомъ выливается другая, положительно сходная характеромъ съ первой. При устьяхъ этихъ рѣкъ, и стоитъ колонія. Къ несчастію, мы пріѣхали въ убылую воду, такъ что шлюпка, на которой я отправился въ колонію, привалила къ берегу далеко отъ Уры. По-

мимо этого, присоединилась еще другая бѣда—по берегу нельзя было идти, вслѣдствіе вязкости песка; поэтому матросы повели меня куда-то въ глубь и сказали, что въ колонію надо путешествовать кругомъ, до 3 верстъ. Слѣдовательно, сверхъ ожиданія, путь оказался длиннѣе. Сначала мы шли по топкимъ мѣстамъ, не то болотамъ, не то торфянникамъ; затѣмъ, почва подъ ногами стала ощущаться тверже и менѣе влажная; показался кустарникъ—онъ былъ иногда настолько густъ, что лѣзъ въ глаза, ударялъ въ грудь и замедлялъ дорогу. Кустарникъ кончился и замѣнился ровнымъ уступомъ скалы, подернутой лишаями и зеленоватой пылью; кое-гдѣ, въ расщелинахъ, ютились кустики и маленькія деревья. Въ концѣ концовъ, мы перешли въ бродъ какую-то мелкую рѣчонку, ползущую среди высокихъ песчаныхъ береговъ. Едва вскарабкались на берегъ, какъ глазамъ нашимъ ясно представились избы колонистовъ. Тутъ, можно было вполнѣ убѣдиться въ томъ, что путь мы сдѣлали кружный, такъ какъ къ колоніи подошли съ задворковъ, а фасадъ ея, какъ и, вообще, всѣхъ поселеній, смотрѣлъ на рѣчку.

По опросѣ колонистовъ, я собралъ нужныя мнѣ свѣдѣнія. Колонія Ура-Старая образовалась въ 60-хъ годахъ, но кто пришелъ въ нее первымъ, колонисты сказать затруднялись. Въ колоніи 25 деревянныхъ дворовъ, покрытыхъ исключительно дерномъ; семейныхъ работниковъ считается 49. Всѣ колонисты Уры переселились изъ Финляндіи, за исключеніемъ одной семьи, которая пришла изъ Корелы. Впрочемъ, былъ и русскій колонистъ, но не ужился и въ прошломъ году куда-то исчезъ. Финляндцы русскаго языка положительно не знаютъ, а если найдутся двое-трое съ претензіей на знаніе, то говорятъ такъ, что ничего не разберешь. Поэтому я, какъ и въ нѣкоторыхъ предъидущихъ колоніяхъ, говорилъ съ ними чрезъ матроса-переводчика. Лѣтомъ колонисты занимаются ловомъ трески на яруса и уды, а зимою ведутъ домашнее хозяйство. Изъ судовъ, у нихъесть20 елъ и 10 карбасовъ. На яруса ловятъ не болѣе половины колоніи, поэтому тюковъ насчитывается только до 350. Въ Урѣ ведется хорошее скотоводство, которое и слѣдуетъ считать за главный двигатель колоніи, въ бытовомъ отношеніи. Здѣсь содержится 120 коровъ, 150 овецъ и 150 оленей, причемъ, какъ заявили финляндцы,

овецъ держали бы и больше, да волки ихъ очень обижаютъ. Судя по количеству скота, здѣсь должны быть и хорошіе сѣнокосы,—но, на самомъ дѣлѣ, похвастаться ими колонисты не могутъ. Сѣно косятъ по берегамъ губы и рѣкъ, причемъ каждый дворъ, въ средній урожай, накашиваетъ до 25 оленьихъ возовъ. Понятно, что однимъ сѣномъ всего скота не прокормить; поэтому помощникомъ сѣну является мохъ, приготовляемый въ кормъ въ ошпаренномъ, изрубленномъ видѣ. Разумѣется, въ кормѣ испытывается нѣкоторая нужда въ теченіе 7—8 мѣсяцевъ, а въ остальное время заботы, насчетъ корма, отпадаютъ, такъ какъ скотъ безвыходно пасется на выгонахъ. Лѣсомъ колонисты пользуются въ казенныхъ дачахъ, расположенныхъ выше по р. Урѣ. Каждый дворъ уплачиваетъ казнѣ налогъ въ размѣрѣ 30 к. и вырубаетъ годовую часть—7 бревенъ, 7 жердей и 4 кб. саж. дровъ. Дрова вывозятъ долготьемъ и пилятъ сами дома. Въ колоніи есть казенный хлѣбный магазинъ, въ которомъ берутъ хлѣбъ въ кредитъ, съ ручательствомъ до осени. Зимою и весною хлѣбъ дорогъ; дворъ должается въ магазинѣ, смотря по составу семьи, 1—2 куля; къ осени цѣны упадутъ и онъ покупаетъ подешевѣвшій хлѣбъ; затѣмъ, одну часть отдаетъ въ уплату долга, а другую оставляетъ до дорогаго хлѣба. Больницы въ колоніи никакой нѣтъ, а колонисты лечатся сами, привозя лекарства изъ Норвегіи. Есть кирка, гдѣ отправляется служба пріѣзжающимъ пасторомъ. Относительно казеннаго пособія, финляндцы объяснили мнѣ, что таковое получили только тѣ, которые селились ранѣе, а позже поселившіеся, ничего не получили, хотя они неоднократно объ этомъ ходатайствовали. Въ общемъ, колонисты Уры живутъ хорошо; избы прочныя, внутри чисто, опрятно. О другихъ свѣдѣніяхъ, одинаковыхъ съ предъидущей колоніей, умалчиваю.

Возвращаясь прежнимъ путемъ, я замѣтилъ въ губѣ нѣсколько елъ, пріѣхавшихъ сюда для лова рыбы-песчанки. Суда стояли пока безъ дѣйствія; въ забранныхъ досками носахъ, на подобіе будокъ, дымились желѣзныя трубы.

Послѣ этой колоніи, чтобы отправиться въ слѣдующую, мы должны были оставить Уру-губу, проѣхать океаномъ и попасть въ сосѣднюю губу. Былъ поздній вечеръ; рѣзкій вѣтеръ дулъ въ губу и гналъ значительныя волны. Слѣдовательно, при выходѣ изъ губы, мы должны были встрѣ-

тить немалый штормъ и притомъ боковой, съ ударами волнъ въ бортъ парохода. Все это насъ ничуть не страшило, при одномъ только воспоминаніи, что океаномъ мы пойдемъ самое пустое время. Правда, едва вышли въ океанъ, началась прежняя исторія; все закрыли и мы закупорились. Пароходъ бросало въ одну сторону; волны катились чрезъ палубу. Угрожала новая опасность. Дѣло въ томъ, что боковою волною руль сильно нажимало и, при неправильномъ поворотѣ, онъ могъ лопнуть, — а случись это, пароходъ снесетъ на скалы, ударитъ о нихъ разъ-другой—и простись съ бѣлымъ свѣтомъ. Дѣйствительно, „трепка" продолжалась недолго—20 или 25 мин. Признаться, руль страшно скрипѣлъ и легко могъ лопнуть. Не знаю, какъ другіе, но я, по крайней мѣрѣ, думалъ, что въ эти короткія минуты, жизнь наша, какъ говорится, была на волоскѣ. Изъ океана мы свернули въ Уру-губу, гдѣ я хотѣлъ посмотрѣть колонію того же названія. Однако, пароходъ сталъ на рейдъ только ночью и пришлось заночевать.

XIII.

Ара—Большая и Малая Лицы.—Титовка.

На другой день, 26-го іюля, утромъ, я отправился въ колонію. Послѣдняя состоитъ только изъ одного деревяннаго двора съ однимъ работникомъ; онъ вполнѣ защищенъ отъ вѣтровъ, такъ какъ стоитъ въ самомъ концѣ губы, а конецъ ея заворачиваетъ вправо и образуетъ безусловно спокойную бухту. При колѣнѣ, видѣнъ заводъ перваго товарищества, или, вѣрнѣе сказать, торчатъ развалины завода, стоявшаго когда-то въ ряду китобоенъ, каковымъ на сѣверѣ положительно не везетъ. Наша шлюпка причалила вдалекѣ отъ двора, такъ какъ, по мелководью, къ самому форту подъѣхать было трудно. Я пробирался къ колоніи по берегу, по острымъ камнямъ, вѣками падавшимъ съ высокихъ скалъ. Изба оказалась просторная, чистая; изъ семьи былъ только женскій полъ; но, тѣмъ не менѣе, я могъ добыть здѣсь все нужное. По губѣ Арѣ, до колоніи, считается 10 верстъ. Губа не принимаетъ ни одной рѣчки, а

дворъ беретъ воду въ „падунѣ“, бѣгущемъ изъ скалъ тоненькими струйками. Дворъ поселился 13 лѣтъ назадъ,—съ того времени, когда открылся заводъ; колонистъ былъ на этомъ заводѣ сторожемъ. У него есть 1 карбасъ и 12 тюковъ снастей; ими онъ ловитъ треску, беря на помощь одну изъ женщинъ. Изъ скота, дворъ держитъ 2 коровы, 2 овцы и 1 оленя. Сѣно растетъ по берегамъ губы и, притомъ, довольно скудно; снимаютъ въ лѣто не болѣе 15 пудовъ; больше, за сѣно, отвѣчаетъ мохъ. Относительно лѣса слѣдуетъ сказать, что строеваго матеріала колонистъ не покупаетъ, а вмѣсто дровъ, семья сбираетъ по берегамъ разный древесный хламъ и рубитъ, кое-гдѣ, кустарникъ. Хлѣбъ покупаютъ осенью въ Вардэ, по 7 — 7 р. 50 к. за куль. Семья здѣсь финляндская, никто по-русски не говоритъ. Есть православная часовня, но въ ней ощущалась надобность, когда проживали близъ колоніи заводскіе рабочіе, а теперь кольская администрація хочетъ часовню перенести въ Екатерининскую гавань. Колонистъ просилъ пособія отъ казны, но въ этомъ ему было отказано, по той причинѣ, что у него имѣлось уже достаточное хозяйство. Губа Ара, какъ и всѣ сосѣднія губы, не замерзаетъ; но колонистомъ, въ теченіе 13 лѣтъ, была замѣчена одна зима, въ которую Ара стояла, сплошь, скованная льдомъ. Климатическія условія—тѣже.

Изъ Ары мы снова вышли въ океанъ; волненіе было сносное. Пароходъ держалъ курсъ вдоль берега. Когда мы пришли къ губѣ Вичанѣ, я узналъ, что отсюда начинается Мотовскій заливъ—и, именно, южный берегъ его. Заходить въ эту губу не представлялось надобности, такъ какъ въ ней, хотя и была колонія, но, въ то время, пустовала,—былъ одинъ колонистъ, да и тотъ, съ семьей, неизвѣстно куда скрылся. Поэтому мы миновали Вичану и пришли въ губу Лицу. Собственно говоря, въ этой губѣ двѣ колоніи—Большая и Малая Лицы. Пароходъ сначала бросилъ якорь у Малой Лицы. Колонія пріютилась въ маленькой бухтѣ, въ одной верстѣ отъ р. Малой Лицы, въ которой, кстати сказать, колонисты водою не пользуются, а берутъ ее изъ мѣстнаго колодца. Колонія старая, образовалась 30 лѣтъ назадъ; въ ней, первымъ, поселился Власъ Лазаревъ, крестьянинъ кемскаго уѣзда; затѣмъ, переселились изъ Финляндіи 3 двора; слѣдовательно, теперь, колонія состоитъ

изъ 4 дворовъ, съ 6 работниками. Колонисты ловятъ треску на уду и ярусами, для чего имѣютъ 3 елы и 90 тюковъ. Покосы лежатъ по р. М. Лицѣ; они даютъ по 25 возовъ на дворъ. Поэтому, немудрено, что здѣшніе колонисты ведутъ порядочное скотоводство—держатъ 10 коровъ, 40 овецъ и 20 оленей. Строеваго лѣса, по дороговизнѣ, почти не покупаютъ, а для топлива рубятъ кустарникъ. Финляндцы по-русски не говорятъ, а имъ желательно имѣть русскія книги, по которымъ русскій колонистъ, какъ грамотный, обѣщался поучить ихъ русскому языку. Кирки нѣтъ, а есть православная часовня. Пособіе отъ казны здѣсь получили двѣ семьи, а прочіе колонисты также просили, но въ этомъ имъ отказали. Хлѣбъ покупаютъ въ Вардэ и, съ доставкой, обходится 6 р. 50 к.—7 р. куль. Температура, лѣтомъ и зимою, средняя; густые продолжительные туманы, вьюги, снѣжные заносы—словомъ, климатическія условія обыкновенныя. Колонисты живутъ порядочно, безъ особенныхъ нуждъ и лишеній.

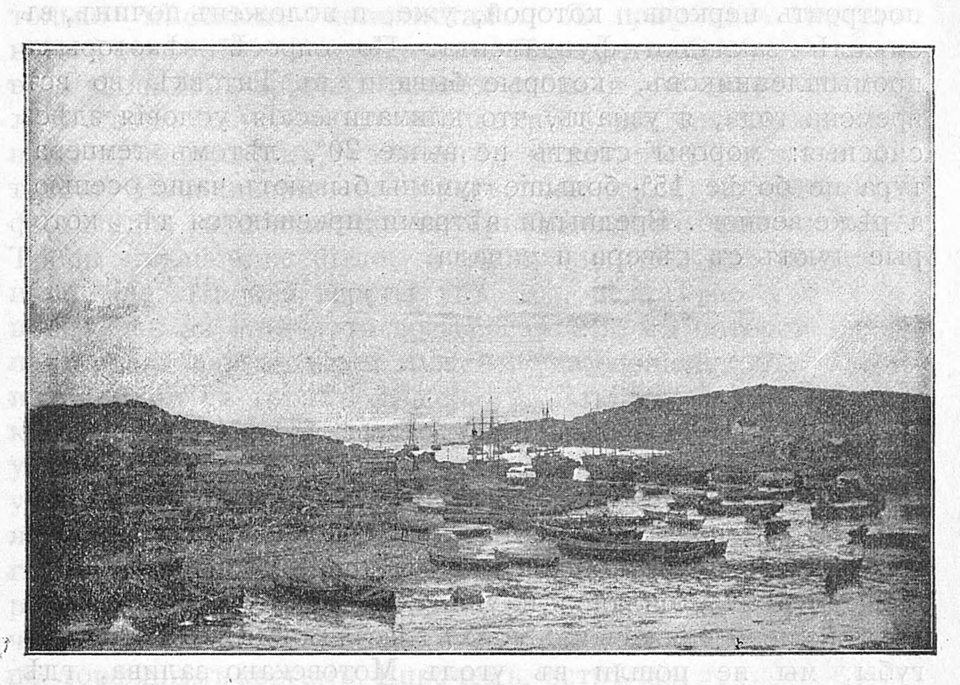
От Малой Лицы мы стали спускаться ниже, къ колоніи Большой Лицѣ. Здѣсь, я также выѣхалъ въ колонію на шлюпкѣ. Большая Лица расположена въ самомъ концѣ губы на каменистомѣ берегу, среди высокихъ печальныхъ скалъ. Вблизи вливается довольно длинная и широкая р. Большая Лица, по берегамъ которой есть и луга, и лѣсокъ. Эта колонія основана въ 1880 г.,—сюда первымъ пришелъ, изъ улеаборгской мѣстности, Іоганъ Рыгини; затѣмъ, стали селиться прочіе колонисты, такъ что въ настоящее время въ колоніи считается 4 деревяндыхъ двора и 7 землянокъ; проживаетъ въ нихъ 10 работниковъ. Зимою колонисты работаютъ по дому, а въ остальное время ловятъ въ океанѣ треску, имѣя, для лова, 3 елы и тюковъ рыболовныхъ снастей. Главнымъ образомъ, занятіе колонистовъ—скотоводство. Здѣсь содержится 25 коровъ, 160 овецъ и 30 оленей. Развитіе скотоводства въ колоніи находится въ тѣсной связи съ хорошими сѣнокосами. Косятъ сѣно по берегамъ губы и р. Лицы, причемъ каждый дворъ накашиваетъ до 30 оленьихъ возовъ. Такое количество снимаемаго сѣна является вполнѣ достаточнымъ, для прокормленія всего скота, втеченіе 8 мѣсяцевъ, т. е. того времени, когда скотъ находится дома. Надо также отдать справедливость трудолюбію колонистовъ,—

несмотря на большіе луга, колонисты убираютъ сѣно сами, безъ найма работниковъ. Лѣсомъ пользуются такъ: каждый дворъ уплачиваетъ казнѣ налога по 32½ к. и за эту плату получаетъ, въ теченіе года, 7 бревенъ среднихъ размѣровъ, 16 жердей и 30 кольевъ, а равно 4 кб. с. дровъ. Если кому потребуется лѣсъ свыше указанной нормы, то таковой можно получать за особую плату, по казенной таксѣ. Лѣсъ рубятъ за 60 верстъ по р. Большой Лицѣ и весною сплавляютъ къ колоніи. По породѣ лѣсъ: строевой—сосна, дровяной—береза. Хлѣбъ покупаютъ въ Вардэ, по такой же цѣнѣ, какъ и въ М. Лицѣ. Въ колоніи есть православная часовня. Финляндцы, хотя по русски говорить не знаютъ, но желаютъ научиться и потому нуждаются въ русскихъ книгахъ. По полученіи книгъ, грамотные, изъ русскихъ колонистовъ, обѣщаются поучить финляндцевъ. Изъ семействъ, получившихъ пособіе отъ казны, здѣсь только три; остальные тоже просили, но губернское начальство отказало имъ. Въ деревянныхъ избахъ замѣчается нѣкоторая чистота, но въ землянкахъ тѣсно, грязно и удушливо. Климатъ въ колоніи—все тотъ же.

Изъ Большой Лицы мы ѣхали губой, до входа въ нее, 10 верстъ; за тѣмъ, проплывъ 20 верстъ, завернули въ губу Титовку, гдѣ колоніи нѣтъ, а есть становище Титовское. Губой пароходъ прошелъ нѣсколько сажень и бросилъ якорь. Еще съ парохода былъ пріятный видъ на это становище, а когда я подъѣхалъ къ берегу, то мѣстность представилась мнѣ просто прекрасной. Здѣсь чувствовалось, какъ будто, совсѣмъ не на сѣверѣ; мрачныхъ скалъ не было, а кое-гдѣ торчали отдѣльно небольшіе камни; берега покрыты мелкимъ сыпучимъ пескомъ, а выше—отъ нихъ, тянутся отлогіе зеленые луга и уходятъ куда-то вдаль. Разговоръ и крики поморовъ, соленіе и раздѣлка трески, приходъ съ океана и уходъ въ голымень промысловыхъ судовъ—все это придавало становищу рѣдкую оживленность. Оказалось, что на дняхъ поморы заловили на песчаныхъ берегахъ много песчанки и пользуются временемъ, чтобы она у нихъ не пропала, а цѣликомъ бы пригодилась на яруса.

Въ Титовскомъ или Титовкѣ рыбный промыселъ производится безъ той пресловутой „покруты", которая глубоко пустила свои злые корни по всему нашему Мурман-

скому побережью; здѣсь ловятъ, скорѣе, по норвежски— ловятъ на артельныхъ началахъ, каждый самостоятельно, изъ за равной части. Артель ловитъ на извѣстномъ суднѣ и выловленную рыбу дѣлитъ поровну, причемъ судно со снастями пользуется полученіемъ одинковой доли рыбы, наравнѣ съ промышленнымъ. Такъ, судохозяинъ, не выѣзжавшій на промыселъ, получаетъ равную долю съ однимъ промышленникамъ, а выѣзжавшій—долю двухъ. Въ этомъ становищѣ промышляетъ 30 шнякъ, 30 елъ и 5

Становище Титовка.

карбасовъ, съ коихъ забрасывается до 2000 тюковъ рыболовныхъ снарядовъ. Это имущество принадлежитъ 75 судохозяевамъ. Помимо судохозяевъ, работаютъ на судахъ 150 промышленниковъ и 60 зуевъ. Для проживанія во время промысловъ, въ становищѣ имѣется 12 досчаныхъ и земляныхъ становъ, которые на зиму отдаются подъ охрану ближайшимъ лопарямъ. Прѣсною водою пользуются изъ маленькаго ручейка; можно было бы брать ее и изъ р. Титовки, но далеко,—рѣка впадаетъ въ губу въ 3 верстахъ отъ становища. Промышленники сбываютъ рыбу

на мѣстѣ, одному лицу. Въ теченіе 13 лѣтъ, пріѣзжаетъ изъ Колы въ Титовку нѣкто Хипатовъ и живетъ здѣсь въ своемъ домѣ, каждое лѣто; онъ гонитъ въ двухъ салотопняхъ тресконный жиръ и покупаетъ всю рыбу у промышленниковъ; онъ же доставляетъ ловцамъ хлѣбъ изъ г. Архангельска, по 6 р. 50 к. куль, и другіе съѣстные припасы. У береговъ стояло 12 небольшихъ мореходныхъ судовъ, грузившихся рыбой. Въ становищѣ есть часовня, но предполагается, какъ сообщили мнѣ промышленники, построить церковь, которой, уже, и положенъ починъ, въ смыслѣ закладки фундамента. По опросѣ нѣкоторыхъ промышленниковъ, которые бывали въ Титовкѣ во всѣ времена года, я узналъ, что климатическія условія здѣсь сносныя: морозы стоятъ не выше 20°, лѣтомъ температура не болѣе 15°, большіе туманы бываютъ чаще осенью, а рѣже весною. Вредными вѣтрами признаются тѣ, которые дуютъ съ сѣвера и запада.

XIV.

Рукопахта.—Залежи крона на Рыбачьемъ полуостровѣ.

Не безъ сожалѣнія, оставилъ я Титовское становище—этотъ живописный и бойкій уголокъ крайняго сѣвера. Долго еще смотрѣлъ, со шлюпки, на удаляющуюся отъ меня Титовку, пока она непотерялась изъ моихъ глазъ. Войдя изъ Титовской губы, мы не пошли въ уголъ Мотовскаго залива, гдѣ хотя и значатся, при губахъ Кутовой и Маломотской (восточной), двѣ колоніи, но онѣ стоятъ пустыя и колонисты изъ нихъ ушли безвозвратно, неизвѣстно куда. Изъ Титовской губы, мы прямо стали перерѣзать Мотовскій заливъ и, черезъ часъ, очутились въ началѣ Мотовской губы, называемомъ, по мѣстному Рукопахтой. Тамъ, гдѣ бываетъ прибой волнъ, лежитъ мелкій вывѣтрившійся камень. Выше—берега ярко-зеленые, покрыты во многихъ мѣстахъ густымъ кустарникомъ, пригоднымъ для хорошаго топлива. Вообще, берега Рукопахты чрезвычайно отлого поднимаются вверхъ и достигаютъ значительной высоты на порядочномъ разстояніи. Здѣсь, при среднемъ сѣвер-

номъ вѣтрѣ, царитъ полнѣйшій штиль. Рукопахта продолжается не болѣе версты, а слѣдующая часть губы именуетея Озерками или гаванью Новой Земли. Берега ея также отлогіе и луговые,—притомъ, мѣстами, песчаные. По обоимъ берегамъ всей губы протянулись финляндскіе дворы; избы стоятъ уединенно, какъ будто не имѣя, между собою, ничего общаго. Въ Рукопахтѣ мнѣ сообщили, что не подалеку, на Рыбачьемъ полуостровѣ, есть залежи кровавыхъ красокъ, никѣмъ не изслѣдованныя, а извѣстныя только мѣстнымъ колонистамъ. Я попросилъ исправника посмотрѣть эти залежи. Пароходъ бросилъ якорь въ Рукопахтѣ, противъ первой избы, и мы стали составлять свою собственную экспедицію; въ составъ ея вошли: я, исправникъ, капитанъ, механикъ Штромъ и матросъ. Высадившись на берегъ, мы взяли провожатымъ финляндца и пошли во внутръ Рыбачьяго полуострова. Тропы никакой не было, а выбирали путь, гдѣ поровнѣе и посуще. Пройдя версты двѣ, мы, незамѣтно для себя, поднялись иа какую то возвышенность, съ которой Рукопахта казалась большой лужей, удаляющейся отъ взора, извилинами въ горахъ и долахъ. Затѣмъ, слѣдовалъ такой же незамѣтный спускъ,—но, въ отношеніи путевыхъ удобствъ, гораздо хуже; шли по разнымъ пригоркамъ, уступамъ, откосамъ, среди громадныхъ камней и гранитныхъ стѣнъ. Мѣстами, изъ стѣнъ высовывались каменныя глыбы и на нихъ лежалъ вѣчный снѣгъ, подернутый сѣроватою вуалью. Приходилось переправляться чрезъ ручейки, падуны; также вязли въ болотахъ, дѣлали прыжки по торфянымъ коргамъ. Впрочемъ, встрѣчался, хотя рѣдко, и пріятный путь, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда торфъ лежалъ ровною площадью. Переходя торфяныя площади, чувствовалось, что ступаешъ точно по мягкому бархатному ковру. Гг. исправникъ и капитанъ отстали на полдорогѣ, а мы прошли 6 верстъ и достигли небольшой рѣчки, шумно бѣжавшей по камнямъ. По фарватеру вода неслась чистая, прозрачная, но у береговъ она соприкасалась съ грунтомъ и окрашивалась въ пурпурный цвѣтъ. Берега рѣчки невысокіе, завалены камнями, подъ которыми лежитъ кроваво—красный песчаный слой грунта. Кронъ смѣшанъ съ пескомъ и достаточно бросить горстъ его въ воду, какъ послѣдняя, на этомъ мѣстѣ, быстро по багровѣетъ,

а затѣмъ, отъ теченія, начнетъ расплываться и постепенно становится алѣе. По словамъ финляндца, рѣчка эта безъ названія, тянется нѣсколько верстъ и выливается въ Мотовскій заливъ, на сѣверной сторонѣ; вся рѣчка течетъ въ кровавыхъ берегахъ и не только красныхъ, но, ближе къ заливу, и желтыхъ. На залежахъ мы пробыли не болѣе часа и отправились въ обратный путь; по дорогѣ, къ намъ снова присоединились исправникъ и капитанъ, ждавшіе нашего возвращенія у вежи. Въ послѣдней были лопари, именуемые „фильманами". Всѣ фильмана—это норвежскіе лопари, принявшіе подданство Россіи по трактату 1826 г.

XV.

Большая Мотка.—Перешеекъ.—Колонія Земляная.

Мы вернулись на пароходъ изнеможенные и усталые. Поэтому я тотчасъ-же легъ спать, — а проснувшись, въ 9 ч. утра, узналъ, что пароходъ былъ уже въ Озеркахъ, въ концѣ самой Мотовской губы, гдѣ, послѣдняя, перешейкомъ отдѣляется отъ Земляной губы, врѣзывающейся въ Рыбачій полуостровъ съ западной стороны его. Здѣсь я предпринялъ новый походъ, но уже не въ компаніи, а съ однимъ только матросомъ. Я задумалъ переправиться пѣшкомъ чрезъ перешеекъ и попасть въ колонію Земляную, стоящую на берегу упомянутой губы. Но прежде чѣмъ переправиться въ Земляную, я поѣхалъ по избамъ Мотовской губы, которыя составляютъ также колонію, подъ названіемъ Большая Мотка. Эта колонія образовалась въ началѣ 60 годовъ,—но кто былъ ея образователемъ, колонисты указать не могли, такъ какъ первые поселенцы умерли и не оставили по себѣ, въ этомъ отношеніи, никакихъ воспоминаній. Дворовъ здѣсь считается 12, изъ коихъ 4 деревянныхъ, а остальные землянки; работниковъ въ нихъ проживаетъ 15 человѣкъ. Колонисты занимаются рыбнымъ и морскимъ звѣринымъ промыслами, причемъ производятся они въ свое время,—лѣтомъ ловятъ въ Мотовской губѣ треску, пикшу и камбалу, зимою охотятся на нерповъ, а весною и осенью бьютъ акулъ. Для промысловъ

есть 5 елъ, 158 тюковъ и другіе снаряды. Такое количество промысловыхъ орудій, конечно, не соотвѣтствуетъ числу населенія,—поэтому, иные колонисты одолжаются рыболовными снастями у своихъ собратовъ, а на покупку собственныхъ нѣтъ средствъ. За то у колонистовъ ведется хорошее скотоводство, а именно, 35 коровъ и 100 овецъ; оленей почему-то не держатъ, а въ случаѣ надобности въ извозѣ, нанимаютъ ихъ у лопарей. Сѣнокосы расположены по берегамъ губы и отличаются обильностью. Сколько возовъ сѣна снимаетъ каждый дворъ, колонисты не считали, а объяснили, что кормятъ скотъ все время сѣномъ, расходуя на дворъ по 120 пудовъ; излишекъ же продаютъ на сторону или оставляютъ въ стогахъ, про запасъ, на неурожайные годы. Строеваго лѣса совсѣмъ не покупаютъ; дровянаго же по близости нѣтъ,—поэтому топятъ торфомъ, верескомъ и кустарникомъ. За хлѣбомъ колонисты ѣздятъ недалеко,—покупаютъ его въ Титовкѣ по 6 р. 50 к.—7 р. куль. Колонисты всѣ финляндцы; по русски говорятъ двое, да и то ломанымъ, трудно понимаемымъ языкомъ. Въ климатическомъ отношеніи—тѣ-же густые туманы, сильные вѣтры, то-же холодное лѣто и та же умѣренная, по температурѣ, зима, съ вьюгами, мятелями и глубокими снѣгами. Пособіе отъ казны получилъ только одинъ колонистъ; просили и остальные, но имъ отказали. Колонисты Большой Мотки живутъ порядочно. Въ землянкахъ я думалъ встрѣтить, по обыкновенію, нечистоту и грязь; но, на самомъ дѣлѣ, нашелъ противоположное—всѣ землянки отличаются сухостью, тепломъ и уютностью. Эти курныя помѣщенія колонисты строятъ, съ ремонтомъ, на 15 лѣтъ, а послѣ срываютъ до основанія и сооружаютъ новыя.

Я вернулся на пароходъ и отправился съ матросомъ чрезъ Рыбачій перешеекъ. На берегъ доставила насъ пароходная шлюпка и мы пошли. День выпалъ прескверный—то шелъ крупный дождь, то переставалъ, то вдругъ налетала какая то дождевая пылъ, или, какъ называется здѣсь, „чамра“, мозглая, пренепріятная. Мы обходили болота, падуны, ручейки, прыгали съ кочки на кочку, съ камня на камень. Мы забрались въ частый кустарникъ и, чтобы проложить себѣ дорогу, раздвигали вѣтви; но онѣ, какъ бы за нарушеніе ихъ спокойствія, хлестали по глазамъ и

обдавали лицо водою. Я останавливался и прислушивался: тишина была гробовая, только, спрятавшись въ кустахъ, цокала какая-то птичка и пискала чечотка. Вотъ, подошли къ громаднѣйшей горной стѣнѣ; подошва горы, сплошь, была устлана плитняковыми сколками, похожими на аспидный камень. Несомнѣнно, что сколки летятъ съ горы, которая ими крошится и обнажаетъ свои составныя части. Гора почти черная,—сложилась изъ плитняка, лежащаго другъ на другѣ, правильными слоями; въ иныхъ мѣстахъ образовались замѣтныя впадины; здѣсь плитнякъ, должно быть, легче поддается вліянію вѣтра и, сравнительно, раньше осыпается. Я поднималъ глаза на этого мрачнаго гиганта и видѣлъ, какъ тучи, то окутаютъ его вершину непроницаемою мглой, то ползутъ впереди горы, рѣдко обрисовываясь на ней волнообразными краями. Затѣмъ, мы пошли вдоль этой горы, спотыкаясь на обвалившійся плитнякъ. Миновали гору, шли уже берегомъ Земляной губы (Большая Волоковая), а колоніи нѣтъ-какъ-нѣтъ. Прошли, кажется, еще часъ и, наконецъ, показалась колонія, стоящая на берегу, довольно далеко до конца губы. Пришелъ я въ колонію промокшій до костей, не смотря на дождевой плащъ. Въ колоніи мнѣ объяснили, что я, съ матросомъ, прошелъ 7 верстъ; если-же отъ колоніи проѣхать на карбасѣ до конца губы, то останется идти сушей, до Мотовской губы, съ небольшимъ одна верста. Что Рыбачій перешеекъ имѣетъ такое разстояніе, въ этомъ я лично убѣдился, когда стоялъ у горы и хорошо видѣлъ концы той и другой губы; тогда-же, пришелъ къ заключенію, что, по прямой линіи, перешеекъ, именно, не болѣе версты, причемъ линія эта покрыта болотами и, отчасти, кустарникомъ.

Итакъ, если войти въ губу, колонія Земляная придется на правомъ берегу. Послѣдній, у колоніи, имѣетъ такой видъ: близъ воды образовался песчаный уступъ, а поверхъ его луговая площадь, затѣмъ опять уступъ и глазамъ открывается необозримая долина луговъ. Въ этомъ берегу прорывается маленькая рѣчка Землянка, которая снабжаетъ водой населеніе. Земляная довольно старая колонія, образовалась въ 50-хъ годахъ, но, не смотря на это, она помнитъ своего основателя; это былъ Густавъ Пифонинъ, родомъ изъ Кузима. Земляная заселилась

исключительно финляндцами, изъ упомянутой мѣстности. Дворовъ въ колоніи считается 27, изъ коихъ 20 землянокъ; семейныхъ работниковъ насчитывается 40 человѣкъ. Лѣтомъ и весной, колонисты занимаются ловомъ трески, а въ остальное время занимаются дома, по скотоводству. Изъ рыболовныхъ орудій имѣется 16 елъ и 450 тюковъ. Изъ этого видно, что не у каждаго двора есть своя „посудина“,— но, тѣмъ не менѣе, промышляютъ всей колоніей нераздѣльно, т. е. неимѣющіе судовъ идутъ, на артельныхъ условіяхъ, къ имѣющимъ. Весною колонисты ловятъ рыбу на своемъ берегу, а лѣтомъ уѣзжаютъ на восточный берегъ. Сѣнокосы въ Земляной хорошіе, такъ что, на сѣнѣ, колонисты дѣлаютъ нѣкоторые денежные обороты. Напр., накоситъ колонистъ на одну корову сѣна 180 пудовъ; лѣтомъ, вслѣдствіе плохихъ рыбныхъ улововъ, подскочитъ нужда въ хлѣбѣ и колонистъ везетъ сѣно въ Вардэ, гдѣ продаетъ его по 60 коп. за пудъ; когда же сѣна не хватитъ, то выручаютъ уловы и колонистъ покупаетъ сѣно на сторонѣ; положимъ, по 70—80 к. за пудъ, но, за то, прикупка выражается лишь въ одномъ возѣ. При хорошихъ покосахъ, скотоводство въ колоніи довольно порядочное,—держатъ 5 лошадей и 40 коровъ; овецъ не держатъ, такъ какъ надо огораживать пастбищныя мѣста, а за дороговизною лѣса, постройка изгородей обходится дороже, нежели стоятъ сами овцы; оленей также не держатъ, въ силу тѣхъ неудобствъ, что по близости не растетъ ягель. Въ Земляной финляндцы занимаются, также, и огородничествомъ, а именно садятъ картофель; но хорошіе урожаи его бываютъ рѣдко; обыкновенно овощь этотъ даетъ незначительный приростъ. Пользованіе лѣсомъ находится въ дурномъ положеніи— вмѣсто дровъ, колонисты жгутъ торфъ и разный древесный хламъ, собираемый по берегамъ губы; строевой же лѣсъ покупаютъ въ Архангельскѣ и привозятъ, преимущественно, на пароходахъ Мурманскаго общества; доска съ провозомъ обходится въ 1 р. 20 к., бревно—1 р. 80 к., и притомъ, матеріалы эти среднихъ размѣровъ. Хлѣбъ покупаютъ въ Вардэ по 6 р. 50 к.—7 р. за куль и привозятъ, съ восточнаго мурманскаго берега, свои же колонисты, когда бываютъ тамъ на промыслахъ. Въ колоніи существуетъ общественный хлѣбный магазинъ, откуда переселенцы пользуются хлѣбомъ въ кредитъ. Въ магазинѣ они берутъ кулями и

погашаютъ долгъ также мукой, платя, въ смыслѣ %, лишнихъ 2 ф. на 1 пудъ. По русски изъ финляндцевъ, никто не говоритъ,—да, видимо, нѣтъ желанія и поучиться русскому языку. Въ колоніи учреждена своя школа, гдѣ учатъ по финляндски. Школу посѣщаютъ 30 малютокъ обоего пола, причемъ, плата съ каждаго, въ годъ, полагается въ размѣрѣ 50 к.; учебныя же пособія покупаютъ родители. Положимъ, плата за ученье установлена незначительная, но за то классы бываютъ только по праздничнымъ днямъ, когда въ дѣтяхъ родители не нуждаются по дому. При болѣзняхъ, колонисты ѣздятъ лечиться въ Норвегію; лечатся также домашними средствами и прибѣгаютъ къ помощи фельдшеровъ; впрочемъ, послѣднее случается не часто, такъ какъ они появляются въ колоніи очень рѣдко. Относительно казенной субсидіи, финляндцы разсказывали, что ея никто изъ нихъ не получилъ, хотя всѣ обращались съ ходатайствомъ. Весною и осенью бываютъ неизбѣжно густые туманы; осенью льются обильные дожди, но когда они случаются лѣтомъ, то, во многихъ отношеніяхъ, вредятъ сѣнокосамъ; злымъ вѣтромъ считается полунощникъ. Зима бываетъ не холодная,—но вьюги и глубокіе снѣга даютъ себя знать чувствительно. Колонисты Земляной живутъ порядочно и особенныхъ нуждъ не имѣютъ.

Обратно я возвращался не старой дорогой, а попросилъ колонистовъ доставить меня на карбасѣ, по Земляной губѣ, къ самому перешейку. Въ карбасѣ насъ сѣло четверо:— я, матросъ и два гребца; между тѣмъ „посудина“ была миніатюрная и погружалась настолько низко, что бортъ ея возвышался надъ водою не болѣе чѣмъ на 2 вершка; къ тому же, въ карбасѣ была единственная скамья, на которой помѣщались гребцы; матросъ забился въ носу, а я сѣлъ выше всѣхъ, на доскѣ, положенной на борта поперекъ судна. Ѣхать въ такомъ положеніи, да притомъ, еще по широкой губѣ, я признавалъ нѣсколько рискованнымъ,—но дѣлать было нечего, придумать что нибудь лучшее и болѣе безопасное, было нельзя.

Едва мы достигли средины губы, какъ вдругъ представилась новая опасность—задулъ легонькій побережникъ и погналъ волны съ океана въ губу. Положимъ, онѣ катились намъ въ корму, но быстрѣе насъ, и потому наша „посудина“, то высоко взбиралась на гребни волнъ, то

ныряла въ нихъ и захлебывалась носомъ. Къ счастію, ѣхать надо было всего 2 версты,—но, и на такомъ разстояніи, страхъ достаточно показалъ свою силу. Обрадовался я несказанно, когда вышелъ на берегъ изъ душегубной „посудины“.

XVI.

Колонія Эйна.—Малая Мотка.—Буда Потайная.

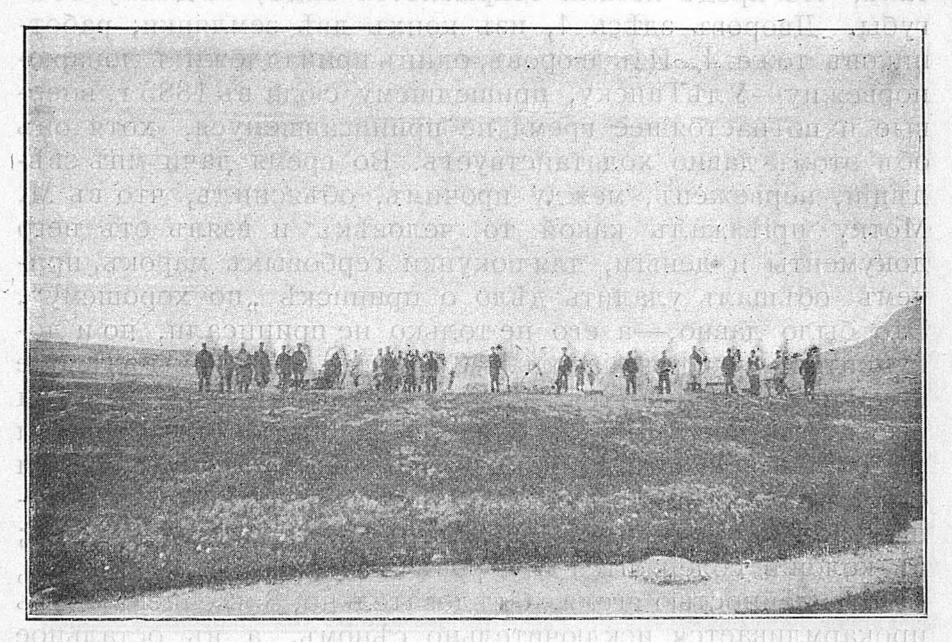
На пароходѣ давно ужъ насъ ждали—и, въ ожиданіи, соскучились. Да и основательно, потому что, въ Землянную и обратно, я пропутешествовалъ 7 часовъ. Вслѣдъ за моимъ прибытіемъ на пароходъ, онъ снялся съ якоря и отправился снова въ Титовку. Я опять любовался этой мѣстностью, но только издалека. На этотъ разъ, пароходъ взялъ здѣсь елу, нагруженную 20 пудами телеграфной проволоки, и долженъ былъ на буксирѣ доставить ее въ колонію Малую Мотку (западную), расположенную въ углу Варангерскаго залива. Путь пароходу лежалъ кругомъ всего Рыбачьяго полуострова. Вечеромъ, 27-го іюля, мы перешли на сѣверный берегъ Мотовскаго залива, къ колоніи Эйна. Эта колонія стоитъ въ губѣ Эйнѣ, на разстояніи 30 верстъ отъ Большой Мотки. Входъ въ губу широкій; берега мрачные, скалистые. Въ концѣ губы впадаетъ р. Эйна, вытекающая изъ торфяныхъ болотъ Рыбачьяго полуострова; рѣчка глубокая, чистая и рыбоводная. При устьѣ этой рѣчки, и пріютилась колонія, съ однимъ деревяннымъ дворомъ. Не смотря на единственный дворъ, колонія Эйна основана давно,—въ 1860 году въ ней поселился норвежецъ Дренеръ, который имѣлъ работника-сына; но, въ настоящее время, самъ онъ и сынъ его умерли, а хозяйствомъ управляетъ вдова,—за работниковъ же отвѣчаютъ три дочери. Зимою женскій дворъ занимается домоводствомъ, а лѣтомъ и весною въ р. Эйнѣ ловятъ семгу; выѣзжаютъ, также, и за треской,—по близости, въ губу или Мотовскій заливъ. Для производства промысловъ имѣется 1 ела, 30 тюковъ снастей и сѣтки. Изъ скота содержатъ 4 коровы, 8 овецъ и 30 оленей. Такое количество скота заставляетъ думать, что дворъ, главнымъ образомъ, существуетъ ското-

водствомъ. Сѣно косятъ сами женщины, по берегамъ р. Эйны и накашиваютъ его достаточно для всѣхъ коровъ; овецъ кормятъ ягелемъ, а олени пасутся внутри острова—лѣтомъ и зимою, подъ присмотромъ лопарей. Для топлива, женщины сбираютъ по берегамъ прибойный хламъ и рубятъ кустарникъ; строевой же лѣсной матеріалъ покупаютъ въ Архангельскѣ; тамъ же покупаютъ и хлѣбъ, по 6 р.—6 р. 50 к. за куль, безъ доставки. Вслѣдствіе прибыльнаго семужьяго промысла, колонія Эйна стала привлекать къ себѣ новыхъ колонистовъ. Мнѣ заявили желаніе поселиться тамъ слѣдующія лица: крестьянинъ кемскаго уѣзда, тунгудской вол., дер. Машезера, Петръ Куроптевъ съ женою, тремя сыновьями и тремя дочерьми, 2) кр. той-же дер., Алексѣй Алексѣевъ, 3) кр. того-же уѣзда, лапинской вол., дер. Кочко-озера, Владиміръ Кневинъ, 4) кр. того же уѣзда, зѣтнеконецкой вол., дер. Перевозъ-Варана, Григорій Ильинъ съ женою, двумя сыновьями и дочерью и 5) кр. онежскаго у., дер. Малошуйки, Сергѣй Боевъ съ женою, двумя сыновьями и тремя дочерьми.

Выше сказано, что колоніи Мотовскаго залива начинаются колоніей Вичавой,—теперь можно сказать, что онѣ кончаются колоніей Эйной. Помимо того, что этотъ заливъ имѣетъ удобныя губы для колонизаціи, онъ, самъ по себѣ, рыбоводный, безопасный и, сравнительно, не столь бурный. Въ длину, Мотовскій заливъ протянулся 70 верстъ; въ ширину, при входѣ имѣетъ 15 верстъ, въ концѣ—отъ Титовки до Рукопахты—считается 3 версты; глубина по фарватеру измѣряется, въ разныхъ мѣстахъ, отъ 150 до 200 саж. На всемъ этомъ пространствѣ, заливъ чистый и чуждый всякихъ банокъ и подводныхъ отмелей. Заливъ открытъ къ океану съ той стороны, откуда дуютъ меньшіе вѣтры; если-же взять въ немъ Мотовскую губу, то послѣдняя закрыта отъ вѣтровъ со всѣхъ сторонъ, также глубока, безопасна насчетъ банокъ и окаймлена отлогими луговыми берегами, могущими привлечь не мало поселенцевъ. Независимо отъ этого, Мотовскій заливъ благодарный и въ отношеніи промысловомъ; въ немъ промышленники и колонисты не мало вылавливаютъ трески, пикши и разной другой морской рыбы.

Изъ Мотовскаго залива, мы пошли кругомъ Рыбачьяго полуострова въ Малую Мотку. Съ 27 на 28 іюля ночевали

въ колоніи Ципъ-Наволокъ,—но ни въ ней, ни въ другихъ колоніяхъ, расположенныхъ по упомянутому полуострову, я, свѣдѣній съ парохода „Мурманъ", не собиралъ, такъ какъ онъ спѣшилъ доставить буксиръ къ мѣсту назначенія, какъ можно скорѣе; поэтому, побывать въ колоніяхъ Рыбачьяго полуострова, я рѣшилъ при возвращеніи въ Колу. Итакъ, мы отправились отъ Эйны въ Малую Мотку (западную) и, проѣхавъ 160 верстъ, прибыли туда къ вечеру.

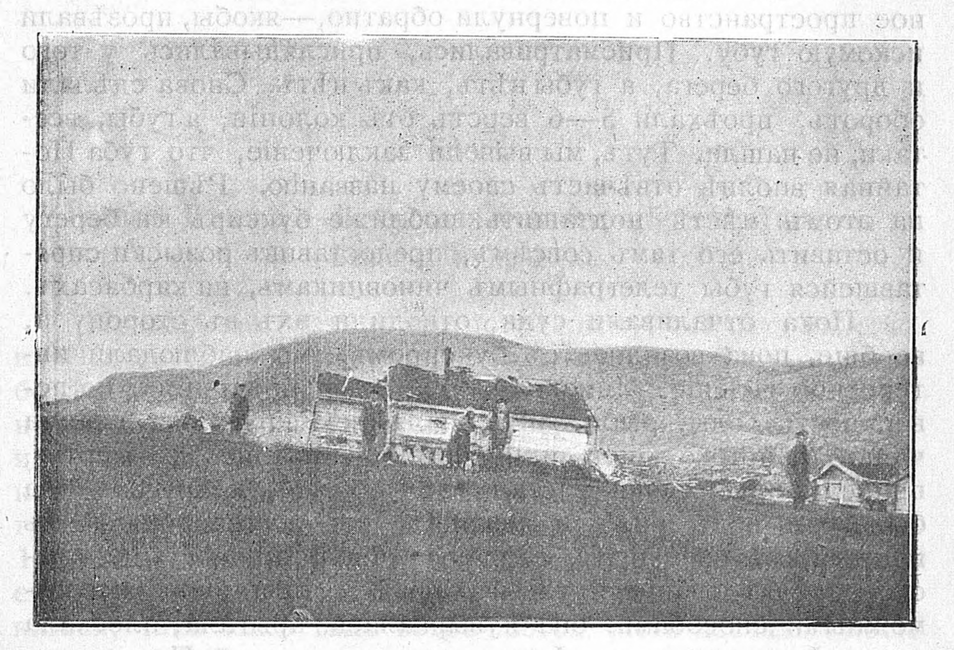
Телеграфный станъ въ колоніи Малой Моткѣ.

При входѣ въ Маломотовскую губу, я замѣтилъ, что берега ея представляютъ обыкновенныя, высокія скалы; затѣмъ скалы понижаются и, въ концѣ губы, мрачный гранитъ уступаетъ мѣсто луговымъ полянамъ. Ступивъ на берегъ, я повстрѣчался съ телеграфными чинами, которые производили здѣсь работы по проложенію телеграфной линіи отъ Малой Мотки до колоніи Печенги. На открытой полянѣ были разбиты палатки, среди которыхъ копошились рабочіе, собираясь, точно солдаты, куда-то въ походъ—это былъ телеграфный станъ. Чины говорили мнѣ, что они дѣйствительно ожидали шняку, потому что безъ

нея, на своихъ двухъ карбасахъ, не въ состоянiи были перевезти въ другую губу рабочихъ, провiантъ, инструменты и проч. Въ Малой Моткѣ телеграфныя работы закончились и станъ слѣдовало перенести впередъ на линiю, гдѣ суждено будетъ протянуться проволокѣ.

Мало-Мотовская губа никакой рѣки не принимаетъ, а стекаетъ въ нее прѣсная вода маленькимъ ручейкомъ. Колонiя стоитъ на красивомъ песчаномъ берегу и притомъ такъ, что предъ избами открывается видъ, въ длину всей губы. Дворовъ здѣсь 4, изъ коихъ двѣ землянки; работниковъ тоже 4. Изъ дворовъ, одинъ принадлежитъ лопарю-норвежцу—Улѣ Ганеку, пришедшему сюда въ 1885 г. впервые и по настоящее время не приписавшемуся, хотя онъ объ этомъ давно ходатайствуетъ. Во время дачи мнѣ свѣдѣнiй, норвежецъ, между прочимъ, объяснилъ, что въ М. Мотку прiѣзжалъ какой то человѣкъ и взялъ отъ него документы и деньги, для покупки гербовыхъ марокъ, причемъ обѣщалъ уладить дѣло о припискѣ „по хорошему". Это было давно,—а его не только не приписали, но и документовъ не возвращаютъ.—Съ весны и до зимы здѣшнiе колонисты занимаются ловомъ исключительно морской рыбы, для чего имѣется одна ела и 30 тюковъ. Судно и рыболовныя снасти принадлежатъ одному Ганеку, а сосѣди его ловятъ вмѣстѣ съ нимъ, на правахъ участниковъ. Большое подспорье въ быту, даетъ колонистамъ скотоводство; въ колонiи содержится 5 коровъ и 15 овецъ; оленей нѣтъ, за отдаленностью ягеля. Слѣдовательно, 8 мѣсяцевъ скотъ прокармливается исключительно сѣномъ, а въ остальное время пускается на выгонъ. Дѣйствительно, покосы здѣсь хорошiе,—но какое количество накашиваетъ ежегодно, каждый дворъ, колонисты опредѣлить не могли; во всякомъ случаѣ, думается, что сѣна не только хватаетъ для собственнаго скота, но и продаютъ его на сторону. Косятъ, конечно, по берегамъ губы и кто сколько хочетъ. Дровяной лѣсъ у колонистовъ замѣняетъ кустарникъ, а строевымъ вовсе не пользуются, по ненахожденiю вблизи лѣсовъ. Кустарникъ, а равно и сѣно, за неимѣнiемъ оленей, возятъ на лошадяхъ, которыхъ нанимаютъ въ Земляной колонiи по 1 руб. въ сутки. Колонисты въ М. Моткѣ всѣ фильмана. За хлѣбомъ ѣздятъ въ Вардэ. Въ отношенiи леченiя больныхъ, колонiя находится въ безпомощномъ

положенiи. Въ одной избѣ я видѣлъ горячечнаго мальчика лѣтъ 10, который бредилъ и метался на койкѣ. Правда, ему давали лекарства телеграфные чины,—но, вѣдь, это произошло случайно. Не будь здѣсь телеграфнаго стана, кто бы протянулъ руку помощи несчастному мальчику? Наконецъ, если станъ собирается въ отъѣздъ,—кто продолжитъ леченiе больного?—Въ климатическомъ отношенiи особенностей не замѣчается, только западные вѣтры очень безпокоятъ М. Мотку. Сюда заявилъ желанiе приписаться

Колонiя Малая Мотка (западная).

кр. онежскаго уѣзда, д. Малошуйки, Степанъ Грибановъ, съ женою, сыномъ и дочерью.

Возвратившись на пароходъ, я сообщилъ г. исправнику, что одного изъ колонистовъ Ганека, взявъ деньги и документы, обманулъ въ припискѣ „какой-то человѣкъ". Г. исправникъ разсказалъ, что надувателя онъ знаетъ хорошо—это нѣкто, бывшiй писарь мурманско-колонистской волости, Поповъ, который у многихъ колонистовъ забралъ марки, деньги и документы, давая обѣщанiе устроить имъ приписку,—но дѣлъ онъ имъ никакихъ не устроилъ и скрылся неизвѣстно куда. „Положимъ, съ утратою денегъ

и марокъ можно помириться, но пропали документы и колонисты не знаютъ, какъ имъ быть и что дѣлать",—заключилъ г. исправникъ.—Затѣмъ, я узналъ, что пароходъ, освободившись отъ шняки, возьметъ еще большій буксиръ, а именно, шняку съ 40 рабочими и два карбаса съ разнымъ грузомъ. Этотъ грузъ надо пробуксировать 3—4 версты и оставить въ маленькой бухтѣ, подъ именемъ Потайной. Зачаливъ вереницу упомянутыхъ судовъ, мы потащились изъ Мало-Мотовской губы. Прошли извѣстное пространство и повернули обратно,—якобы, прозѣвали искомую губу. Присматривались, приглядывались у того и другого берега, а губы нѣтъ, какъ нѣтъ. Снова сдѣлали оборотъ, проѣхали 5—6 верстъ отъ колоніи, а губы, все-таки, не нашли. Тутъ, мы вывели заключеніе, что губа Потайная вполнѣ отвѣчаетъ своему названію. Рѣшено было на этомъ мѣстѣ подтащить поближе буксиръ къ берегу и оставить его тамъ совсѣмъ, предоставивъ розыски спрятавшейся губы телеграфнымъ чиновникамъ, на карбасахъ.

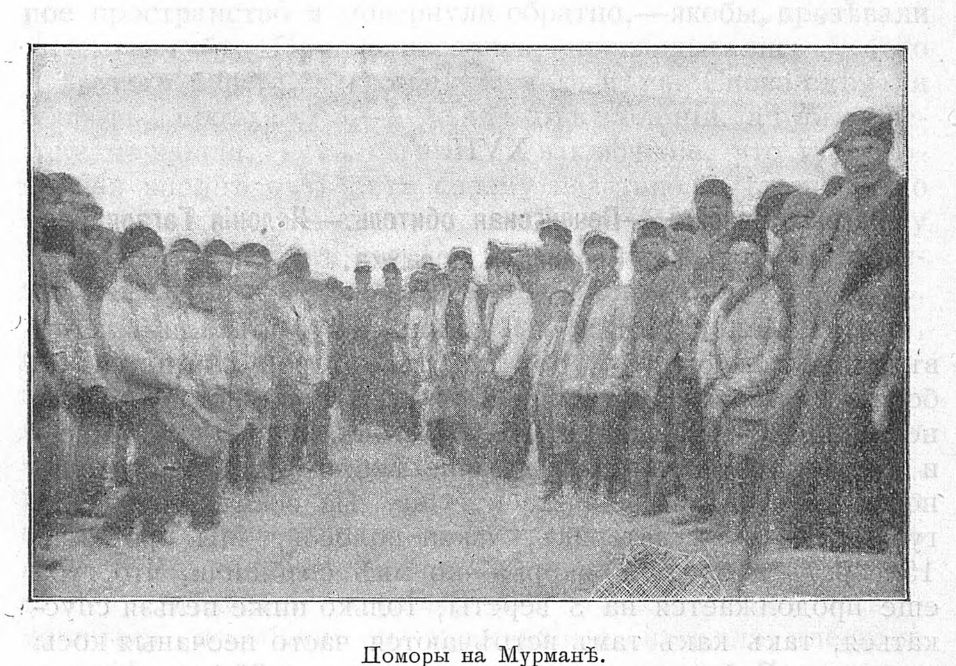
Пока отчаливали суда, отводили ихъ въ сторону и, вообще, пока возились съ буксиромъ, мы наблюдали интересное явленіе. Мимо парохода тучей проходила, по поверхности воды, рыба сайда; надъ нею крутились стаями чайки, неистово кричали и когтями впивались въ жертву, причемъ однѣ чайки улетали съ добычей, а другимъ она была не подъ силу и выпадала изъ когтей обратно въ воду. Тѣмъ временемъ, сайда отлично понимала хищническое преслѣдованіе и укрывалась отъ хищниковъ всевозможными способами: она кувыркалась, прыгала, плескала по водѣ хвостомъ и лѣзла другъ на друга. Положимъ, смотрѣть на борьбу за существованіе, само по себѣ, непріятно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и любопытно. Это такое положеніе: насколько, быть можетъ, непріятно охотнику смотрѣть на убитую птицу, настолько для него насладительно дѣлать по ней выстрѣлы.

XVII.

Колонія Печенга.—Печенгская обитель.—Колонія Гагарка, Боркина и Кряжуха.

Изъ Малой Мотки, мы, попрежнему, поѣхали налегкѣ въ Печенгскую губу, до начала которой считается не болѣе 10 верстъ. Вступивъ въ губу, мы подвигались среди невысокихъ, малоскалистыхъ береговъ, покрытыхъ травою и кустарникомъ, и чѣмъ дальше ѣхали, тѣмъ растительность становилась зеленѣе и гуще. На всемъ протяженіи губа вдается въ материкъ, узкой полосой. Мы проѣхали 15 верстъ и бросили якорь,—но мнѣ сообщили, что губа еще продолжается на 3 версты, только ниже нельзя спускаться, такъ какъ тамъ встрѣчаются часто песчаныя косы и отмели. Здѣсь, мы ночевали и, утромъ 29 іюля, я распростился съ „Мурманомъ". Послѣдній торопился ѣхать изъ Печенгской губы прямо въ Вардэ, за динамитомъ, а мнѣ надо было еще побывать въ печенгскихъ колоніяхъ и затѣмъ, отсюда, отправиться въ населенные пункты Варангерскаго берега. „Мурманъ" остановился рядомъ съ пароходомъ „Преподобный Трифонъ", товарищества Архангельско-Мурманскаго пароходства, который дѣлаетъ рейсы отъ Печенгской губы до Вадсэ, т. е. какъ разъ, мнѣ по пути, для обозрѣнія въ колоній указаннаго берега. На этотъ пароходъ, я и перебрался. „Пр. Трифонъ" отходилъ на другой день и мнѣ представлялась полнѣйшая возможность объѣхать всѣ печенгскія колоніи. Печенгская губа,

какъ и Кольская, пріютила нѣсколько колоній, но счетомъ меньше,—за то, каждая колонія больше, по населенности. Прежде чѣмъ дать свѣдѣнія о каждой колоніи отдѣльно, по времени посѣщенія, я считаю не лишнимъ, по мѣстоположенію, сказать обо всѣхъ сразу. У самаго рейда, на обоихъ берегахъ, стоятъ двѣ колоніи—Трифонова и Оленья горка. Въ концѣ губы, обратясь прямо къ сѣверу, стоитъ колонія Баркина. Въ лѣвомъ углу губы пробивается, въ родѣ рѣки, сліяніе трехъ рѣкъ. Все сліяніе, по руслу, не болѣе

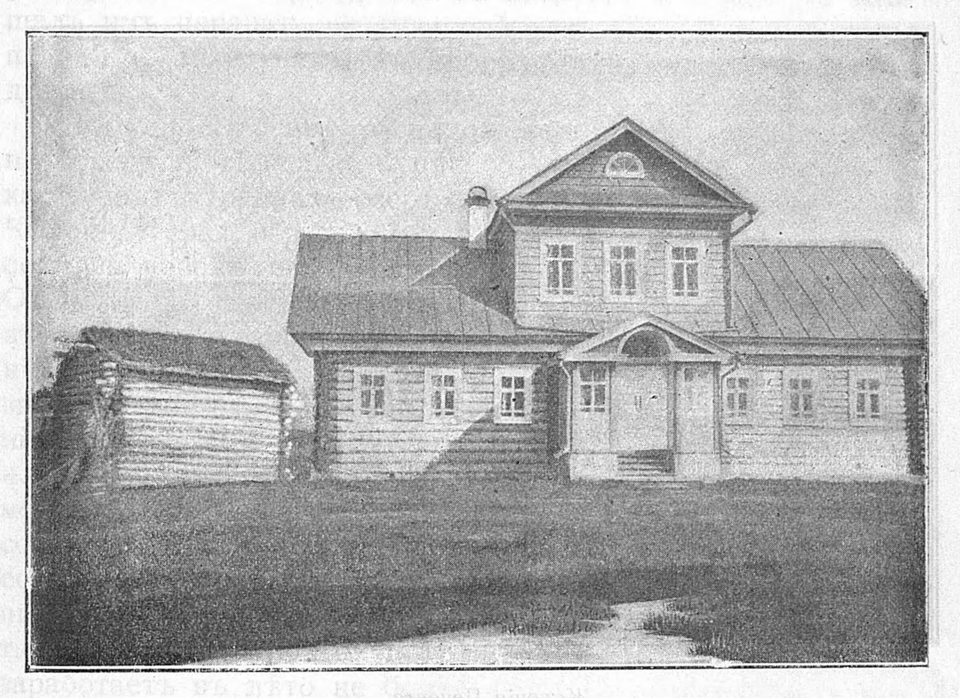

Поморы на Мурманѣ.

одной версты; отступя на $^{3}/_{4}$ версты отъ губы, оно дѣлаетъ колѣно вправо и, при изгибѣ, принимаетъ р. Гагарку, гдѣ и стоитъ колонія Гагарка; не много далѣе вливается р. Княжуха, а рядомъ—другая, большая р. Печенга. При устьѣ первой, расположена колонія Княжуха, а на берегу второй, отъ устья на 1 версту выше—колонія Печенга.

Сѣвъ въ пароходную шлюпку, я сначала поѣхалъ въ колонію Печенгу и думалъ осмотрѣть мѣстный монастырь. Шлюпка привезла меня на берегъ, гдѣ стояла колонія Баркина и отсюда надо было идти въ Печенгу пѣшкомъ. Здѣсь есть монастырская гостинница, въ которой мнѣ

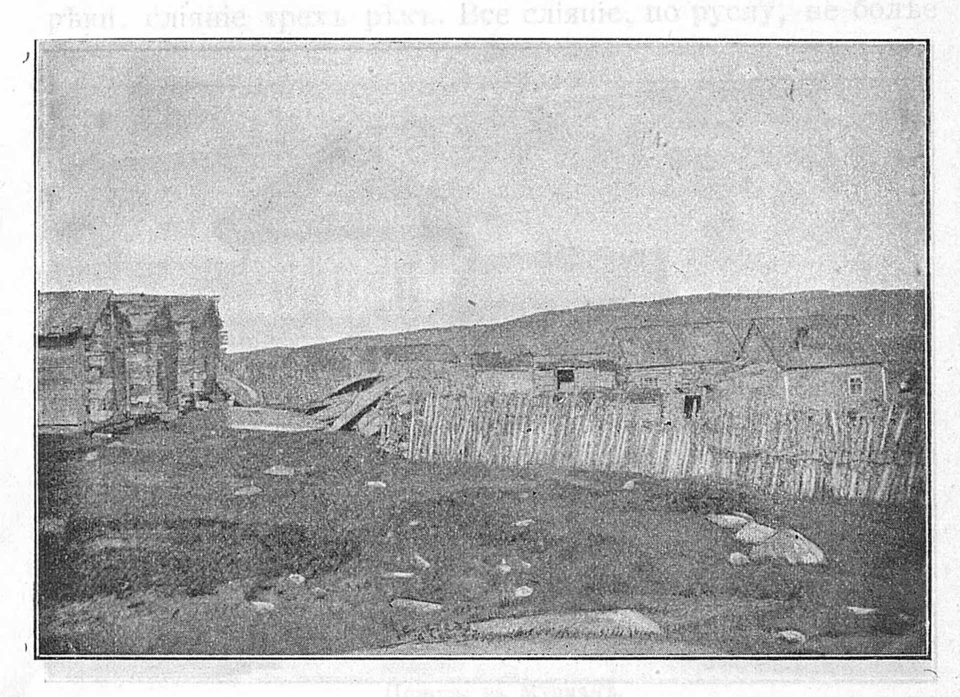
сообщили, что въ Печенгѣ никакого монастыря нѣтъ, а предполагаютъ только строить новый; монастырь же, во имя пр. Трифона, находится въ 18 верстахъ отъ Баркина; туда слѣдуетъ ѣхать чрезъ Печенгу, на лошадяхъ. Къ моему удовольствію, лошади нашлись при гостинницѣ и я поѣхалъ. Дорога сначала шла по болотамъ и торфянникамъ; потомъ, мѣстами, стали попадаться горы; далѣе потянулся березнякъ и, по мѣрѣ удаленія въ глубь материка, берез-

Гостинница въ Печенгскомъ монастырѣ.

някъ становился гуще, толще и выше. Прибывъ въ монастырь, я познакомился съ іеромонахомъ Эмануиломъ, который объяснилъ, что игуменъ монастыря, от. Нафанаилъ, отсутствуетъ—наблюдаетъ за сборомъ морошки на Аинскихъ островахъ. Изъ дальнѣйщихъ разсказовъ от. Эмануила, я узналъ, что Печенгская обитель находится подъ вѣдѣніемъ Соловецкаго монастыря; въ ней проживаетъ 40 человѣкъ братіи, изъ коихъ 1 игуменъ, 4 іеромонаха, 3 іеродіакона и 7 неслужащихъ монаховъ; остальная часть

приходится на послушниковъ. Сѣнокосы здѣсь прекрасные; есть огороды, въ которыхъ растетъ картофель, лукъ и пр. Изъ скота содержится 5 коровъ и 5 лошадей; скотъ, всего скашиваемаго сѣна, не поѣдаетъ, а излишекъ отправляютъ въ Соловки. Не безъ интереса, я выслушалъ отъ монаха сообщенiе о морошкѣ, которую признаютъ здѣсь, какъ испытанное средство противъ цынготныхъ заболѣванiи; поэтому ея заготовляется большое количе-

Колонія Печенга.

ство и братія ѣстъ эту ягоду въ разныхъ видахъ—въ сушеномъ, вареномъ и моченомъ. Затѣмъ, былъ я у церковной службы, смотрѣлъ ризничую; любовался монастырскими покосами, живописной мѣстностью и рѣкою Печенгой, которая быстро несла свои чистыя воды, среди высокихъ песчаныхъ береговъ. Пробывъ въ монастырѣ 3 часа, я поблагодарилъ о. Эмануила и отправился въ обратный путь.

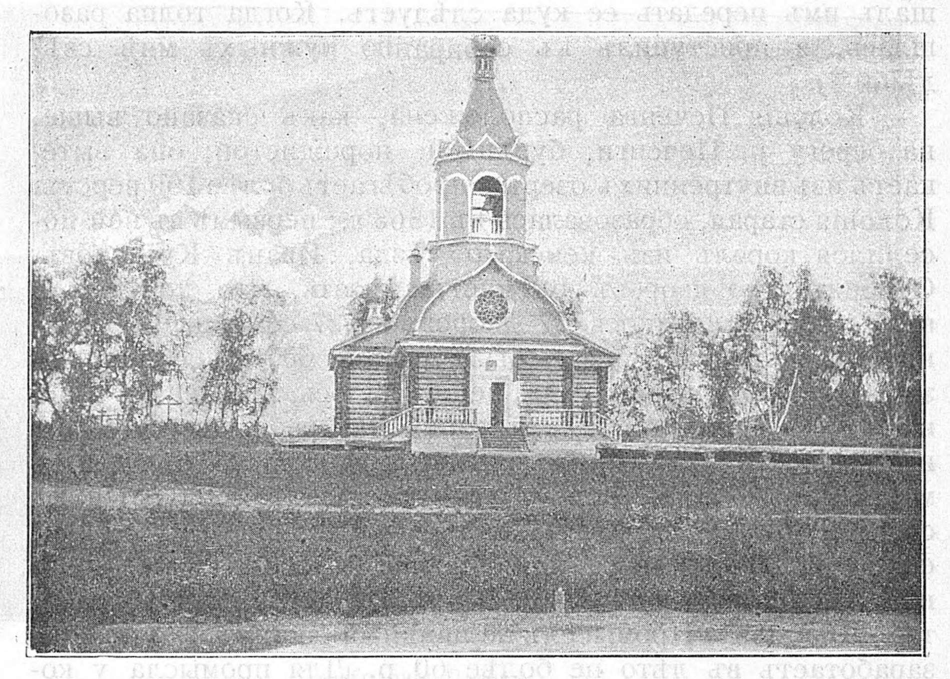
По возвращенiи, прiѣхалъ въ колонiю Печенгу, гдѣ, къ удивленiю моему, нашелъ цѣлую толпу народа. Толпу

составляли исключительно мужчины и женщины печенгскихъ колоній, которые, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, встрѣтили меня съ письменной жалобой и, при этомъ, пояснили, что, послѣ того какъ Соловецкому монастырю разрѣшили построить въ Печенгѣ монастырь, онъ переноситъ изъ нея дворы въ другія колоніи и незаконно обездоливаетъ послѣднія въ отношеніи покосовъ, лѣса и семужьихъ лововъ по р. Печенгѣ. Я отвѣтилъ колонистамъ, что это дѣло разбирать я не вправѣ; что-же касается жалобы, то обѣщалъ имъ передать ее куда слѣдуетъ. Когда толпа разошлась, я приступилъ къ собиранію нужныхъ мнѣ свѣдѣній *).

Колонія Печенга расположена, какъ сказано выше, на берегу р. Печенги, бурливой, порожистой; она вытекаетъ изъ внутреннихъ озеръ и пробѣгаетъ болѣе 100 верстъ. Колонія старая, образовалась въ 1863 г.; первымъ въ ней поселился корелъ изъ кемскаго уѣзда, Иванъ Кузнецовъ. Относительно дворовъ слѣдуетъ сказать, что до 1895 г. въ Печенгѣ считалось 27 дворовъ съ 27 семейными работниками, причемъ 1 дворъ былъ вдовій, безъ работника; съ зимы же упомянутаго года, пересилилось, въ разныя колоніи Печенгской губы, 9 дворовъ съ 8 работниками. Какъ извѣстно, къ этому переселенію склоняетъ колонистовъ монастырь и, коль скоро получитъ отъ кого-либо изъ нихъ согласіе, то перевозитъ въ указанную колонистомъ избу и, если она очень стара, то подновляетъ ее. Лѣтомъ колонисты производятъ тресковый промыселъ, а зимою работаютъ по дому. Промыселъ незавидный—каждый колонистъ заработаетъ въ лѣто не болѣе 60 р. Для промысла у колонистовъ есть 5 елъ и 150 тюковъ снастей. Владѣютъ этими орудіями не всѣ колонисты, а часть ихъ; остальные же—ловятъ изъ доли. Скотоводство въ колоніи небольшое, такъ что на каждый дворъ не приходится даже по одной коровѣ; изъ скота содержится 15 коровъ, 35 овецъ и 40 оленей. Сѣнокосы имѣются по берегамъ упомянутыхъ рѣкъ и сѣно съ нихъ, за отлучкою мужчинъ на промыслахъ, убираютъ женщины. Накашиваютъ сѣна не болѣе 100 пудовъ на корову; поэтому въ кормѣ ощущается маленькій недостатокъ, который возмѣщается мхомъ. За хлѣ-

*) По объясненію А. П. Энгельгардта, жалоба не основательная. *Ред.*

бомъ ѣздятъ въ Вардэ и покупаютъ его по извѣстнымъ уже цѣнамъ. Лѣсомъ пользуются за налогъ въ 32½ к. съ двора и берутъ обыкновенное количество — 7 бревенъ, 15 жердей, 30 кольевъ и 4 саж. дровъ. Колонисты—всѣ корелы изъ кемскаго уѣзда, православные. Въ Печенгѣ есть церковь и постоянный приходъ, гдѣ колонисты поддерживаютъ свои религіозныя чувства. Дѣти Печенги и другихъ колоній ходятъ въ школу, помѣщающуюся въ колоніи Баркиной, въ монастырскомъ домѣ. Грамотѣ учатъ монахи—и не

Новая церковь въ Печенгскомъ монастырѣ.

только не берутъ платы за ученье, но даже предоставляютъ учебныя пособія на средства монастыря. Въ школу принимаются исключительно мальчики, коихъ нынѣ учится 22 чел.

Цынга, среди колонистовъ, явленіе рѣдкое, а когда заболѣваютъ другими болѣзнями, то больше лечатся своими средствами, хотя, зимою, и присылаютъ сюда фельдшера. Да и какъ не лечиться самимъ, если фельдшеръ привозитъ лекарствъ мало и относится къ больнымъ невнимательно; пріѣзжаетъ онъ только на пять мѣсяцевъ и проживаетъ на общественной квартирѣ. Пособіе отъ казны—всѣ полу-

чили. Пьянствуютъ печенгскіе колонисты мало, живутъ порядочно, въ деревянныхъ домахъ, и не терпятъ особенныхъ нуждъ. Климатическія условія колоніи такія: сильные туманы весной и осенью; большіе дожди случаются рѣдко; вредные вѣтры—западный и сѣверный. Зимою температура до 25^0 холода, а лѣтомъ до 15^0 тепла.

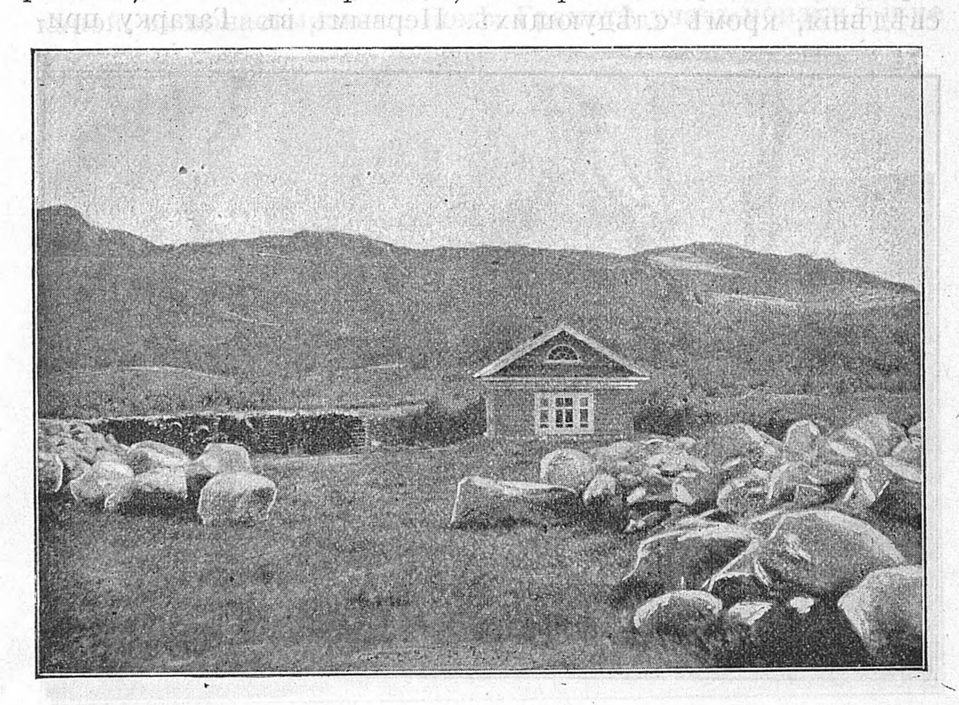
Изъ Печенги я отправился пѣшкомъ, въ колонію Гагарку и, по опросѣ колонистовъ, получилъ одинаковыя же свѣдѣнія, кромѣ слѣдующихъ. Первымъ въ Гагарку при-

Церковь, съ пристроенной часовней, въ Печенгѣ.

шелъ въ 1890 г. корелъ Федоръ Заонегинъ; за нимъ явился другой колонистъ, а въ прошломъ году, сюда пересилились изъ Печенги 5 дворовъ, а именно: Кирилова, Ананьева, Ефремова, Акиндина и Ивана Кожиныхъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время, въ колоніи считается 7 дворовъ и 11 семейныхъ работниковъ. Скота въ колоніи имѣется: 10 коровъ, 40 овецъ и 50 оленей. Помимо скотоводства, средства свои колонисты дополняютъ рыбнымъ промысломъ, имѣя, для этой цѣли, 2 елы и 60 ярусовъ. Церкви въ колоніи нѣтъ, но колонисты принадлежатъ къ печенгскому погосту.

Отсюда я пошелъ въ колонію Баркину, гдѣ почерпнулъ свѣдѣнія съ незначительною разницею, а именно: колонія Баркина очень старое поселеніе,—даже не помнятъ нынѣшніе колонисты, кто въ нее пришелъ первымъ; основалась она не менѣе 40 лѣтъ назадъ. Дворовъ здѣсь было 8, а въ 1895 г. прибавился еще 1; сюда пересилился, изъ Печенги, колонистъ Кузнецовъ, съ 70-ти лѣтнимъ отцомъ—старикомъ, — тѣмъ старикомъ, который основалъ колонію

Домъ священника въ Печенгѣ.

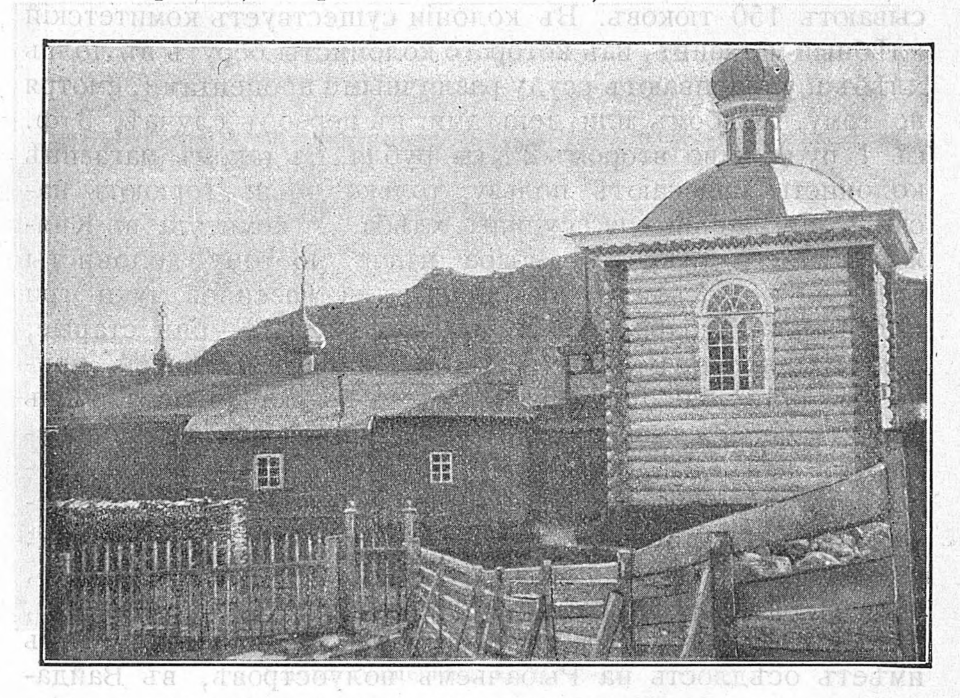
Печенгу. Теперь, въ Баркинѣ, считается 9 дворовъ и 12 работниковъ. Изъ скота, содержатъ: 10 коровъ, 30 овецъ и 100 оленей. Сѣно косятъ по берегамъ рѣкъ и губы; его хватаетъ на всѣхъ коровъ, втеченіе всего года; только овцамъ, кормъ дополняется ягелемъ. Занимаясь рыбнымъ промысломъ, колонисты имѣютъ 3 елы, 90 тюковъ постоянныхъ и 150 запасныхъ.

Изъ Баркина отправился въ четвертую печенгскую колонію Княжуху, тоже пѣшкомъ. По свѣдѣніямъ, оказалась разница въ годахъ основанія, въ числѣ населенія, скота и рыболовныхъ орудій, а также по хлѣбному вопросу. Кня-

жуха основалась въ 1860 г.; основателемъ ея называютъ корела изъ кемскаго уѣзда, Еремѣя Васильева. Ранѣе, въ колоніи было 14 дворовъ, а въ прошлую зиму пересилилось изъ Печенги 3 двора, изъ коихъ одинъ женскій и, въ настоящее время, составилось 17 дворовъ и 26 работниковъ. Переселившіеся колонисты слѣдующіе: Семенъ Костинъ, Михаилъ Ананьинъ и вдова Пелагея Ананьина. Скота въ колоніи содержится: 18 коровъ, 50 овецъ и 80 оленей. На тресковый промыселъ выѣзжаютъ въ 5 елахъ и забрасываютъ 150 тюковъ. Въ колоніи существуетъ комитетскій хлѣбный магазинъ, изъ котораго колонисты берутъ въ долгъ хлѣбъ и уплачиваютъ ссуду различными процентами, смотря по тому, хлѣбомъ или деньгами: въ первомъ случаѣ, 3 ф. съ 1 пуда и во второмъ 2% съ рубля. Въ такомъ магазинѣ колонисты признаютъ пользу, только очень горюютъ насчетъ помѣщеній для ссуднаго хлѣба. У комитета въ Княжухѣ своего хлѣбнаго амбара нѣтъ; поэтому колонисты арендуютъ у своихъ товарищей для казенной муки три маленькихъ амбара и я лично ихъ видѣлъ—они старые, покрыты дерномъ. Есть четвертый амбаръ, большой, принадлежащій обществу, но онъ течетъ и мука въ немъ очень портится. Ни комитетъ, ни общество амбара не исправляютъ, будто-бы, никому до этого, и дѣла, нѣтъ; колонисты заявляли, объ исправленіи амбара, помощнику печенгскаго старшины Діанову, а онъ сослался на старшину; послѣдній-же, изъ норвежцевъ, по фамиліи Пильфельдъ, первый крезъ на Мурманѣ (второй—норвежецъ Кнюценъ), относится къ нуждамъ русскаго населенія апатично; онъ имѣетъ осѣдлость на Рыбачьемъ полуостровѣ, въ Вайдагубѣ, куда, на лѣто, и переводитъ волостное правленіе, чтобы къ нему оно было поближе; впрочемъ, Пильфельдъ больше смотритъ въ сторону родины и постоянно пребываетъ въ Норвегіи; словомъ, печенгскаго старшину очень трудно поймать на русской территоріи, хотя на ней онъ ведетъ прекрасные рыбные промыслы и имѣетъ въ Вайдагубѣ образцовое хозяйство; но объ этомъ будетъ сказано ниже. Такъ или иначе, а все-таки, колонисты Княжухи, да, вѣроятно, и другихъ колоній, беря изъ магазина въ ссуду муку, получаютъ ее затхлою и подмоченною.

Я вернулся снова въ колонію Баркину, чтобы отсюда, губою, попасть на пароходъ. Былъ уже поздній вечеръ;

происходилъ отливъ. Мнѣ подали маленькій карбасъ съ однимъ гребцомъ, такъ-какъ, во время пути, губа обмелѣетъ больше и можно очутиться на мели. Все-таки, расчетъ оказался не вѣрнымъ. На полдорогѣ, посреди губы, карбасъ застрялъ, всосался въ вязкую песчаную мель и не могъ двинуться съ мѣста. Мы стали принимать всевозможныя мѣры—отпихивались веслами во всѣ стороны, раскачивали „посудину", становились оба въ корму, чтобы поднять носъ, и все напрасно,—карбасъ не двигался, ни взадъ, ни впередъ.

Часовня и церковь въ Старо-Печенгскомъ монастырѣ.

Прибылой воды надо было ждать 6 часовъ, и къ тому-же, надвигалась ночь; становилось холодно, начинался легонькій вѣтерокъ; представлялась крайне печальная перспектива—сидѣть, всю ночь, открыто на водѣ. Гребецъ даже пробовалъ добраться до берега въ-бродъ,—но прошелъ немного и вернулся обратно, такъ какъ, хотя воды было на $^1/_2$ фута, но песокъ, за отсутствіемъ солнца, отражался темнымъ въ водѣ, и это маскировало ямы, куда легко можно было бы угодить. Оставалось дѣлать одно — сидѣть или спать въ карбасѣ и, чрезъ 6 часовъ, подняться на прибылой

водѣ. Мы уже покорились этой участи, какъ вдругъ, на наше счастье, съ берега стали приближаться къ намъ 4 человѣка, таща за собой утлый карбасъ. Оказалось, что колонисты увидали насъ на мели и пришли на помощь. Надо отдать полную справедливость силѣ и выносливости этихъ людей; они, снявъ (бахилы) тяжелые сапоги и часть платья, почти на рукахъ понесли карбасъ, со мною и гребцомъ, и безостановочно доставили до глубины губы. Я душевно поблагодарилъ этихъ симпатичныхъ моряковъ и поплылъ свободно на карбасѣ къ пароходу; стало уже разсвѣтать— и я видѣлъ, какъ мои спасители, возвращаясь къ своему карбасу, тяжело ступали по водѣ, имѣя впереди, такаго пути, не менѣе версты.

XVIII.

Трифоново.— Оленья Горка.— Малонѣмецкое.— Столбовая.— Фильманская.—Ворьема.

Возвратясь на пароходъ, я ночевалъ, а утромъ увидалъ, что „Пр. Трифонъ“ одинаковой конструкціи съ другими пароходами товарищества, но хуже по отдѣлкѣ и меньше по размѣрамъ; да, въ послѣднемъ случаѣ, онъ самый подходящій для варангерской линіи, такъ какъ здѣсь приходится брать, сравнительно, немного пассажировъ и плавать среди островов ъ, по мелководнымъ проливамъ.

Былъ, по близости, въ колоніяхъ Труфановой и Оленьей Горкѣ, которыя расположены при рѣчкахъ съ тѣми-же названіями, на противоположныхъ берегахъ. Обѣ колоніи образовались въ одномъ и томъ-же году—1880, причемъ основателемъ первой, былъ корелъ Андрей Карповъ, а второй—Андрей Кондратьевъ. Эти колоніи имѣютъ по одинаковому числу судовъ и рыболовныхъ снарядовъ, а именно: по 1 елѣ и по 30 тюковъ. За исключеніемъ населенія и скотоводства, Труфанова и Оленья Горка сходны, по свѣдѣніямъ, съ другими печенгскими колоніями.

Въ Труфанову никакихъ переселеній изъ Печенги не было; въ ней, какъ числилось 7 дворовъ и 10 работниковъ, такъ и числится по настоящее время. Изъ скота, колонисты имѣютъ 5 коровъ, 20 овецъ и 15 оленей.

Въ Оленью Горку также переселеній изъ Печенги не было—6 дворовъ и 6 работниковъ; скота—7 коровъ, 20 овецъ и 30 оленей.

Не лишнее сказать, что суда и снасти, въ обѣихъ колоніяхъ, находятся въ общемъ владѣніи колонистовъ; поэтому, за недостаточностью ихъ, колонисты занимаются ловами по очереди.

Въ полдень, 30 іюля, я вернулся на пароходъ „Пр. Трифонъ", который, вскорѣ, и снялся съ якоря. Прошли

Пароходъ „Преподобный Трифонъ".

Печенгскую губу, повернули налѣво и стали держать курсъ въ виду Варангерскаго берега. Сейчасъ же, послѣ поворота, подошли къ маленькой губѣ Малонѣмецкой, гдѣ стоитъ, съ таковымъ же названіемъ, промысловое становище. Въ послѣднемъ, мы остановки не дѣлали, такъ какъ оно маленькое, да, къ тому-же, и свѣдѣнія о немъ я уже получилъ на пароходѣ отъ одного купца, который хорошо знаетъ это становище, какъ покупатель трески у малонѣмецкихъ промышленниковъ. Въ становищѣ занимаются промысломъ лопари, пришедшіе изъ печенгскаго погоста.

Лопари составляютъ артель въ 20 промышленниковъ и ловятъ изъ-за равной части; судовъ здѣсь насчитывается: 7 елъ, а снастей—200 тюковъ. Суда, рыболовныя снасти, съѣстные припасы—все общее. Ночлеги и отдыхи бываютъ въ 4-хъ земляныхъ станахъ, среди которыхъ возвышается православная часовня. Хлѣбъ и другіе продукты привозятъ скупщики рыбы; прѣсную воду берутъ изъ горнаго источника.

Отъ становища Малонѣмецкаго, пошли въ колонію, со становищемъ, Столбовую и, проѣхавъ 27 верстъ, бросили якорь.

Когда я высадился изъ шлюпки, въ указанной колоніи, то узналъ, что, кромѣ ея, въ полутораверстномъ разстояніи другъ отъ друга, есть двѣ колоніи со становищами—Фильманское и Ворьема.

Поэтому, пользуясь тихой погодой, я объѣхалъ это гнѣздо колоній на лодкѣ.

Колонія Столбовая стоитъ въ маленькой губѣ, вдающейся въ материкъ, среди скалистыхъ береговъ, лишь на ½ версты и принимающей, въ глубинѣ, небольшую рѣчку съ прѣсной водой. Колонія образовалась 12 лѣтъ назадъ; но кто пришелъ сюда первымъ, колонисты сказать не могли. Дворовъ здѣсь 3 и, при каждомъ, по одному семейному работнику. Все время, кромѣ зимы, колонисты занимаются, конечно, рыбнымъ промысломъ; поэтому, они имѣютъ 4 елы и 100 тюковъ снастей. Самимъ колонистамъ, управиться съ четырьмя судами, разумѣется, нѣтъ возможности, отчего они нанимаютъ 5 работниковъ, за жалованье по 60—70 р. въ годъ. Скотоводство ведутъ небольшое,—содержатъ 9 коровъ и 10 овецъ, а оленей, за далекимъ нахожденіемъ ягеля, вовсе не имѣется. Сѣно косятъ сами колонисты, по берегамъ губъ, и въ такомъ количествѣ, что его хватаетъ кругомъ годъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, когда бываютъ скудныя травы или попортитъ, во время сушки, дождь. Лѣсомъ пользуются, въ извѣстномъ количествѣ, за лѣсной налогъ; хлѣбъ покупаютъ въ Вардэ по 6 р. 50 к.—7 р. за куль. Колонисты въ Столбовой всѣ финляндцы изъ Улеаборга, по русски не говорятъ и къ знанію нашего языка не обнаруживаютъ никакого желанія. Есть лютеранская часовня, куда, временно, пріѣзжаетъ для служенія пасторъ. Пособія отъ

казны получить не могли, потому что не приписаны въ колонію крестьянскимъ присутствіемъ по настоящее время, а проживаютъ просто по паспортамъ, выданнымъ отъ г. губернатора. Климатическія условія, сравнительно, несуровыя—зимою -25^0, лѣтомъ $+15^0$; туманы бываютъ густые и частые; вреднымъ вѣтромъ признается сѣверный. Губа Столбовая, какъ и всѣ сосѣднія губы, не замерзаетъ.

Въ Столбовомъ становищѣ 6 досчаныхъ становъ, въ коихъ проживаютъ 3 промышленника, 57 покручниковъ и

Домъ общежитія въ Печенгскомъ монастырѣ.

5 зуевъ. Ловятъ они на 12 шнякахъ и 3 елахъ, забрасывая въ океанѣ 440 тюковъ. Въ становищѣ—ни факторей, ни салогрѣенъ нѣтъ. Въ губѣ стоятъ 2 судна, которыя грузятся рыбой и, по нагрузкѣ, отправятся въ Архангельскъ. Здѣсь, мнѣ заявляли промышленники, что крайне желательно имѣть на этомъ берегу временный больничный пунктъ, такъ какъ сюда, часто заглядываетъ цынга; лекарствъ не имѣется, ухода за больными никакого нѣтъ— и цынга дѣйствуетъ во всю ширь.

Отправился въ колонію Фильманскую. Въ этой колоніи поселился съ 1870 г. норвежецъ Оскаръ Кнюценъ и

царитъ здѣсь точно также, какъ на Кильдинѣ норвежецъ Эриксонъ, съ тою лишь разницею, что первый занимается рыбными промыслами, а второй, исключительно скотоводствомъ. Оскаръ Кнюценъ занимается рыбными промыслами,—такъ о немъ говорятъ на Мурманѣ; но онъ самъ промысловъ не производитъ, а ловятъ рыбу его наемные русскіе работники; поэтому, про него слѣдуетъ говорить, что Кнюценъ занимается рыбопромышленностью. Посмотримъ, сначала, на него, какъ на рыбопромышленника. Если мы припомнимъ становища Портъ-Владиміръ и Зеленцы, то окажется, что у Кнюцена работаютъ на судахъ люди въ трехъ становищахъ. Онъ, также, какъ наши сумскіе, колежемскіе и другіе рыбопромышленники, вербуетъ покручниковъ ранѣе, за годъ впередъ; тоже имѣетъ мореходныя суда, грузитъ ихъ соленой рыбой и отправляетъ ее на архангельскіе и прочіе рынки. Такъ, въ Фильманскомъ промышляетъ у него 12 шнякъ, 2 елы и 4 карбаса; при судахъ 62 покручника, 8 зуевъ и 500 тюковъ. Работники проживаютъ въ 2 досчаныхъ станахъ. У Кнюцена—одна факторія и одна салогрѣйня; грузится два мореходныхъ судна. Кромѣ того, у него есть пароходъ, посредствомъ котораго ловится наживка и продается русскимъ промышленникамъ. Затѣмъ, посмотримъ на Кнюцена, какъ на колониста; физическаго труда онъ никакого не несетъ; равно не несетъ этого труда и семейный работникъ, сынъ его. Первый играетъ роль владѣльца промысла, а второй исполняетъ обязанности приказчика. Женскій полъ, въ семействѣ Кнюцена, сѣна не убираетъ, за скотомъ не ходитъ, тюковъ не отвиваетъ, а разъѣзжаетъ, какъ я видѣлъ самъ, на пароходѣ, въ первомъ классѣ, изъ Фильманскаго въ Норвегію и обратно, разодѣтыя въ нарядные костюмы и модныя шляпки. Дворъ Кнюцена представляетъ собою отличный домъ, со всевозможными приспособленіями, удобствами и прекрасной обстановкой. Изъ скота, у него, только двѣ коровы, предназначенныя исключительно для своей семьи. По русски, конечно, никто не говоритъ,—да, судя по тому, что всѣ дѣти Кнюцена обучаются въ Норвегіи, русскій языкъ, и въ будущемъ, останется чуждымъ норвежской семьѣ. Пособія отъ казны Кнюценъ не получалъ, да и не имѣетъ въ немъ ни малѣйшей нужды. Какой-же, послѣ всего этого, онъ русскій колонистъ мурманскаго

8

берега? Разумѣется, приписка въ колонисты, для него, была важна въ томъ отношенiи, чтобы свободно вести промышленныя дѣла въ русскихъ владѣнiяхъ, а отнюдь не преслѣдовать здѣсь осѣдлую жизнь, какъ это дѣлаютъ прочiе переселенцы. Вотъ, онъ и ведетъ эти дѣла, ведетъ на славу, богатѣетъ. Кнюценъ ловитъ русскую рыбу, русскими же силами, и сбываетъ ее, также на русскихъ рынкахъ; словомъ, матерiально онъ крѣпко связанъ съ нашимъ

Сѣнокосъ въ Печенгскомъ монастырѣ.

отечествомъ, а нравственно—весь преданъ интересамъ Норвегiи. Такимъ образомъ, норвежецъ Оскаръ Кнюценъ—въ Россiи фактористъ, крупный рыбопромышленникъ и колонистъ на бумагѣ, а остальное—все въ Норвегiи.

Изъ Фильманскаго перешелъ въ колонiю, со становищемъ, Ворьему. Эта колонiя считается послѣдней на западномъ мурманскомъ берегу; впрочемъ, ниже, мною будутъ помѣщены колонiи Рыбачьяго полуострова, которыя, вслѣдствiе спѣшности парохода „Мурманъ", мною пропущены и оставлены до обратнаго пути. Колонiя Ворьема расположена въ небольшой губѣ того же имени, врѣзываю-

щейся въ материкъ, всего на версту. Въ губу вливается р. Ворьема, извѣстная тѣмъ, что она опредѣляетъ отъ Варангерскаго залива, въ глубь суши, русско-норвежскую границу. Рѣка Ворьема, какъ говорили колонисты, имѣетъ 15 саж. въ ширину и тянется больше 50 верстъ въ длину. При устьѣ ея, верстъ на 8, берега отлогіе, песчаные, покрытые хорошими густыми травами, а затѣмъ, начинаются скалы, банки, разныя отмели, такъ что въ убылую воду трудно проѣхать даже маленькому карбасу. Въ рѣкѣ водится семга, которой ежегодно попадается въ сѣти до 100 пудовъ; семужьимъ промысломъ занимаются русскіе лопари и норвежцы, чередуясь, правомъ лова, посуточно. Въ колонію пришелъ первымъ, 30 лѣтъ назадъ, русскій крестьянинъ Андрей Каннуевъ, а затѣмъ, переселился его родной братъ и, теперь, въ колоніи считается 2 деревянныхъ двора и столько же работниковъ. Покосы здѣсь хорошіе, —но скотоводство не развиваютъ; содержатъ только 2 коровъ, такъ какъ считаютъ выгоднѣе заниматься рыбнымъ промысломъ, который колонисты производятъ весной и лѣтомъ. Для промысла имѣется 3 елы и 75 тюковъ снастей. Хлѣбъ покупаютъ въ Вардэ; лѣсомъ пользуются, въ извѣстномъ количествѣ, по налогу. Оба брата грамотные, православные; въ колоніи есть православная часовня, которая построена для приходящихъ промышленниковъ. Безъ пособія отъ казны, ни одинъ не остался. Климатическія условія одинаковы съ тѣми, какія въ сосѣднихъ колоніяхъ. Въ Ворьемскомъ становищѣ 5 досчаныхъ становъ, въ которыхъ проживаютъ 4 хозяина промышленника, 57 покручниковъ и 6 зуевъ. Промышляютъ здѣсь на 12 шнякахъ и 3 елахъ; изъ снастей-же, въ распоряженіи рыбаковъ имѣется 435 тюковъ. Рыбу солятъ въ 3 судахъ, предназначенныхъ для архангельскихъ рынковъ.

XIX.

Церковь Св. Бориса и Глѣба.

Покинувъ эту мѣстность, я пріѣхалъ на пароходъ и мы пустились въ дальнѣйшій путь. Отъ колоніи Ворьемы потянулся норвежскій берегъ; затѣмъ, мы повернули въ губу Пазу, тоже принадлежащую норвежцамъ. Въ концѣ

губы, утромъ, 31 іюля, пароходъ сталъ на рейдъ. Отсюда можно было попасть къ самой древнѣйшей на сѣверѣ православной церкви, сооруженной во имя св. Бориса и Глѣба. Я сѣлъ въ шлюпку и поѣхалъ. Мы тотчасъ вступили въ р. Пазрѣку, вливающуюся въ губу Пазу. Проплывъ рѣку, я усмотрѣлъ, что она представляетъ собою два плеса, соединяющіеся узкими проливчиками. Послѣдніе слишкомъ порожисты и, въ убылую воду, до того мелки, что не даютъ проѣзда даже маленькимъ судамъ. Пазрѣкою владѣютъ норвежцы до половины втораго плеса, а тамъ, на берегу, поставленъ сложенный изъ камней столбъ, обозначающій границы Россіи съ Норвегіей. Здѣсь, въ предѣлахъ норвежскихъ владѣній, на высокихъ скалистыхъ берегахъ, попадались красивые домики—это дачи, изъ которыхъ на пароходъ, впослѣдствіи, сѣло много норвежцевъ, ѣхавшихъ въ Вадсэ. За пограничнымъ столбомъ, на правомъ берегу, возвышаются старая и новая церкви, которыя какъ бы прячутся въ густомъ березнякѣ; за церквами же, въ низинѣ, скрывается лопарскій пазрѣцкій погостъ—и русскимъ владѣніямъ конецъ. Немного выше церковнаго берега, шумитъ падунъ, за которымъ начинаются снова норвежскія владѣнія. Такимъ образомъ, русскіе храмы и погосты стоятъ на концѣ узкой полоски, глубоко врѣзывающейся въ норвежскія владѣнія. По поводу такихъ странныхъ границъ, держится, въ нашемъ сѣверномъ народѣ, довольно любопытный разсказъ, который, хотя и кажется анекдотическимъ, но, тѣмъ не менѣе, мнѣ его передавали за фактъ. Когда то, губа Паза и р. Пазрѣка составляли русско-норвежскую границу; но въ 1826 г. захотѣли опредѣлить ее точнѣе, яснѣе и справедливѣе. Норвежцы, желая завладѣть промысловымъ берегомъ, отъ Пазы до р. Ворьемы, посулили главному русскому чиновнику мѣшечекъ червонцевъ, если онъ устроитъ имъ это дѣло. Чиновникъ соблазнился предлагаемой данью и сдѣлалъ такъ, какъ угодно было норвежцамъ, причемъ, чтобы православная церковь не очутилась на норвежской территоріи, выдѣлилъ для нея указанную полоску. Такой гнусный поступокъ былъ, однако, наказанъ смертью. Подъ верхнимъ слоемъ золота... оказались обыкновенныя мѣдныя монеты. Предатель пришелъ въ бѣшенство и, тутъ-же, повѣсился. Послѣ, я отъ многихъ слышалъ этотъ разсказъ

и каждый разсказчикъ, въ концѣ, непремѣнно добавлялъ: „туда ему, и дорога, Іудѣ“.

Относительно пресловутой полоски, ясно доказывающей прежнія русскія владѣнія, я говорилъ съ норвежцами, которые о ней объяснили иначе: будто-бы, Россіи сдѣлано благодѣяніе, въ томъ смыслѣ, что къ церкви данъ приходъ; отдана эта полоска,—хотя она, въ сущности, должна принадлежать Норвегіи. Теперь является вопросъ: неужели древній русскій храмъ, обязанный своимъ основаніемъ эпохѣ Іоанна Грознаго, былъ построенъ на норвежской землѣ?

Я познакомился со священникомъ церкви св. Бориса и Глѣба, отцомъ Константиномъ, который объяснилъ мнѣ, что въ этой мѣстности бываютъ, больше, нѣмцы, французы и англичане, а соотечественники заглядываютъ сюда мало; поэтому, онъ крайне обрадовался, когда увидѣлъ меня, какъ русскаго православнаго человѣка, и съ особеннымъ удовольствіемъ подалъ мнѣ книгу, гдѣ расписывались посѣтители пазрѣцкаго погоста, въ числѣ которыхъ, и я, поставилъ свою фамилію. Благодаря любезности отца Константина, я побывалъ въ обѣихъ церквахъ. Древняя церковь представляетъ собою развалившуюся деревенскую избу. Половина избы отводилась для молящихся, а въ другой помѣщался иконостасъ и алтарь. Въ алтарѣ вся церковная утварь ветхая и относится къ отдаленнымъ временамъ; видѣлъ, напр., деревянный подсвѣчникъ для свѣчи, съ которою ходитъ діаконъ при служеніи; смотрѣлъ священническое облаченіе, на которомъ изображены одноглавые и двуглавые орлы—изображенія, какъ объяснилъ батюшка, обозначаютъ переходное состояніе, въ эпоху царя Грознаго; это облаченіе, по словамъ того-же о. Константина, будто бы подарено въ храмъ Грознымъ. Надъ Райскими дверьми и по бокамъ висятъ желѣзные подсвѣчники. Въ иконостасѣ, между прочимъ, обращаютъ на себя по древности, вниманіе: образъ Іоанна Богослова, съ подписью „Иванъ Богословъ“ и, по оригинальности живописи, образъ Богородицы, на которомъ Богоматерь изображена прядущею нитки. У церкви лежитъ большой желѣзный полуобручъ, на подобіе колесной шины,—это било, замѣнявшее колоколъ. Новая церковь построена по желанію Е. И. В. Великаго Князя Алексѣя Александровича, выраженному имъ, когда онъ былъ въ 1870 г. въ пазрѣцкомъ погостѣ.

Прощаясь съ батюшкой, я освѣдомился о разстояніи, отъ колоніи Ворьемы до погоста, и получилъ отвѣтъ, что разстояніе это опредѣляется въ 55 верстъ.

XX.

Норвежскіе города Вадсэ и Вардэ.

Изъ губы Пазы, мы поѣхали въ Вадсэ, а отсюда, на норвежскомъ пароходѣ, я отправился въ Вардэ. Въ этихъ городахъ, я побывалъ съ тою цѣлью, чтобы хотя нѣсколько ознакомиться съ мѣстными рыбными промыслами и затѣмъ, при описаніи, ниже, нашихъ промысловъ на Мурманѣ, сдѣлать, между тѣми и другими, возможное сравненіе. Въ норвежскихъ городахъ я пробылъ цѣлыя сутки и вынесъ о нихъ одинаковое впечатлѣніе; оба города имѣютъ одну и ту-же физіономію, поэтому говорить о нихъ буду вмѣстѣ. Города расположены на скалистыхъ берегахъ; мостовыя гладкія, сплошь каменныя, — да, впрочемъ, камня здѣсь масса; дома-же исключительно деревянные, всевозможныхъ уродливыхъ формъ и, большею частью, покрыты дерномъ, который поросъ высокою травою и, этимъ, придаетъ домамъ такой видъ, будто они стоятъ подъ зелеными холмами. Закусочныя, разные кафе и магазины крайне маленькіе, обставлены бѣдно, убого. Чтобы позавтракать, надо идти въ закусочную и садиться за общій столъ, на которомъ поставлена разная немудреная снѣдь. Отвѣдавъ снѣди, далеко недоброкачественной и даже тухлой, и выпивъ стаканъ дешеваго кофе, слѣдуетъ уплатить 75 коп. Въ кофейной подадутъ чашку кофе, тоненькіе ломтики бѣлаго хлѣба, немного сливокъ и кусочки сахара такой величины, какъ будто слѣдуетъ употреблять его въ прикуску. Выпивъ двѣ чашки, приходится уплачивать 25 коп. Магазиновъ, торгующихъ спеціально извѣстными товарами, нѣтъ, а въ одной и той-же лавкѣ, вѣрнѣе лавченкѣ, вмѣстѣ съ сапогами, висятъ желѣзныя издѣлія, съ мѣхами — деревянная посуда и т. п. Я купилъ нѣсколько фотографированныхъ видовъ г. Вадсэ въ той лавкѣ, гдѣ на выставкѣ висѣли окорокъ и задняя часть мясной туши. По части городской

чистоты и, вообще, санитарныхъ условій, надо ужасаться. Вонь и смрадъ заявляютъ о себѣ еще тогда, когда вы приближаетесь къ городу, въ особенности къ Вардэ, который, отъ китобойныхъ заводовъ, буквально пропитанъ запахомъ вонючаго жира. Когда же ступите на берегъ, то вонь ударяетъ васъ, какъ палкой, по носу,—ударяетъ до тошноты, до одурѣнія. Да и не мудрено, если, при раздѣлкѣ трески, головы и внутренности бросаются, тутъ-же, на берегу въ воду; отбросы отъ перегонки трескового жира—сваливаются не дальше. Въ убылую воду, всѣ эти нечистоты остаются на сушѣ и, вмѣстѣ съ морской тиной, прѣютъ на солнцѣ, разлагаются и распространяютъ убійственный, заразительный запахъ. Да чего лучше? Я подъѣхалъ на шлюпкѣ къ берегу, а рядомъ, поморы раздѣлывали треску и внутренности преспокойно бросали, здѣсь же, въ воду, едва не угодивъ мнѣ въ лодку. Если только въ этихъ городахъ нѣтъ эпидемическихъ заболѣваній, то норвежцы должны, сугубо, благодарить Бога. Впрочемъ, не слѣдуетъ-ли отнести, къ мѣрамъ противъ эпидеміи, то, что поморы постоянно жуютъ красноватый табакъ, который выплевываютъ со слюною, похожею цвѣтомъ на испорченную кровь. Ялечники безстыдны—опуститъ норвежецъ, во время доставки на берегъ, 5—10 разъ весла въ воду, и подай 10 коп.; а если дашь меньше, то прямо заявляетъ, что „маль". Въ уплату, почти вездѣ, требуются норвежскія деньги, въ серебряныхъ и бумажныхъ знакахъ (ора=$^1/_2$ к., крона = 50 к.) За размѣнъ нашихъ кредитныхъ билетовъ, взимаютъ въ русскомъ консульствѣ 5 к. съ рубля, т. е., вмѣсто русскаго рубля, даютъ 1 крону и 90 ордъ, равняющіяся, на наши деньги, 95 коп. Народъ мнѣ показался угрюмымъ, несловоохотливымъ; смотритъ на русскихъ, какъ-то, подозрительно. Можетъ быть, въ этомъ опредѣленіи, за краткимъ пребываніемъ, я ошибся, но во, всякомъ случаѣ, послѣднее, въ норвежцахъ рѣзко выдѣляется.

Во время всего пути, отъ Печенги до норвежскихъ городовъ, погода стояла хорошая, тихая,—такая же погода стояла и на обратномъ пути; но только до губы Пазы, а когда вышли изъ нея, то попали на крѣпкій юго-восточный вѣтеръ, дувшій при безоблачномъ небѣ. Началась изрядная качка; руль скрипѣлъ, канаты дребезжали; все, со столовъ и стѣнъ, летѣло. Мы, то поднимались, то опускались

съ водяныхъ горъ, грозно ходившихъ, съ бѣлыми гребнями, по Варангерскому заливу. Самая незначительная часть пассажировъ бодрствовала, а остальные лежали отъ качки, страдая морской болѣзнью. Насъ трепало 5 часовъ, вплоть до Печенгской губы, а когда вошли въ нее, вѣтеръ стихъ, качка уменьшилась. Пароходъ бросилъ якорь у колоніи Трифоновой, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я перешелъ съ парохода „Мурманъ" на пароходъ „Пр. Трифонъ". Сзади насъ, по Печенгской губѣ, шелъ и рядомъ бросилъ якорь грузовой пароходъ Мурманскаго товарищества „Кандалакша", именуемый, по типу, баржей. Послѣдняя привезла въ печенгскую колонію телеграфную избу. Этотъ пароходъ имѣетъ очень близко трубу къ кормѣ, съ тою цѣлью, чтобы больше и удобнѣе помѣщался грузъ. Отъ пароходнаго экипажа я узналъ, что кромѣ избы, привезенной въ Печенгу, „Кандалакша" доставила таковыя же избы въ Гаврилово и Териберку и, въ будущемъ, должна доставить ихъ въ Вайда-губу и Малую Мотку. Возилъ телеграфные столбы, какъ мнѣ говорилъ капитанъ „Пр. Трифона", также, — и этотъ пароходъ. Очевидно, что эту работу справляютъ, главнымъ образомъ, пароходы Мурманскаго товарищества.

XXI.

Червленная.—Вайда.—Губа Зубовская.—Ципъ-Наволокъ.

Съ „пр. Трифона" я пересѣлъ на пароходъ „Императоръ Николай II", пришедшій изъ Вардэ и державшій отсюда рейсъ на г. Колу. Съ этого парохода, мнѣ надо было сойти въ четыре колоніи, расположенныя по берегамъ Рыбачьяго полуострова. „Николай II" отправился изъ Печенгской губы утромъ, 2-го августа. Ночь на это число была такая холодная, что все, находившееся подъ открытымъ небомъ, бѣлѣло кругомъ. Первый рейдъ пароходъ сдѣлалъ въ колоніи Земляной, уже знакомой, по описанію выше, куда я ходилъ пѣшкомъ, изъ колоніи Большой Мотки чрезъ Рыбачій перешеекъ. Затѣмъ, пришли въ колонію Червляную, стоящую въ 9 верстахъ отъ первой. Я поѣхалъ въ колонію, собирать свѣдѣнія о ней. Червляная пріюти-

лась въ губѣ того-же названія, берега которой отлогіе, песчаные, покрыты травой, на порядочномъ пространствѣ. Основаніе колоніи относятъ колонисты къ 1870 г. и называютъ, образователя ея, норвежцемъ; но кто онъ, именно—не знаютъ. Въ настоящее время, колонію населяютъ исключительно финляндцы. Дворовъ считается 4 деревянныхъ и 4 землянки,—работниковъ 11. Занимаются, конечно, за исключеніемъ зимы, рыболовствомъ; лѣтомъ же, большею частью, уходятъ на восточный берегъ Мурмана и тамъ, ловятъ особо отъ пришлыхъ поморовъ. У колонистовъ есть 4 елы и 30 тюковъ снастей, которыми владѣетъ вообще вся колонія. Ведутъ также небольшое скотоводство, заключающееся только въ 10 коровахъ и 1 лошади. Сѣнокосы расположены по берегамъ губы и настолько достаточны, что накашиваютъ сѣна на одну корову, и даже болѣе, чѣмъ требуется для прокормленія въ зиму, именно 140—160 пудовъ. Косятъ своими силами и убираютъ преимущественно женщины. Въ лѣсѣ колонисты крайне нуждаются, такъ что, вмѣсто дровъ, жгутъ торфъ и разный древесный хламъ, собираемый по берегамъ; строевой же лѣсъ покупаютъ по высокимъ цѣнамъ въ Архангельскѣ; бревно, среднихъ размѣровъ, обходится 1 р. 80 к., доска—1 р. 20 к. Колонисты грамотные по-своему, потому что въ колоніи имѣется воскресная школа, гдѣ учатся мальчики и дѣвочки за ничтожную плату, причемъ учебные матеріалы обязываются предоставлять дѣтямъ родители. Хлѣбъ покупаютъ въ Вардэ и на Мурманѣ по обыкновеннымъ цѣнамъ; пособія отъ казны никто изъ червлянскихъ колонистовъ не получалъ, хотя всѣ просили и, даже, неоднократно. Изъ климатическихъ условій, тяжелѣе всего колонистамъ переносить осенніе туманы и дожди, а равно сѣверо-восточный вѣтеръ; лѣто холодное, а зима съ легкими морозами.

Проѣхавъ отъ Червляной 20 верстъ, пароходъ сталъ на рейдъ противъ колоніи Вайда-губы, гдѣ осѣдло проживаетъ первый богачъ изъ мурманскихъ колонистовъ, норвежецъ Пильфельдъ. Я ранѣе былъ наслышанъ, что Пильфельдъ, какъ и Кнюпенъ, колонистъ лишь на бумагѣ, съ тою лишь разницею, что Кнюпенъ дѣйствуетъ открыто, а онъ набрасываетъ на себя маску солидарности съ русскимъ населеніемъ, а именно, завелъ у себя въ колоніи образцовое

скотоводство, выучился говорить немного по русски, попалъ въ печенскіе волостные старшины и пр. На самомъ дѣлѣ, главный источникъ доходовъ его лежнтъ въ рыбопромышленныхъ операціяхъ; у него не мало промышленныхъ „посудинъ", есть нѣсколько грузовыхъ судовъ, имѣется много рыболовныхъ снастей. Все это отдается русскимъ наемнымъ рабочимъ, которые и ловятъ, по мурманскимъ берегамъ, ему рыбу. Изъ семьи Пильфельда, ни одинъ не промолвится русскимъ словомъ; дѣти обучаются въ Норвегіи; самъ онъ обрѣтается тамъ постоянно.

Я поѣхалъ въ шлюпкѣ въ колонію, гдѣ встрѣтился съ самимъ Пильфельдомъ; онъ пригласилъ меня въ свой домъ, —прекрасный, и по внѣшности, и по внутренней обстановкѣ. Дома, Пильфельдъ пригласилъ меня къ столу, уставленному всевозможными питіями и яствами норвежскаго происхожденія; самъ онъ старался быть крайне любезнымъ и даже приниженнымъ, видимо, заподозривъ во мнѣ лице, почему-то могущее имѣть офиціальныя притязанія къ его дѣламъ на Мурманѣ. Въ концѣ концовъ, любезность Пильфельда дошла до такихъ предѣловъ, что онъ предложилъ мнѣ бокалъ шампанскаго. Затѣмъ, Пильфельдъ повелъ меня по своему хозяйству. Видѣлъ я усовершенствованные хлѣва, конюшни съ деревянными полами, и особыми мѣстами для лежки и корма скота; смотрѣлъ также печь, выпекающую въ сутки куль ржаной муки; ходилъ по жилымъ помѣщеніямъ для рабочихъ и, при этомъ, узналъ отъ Пильфельда, что рабочимъ у него живется очень хорошо,—иные работаютъ по 5 лѣтъ безотлучно. Возстановляя въ памяти землянки пройденныхъ мною колоній и кусокъ хлѣба, который добываетъ обитатель ихъ тяжелымъ морскимъ трудомъ, я удивлялся всему вышеуказанному и думалъ: какими благами можетъ пользоваться норвежецъ, среди нашего темнаго люда?

Оставивъ въ покоѣ Пильфельда, я принялся собирать свѣдѣнія, вообще, по колоніи и становищу. Вайда-губа—старая колонія; образована въ 1864 году; первымъ сюда пришелъ норвежецъ Улаліанъ. Колонія стоитъ въ концѣ губы, принимающей маленькій ручеекъ съ прѣсной водой. Берега губы скалистые, частью высокіе, частью отлогіе, покрыты мелкимъ камнемъ цвѣта аспида, а выше тянутся громадные луга. Дворовъ въ колоніи имѣется 5 деревянныхъ

и 4 землянки; работниковъ считается 11 человѣкъ. Рыбныя ловли въ колоніи—на первомъ планѣ; занимаются ими круглый годъ, кромѣ зимы, втеченіе которой колонисты работаютъ при домахъ и, изрѣдка, бьютъ акулъ. У колонистовъ здѣсь промышляетъ 15 шнякъ и 4 елы, изъ коихъ первыя принадлежатъ Пильфельду, а вторыя—прочимъ колонистамъ; со шнякъ забрасывается 450 тюковъ, а съ елъ—100. Съ ловомъ на елахъ управляются колонисты своими силами,—но Пильфельдъ, разумѣется, нанимаетъ работниковъ, до 70 человѣкъ. Скотоводство въ колоніи небольшое: 10 коровъ, 18 овецъ, 2 лошади и 3 оленя; между тѣмъ, сѣнокосы обширные и прекрасные. Сѣно косятъ сами колонисты, по берегамъ губы и, вообще, гдѣ попадется; каждый дворъ накашиваетъ до 300 пудовъ; поэтому надо думать, что бываетъ остатокъ сѣна, который сбывается въ Вардэ, гдѣ сѣно стоитъ въ высокой цѣнѣ. Въ колоніи произрастаетъ картофель, редиска и пр., но только, по суровости лѣта, поспѣваетъ этихъ овощей немного. Хлѣбъ покупаютъ иногда въ Вардэ, а большею частью у Пильфельда, платя за куль 8 р. Дровянымъ и строевымъ лѣсомъ пользуются какъ колонисты Червляной, хотя и уплачиваютъ лѣсной налогъ. Казенный лѣсъ колонисты не берутъ, по той причинѣ, что онъ далеко растетъ и доставка его сопряжена съ большими трудностями. Изъ колонистовъ, нѣтъ ни одного русскаго—3 норвежца и 8 финляндцевъ; ни школъ, ни богослужебныхъ зданій у колонистовъ нѣтъ. Пособіе отъ казны получили немногіе въ колоніи; прочіе также просили, но имъ отказали и, говорятъ, потому, что нѣкоторые изъ финляндцевъ, получившихъ пособіе, убѣжали на родину и проживаютъ тамъ по настоящее время. Въ климатическихъ условіяхъ рѣзкихъ измѣненій не замѣчается. Вообще колонисты Вайда-губы живутъ порядочно и нуждъ особенныхъ не терпятъ.

Въ Вайда-губѣ есть становище и, притомъ, самое главное, при осеннихъ рыбныхъ промыслахъ, на всемъ западномъ мурманскомъ побережьѣ. Въ немъ считается 16 деревянныхъ становъ. Въ мою бытность станы не дѣйствовали и стояли заколоченными до весны, а съ этого времени и до іюня, они оживаютъ отъ пришлыхъ промышленниковъ. Въ каждую весну сюда стекается, среднимъ числомъ, слѣдующее количество промышленниковъ: 100

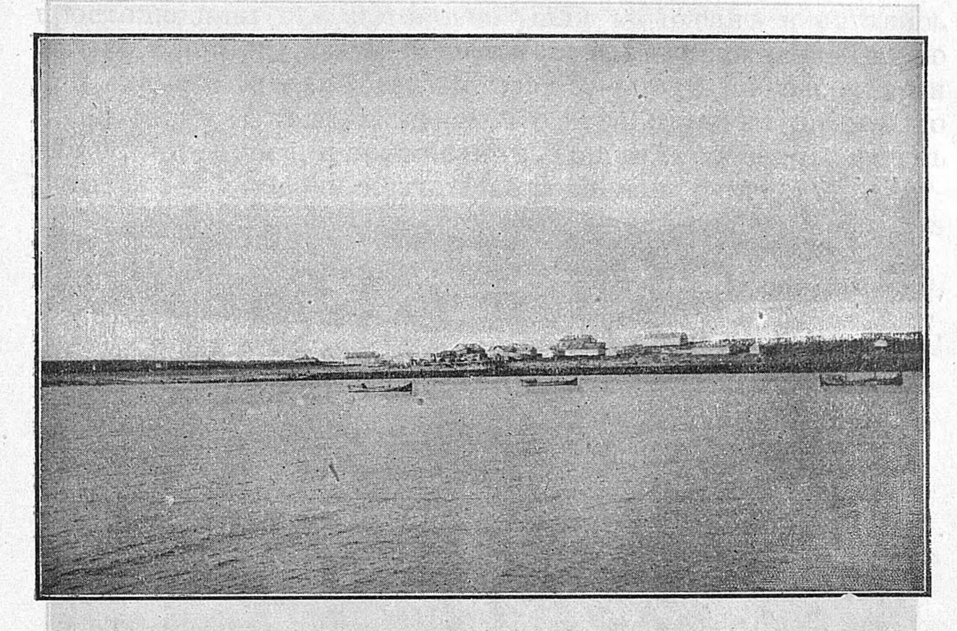
хозяевъ, 800 покручниковъ и 170 зуевъ. Этотъ пришлый людъ промышляетъ на 180 шнякахъ и 20 елахъ, забрасывая до 6000 тюковъ. Салогрѣенъ 3, изъ которыхъ 2 паровыхъ, причемъ одна паровая г. Савина, который, въ становищѣ Взйда-губѣ, не имѣетъ ни одного судна, а только скупаетъ для своего завода, отъ промышленниковъ, воюксу (максу) и гонитъ изъ нея жиръ. Къ услугамъ промышленниковъ, есть факторія Пильфельда, гдѣ можно получать всѣ товары, по цѣнамъ, довольно выгоднымъ для фактористa. Втеченіе всего промысла, здѣсь нагрузится до 25 судовъ. Въ становищѣ построена православная часовня,—но больничнаго пункта, къ сожалѣнію, нѣтъ.

Слѣдующая колонія была Зубовская, до которой мы, отъ Вайда-губы, шли 30 верстъ. Колонія спряталась въ губѣ, за Зубовскими островами, при небольшой рѣчкѣ, и состоитъ только изъ одного двора съ 2 работниками. Какъ пришелъ сюда первымъ, 25 лѣтъ назадъ, финляндецъ Ойэнъ, такъ и остался, по настоящее время, одинъ. Онъ занимается рыбнымъ промысломъ и имѣетъ, для этого, елу и 4 шняки, а изъ снастей—владѣетъ 150 тюками. Съ такимъ количествомъ судовъ и снастей, конечно, одному колонисту не справиться; поэтому онъ нанимаетъ работниковъ, изъ своихъ же финляндцевъ и, иногда, изъ норвежцевъ, числомъ до 10 человѣкъ, ловя на одинаковыхъ доляхъ. Изъ скота колонистъ держитъ 3 коровъ—хотя сѣнокосы здѣсь хорошіе; накашиваетъ до 200 пудовъ. По достаточности сѣнокосовъ, можно было бы держать больше скота, но бѣда въ томъ, что надо нанимать лишній людъ, а онъ здѣсь крайне дорогъ. Для топлива колонистъ употребляетъ торфъ, а строевой покупаетъ изъ Архангельска, по извѣстнымъ цѣнамъ. Хлѣбъ покупаетъ въ Вардэ; пособія отъ казны не получалъ. Климатическія условія ничѣмъ не отличаются отъ колоніи Вайда-губы.

Въ колоніи стоятъ 12 заколоченныхъ становъ. Сначала я полагалъ, что весною сюда приходятъ, съ бѣломорья, поморы на рыбные промыслы, а затѣмъ узналъ, что съ недавняго времени, здѣсь они не появляются и, должно быть, это становище забросили совсѣмъ.

Изъ Зубовской, пароходъ прошелъ 20 верстъ и бросилъ якорь у колоніи Ципъ-Наволокъ (подъ Шеей). Эта колонія была для меня послѣднею изъ колоній и становищъ

всего мурманскаго побережья. Колонія Ципъ-Наволокъ расположена въ губѣ Шеѣ; по близости ея—рѣки нѣтъ, а впадаетъ въ губу рѣка, подъ названіемъ Аникіева, на разстояніи одной версты. Ходить за водой, на рѣчку, для колонистовъ, собственно говоря, недалеко,—но слишкомъ скалистые берега затрудняютъ путь; поэтому вся колонія пользуется водою изъ колодца. Основана колонія въ 1870 году, пришедшимъ сюда впервые, норвежцемъ Христіаномъ Кнюценомъ, проживающимъ, здѣсь, и по настоящее время.

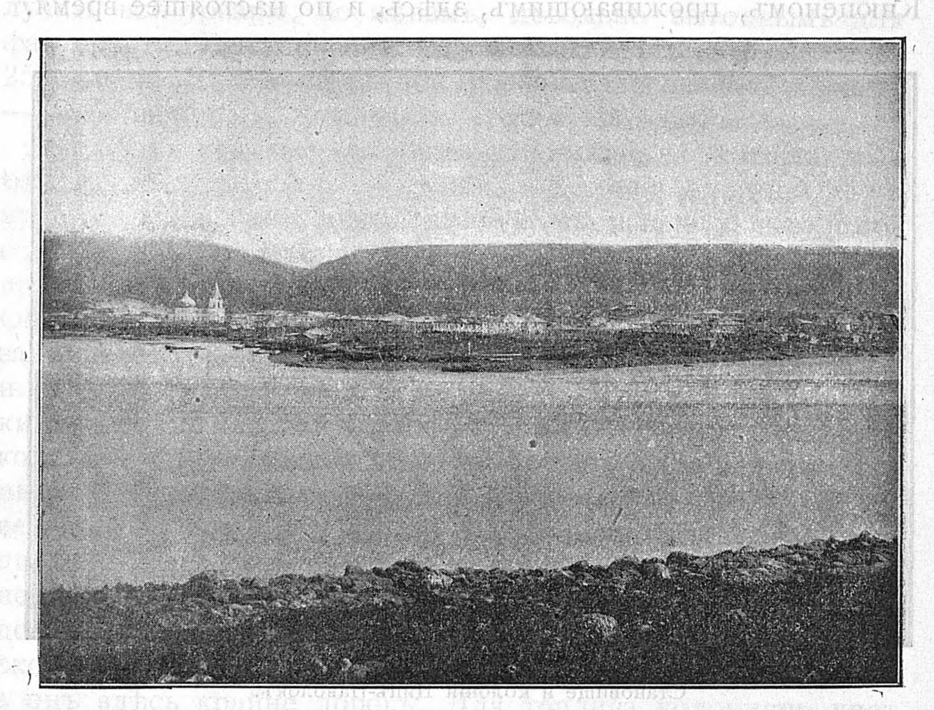

Становище и колонія Ципъ-Наволокъ.

Дворовъ въ колоніи было 7, но недавно выдѣлился, изъ семьи Кнюцена, сынъ его Иванъ и поселился на р. Аникіевой, составивъ, такимъ образомъ, восьмой дворъ; семейныхъ работниковъ считается 10 чел. и всѣ они норвежцы. Занимаясь рыболовствомъ, колонисты владѣютъ 10 елами и 200 тюками. Благодаря хорошимъ лугамъ, въ колоніи ведется порядочное скотоводство, которое состоитъ изъ 15 коровъ, 20 овецъ и 20 оленей. Луговыя мѣста лежатъ по берегамъ губы и, вслѣдствіе расчистокъ, даютъ хорошіе урожаи сѣна; каждый дворъ снимаетъ до 150 пудовъ. Хлѣбъ покупаютъ тамъ-же, гдѣ и зубовскіе колонисты;

лѣсомъ пользуются, по налогу, изъ казенныхъ дачъ. Пособія отъ казны никто изъ колонистовъ не получалъ. Въ климатическомъ отношеніи, колонія стоитъ наравнѣ съ сосѣдними.

Въ Ципъ-Наволокѣ, раньше, было большое становище, привлекавшее къ себѣ, на весенніе рыбные промыслы, сотни людей; но, теперь, оно заброшено; нѣтъ въ немъ ни одного промышленника; только, стоящая безъ дѣйствія, больница, православный храмъ и становыя строенія напоминаютъ о

Видъ г. Колы и горы и саловарни, съ лѣваго берега Кольской губы.

прежней промышленной жизни, бившей здѣсь ключемъ, во время производства промысловъ.

Изъ этой колоніи, я отправился въ г. Колу. Пароходъ пришелъ на кольскій рейдъ 3-го августа и бросилъ якорь въ 4-хъ верстахъ отъ города. Я спустился на карбасъ и, къ счастію, поплылъ по прибылой водѣ; когда-же вода начинаетъ убывать, то пробираться въ Колу очень трудно, потому что изъ рр. Туломы и Колы открывается сильное теченіе, противъ котораго борьба едва возможна. Въ г. Колѣ я пробылъ полъ-дня и немножко ознакомился съ нимъ.

Городъ стоитъ, какъ бы, на мысу и смотритъ въ Кольскую губу; мысокъ-же опоясывается съ боковъ упомянутыми рѣками. Невдалекѣ виднѣются горные утесы, мало отличающіеся, по виду, отъ скалъ мурманскаго берега.

Кола—городъ съ деревенской физіономіей, маленькій, состоитъ изъ сотни домовъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ, и украшается каменнымъ соборомъ, во имя Благовѣщенія. Лѣтомъ коляне занимаются рыбными промыслами и, поэтому, въ мою бытность, невозможно было встрѣтить въ городѣ простолюдина; они поголовно ушли въ океанъ и остались только женщины, да чиновники мѣстныхъ учрежденій. Зимою кольскіе обыватели бездѣйствуютъ,—нѣтъ ни работъ, ни промысловъ. Слѣдовательно, что заработаютъ лѣтомъ, то зимой, понемногу, и проживаютъ. Торговля сосредоточена въ рукахъ 2—3 лавочниковъ. Наблюдаемая учителемъ мѣстной школы температура въ Колѣ, слѣдующая: лѣтомъ средняя 18°, зимою—15°.

Вечеромъ я собрался въ путь, пѣшкомъ, чрезъ Лапландію,—но о томъ, какъ я переходилъ ее, будетъ рѣчь особо, а теперь подведу итоги вышесказанному.

XXI.

Общіе выводы.

Приведу, прежде всего, сравненіе дворовъ, по моимъ даннымъ, съ дворами по даннымъ присутствія.

ЧИСЛО ДВОРОВЪ.

Колоніи.	По моимъ даннымъ.	По даннымъ присутствія.
Грязная	3	—
Военга	—	1
Рослякова	1	1
Бѣлокаменная	1	1
Варламова	1	1
Средняя	3	3
Тюва	2	2
Екатериненская гавань. .	2	—
Сайда	5	2
Торосъ	2	2

	По моимъ даннымъ.	По даннымъ присутствія.
Кислая	2	2
Ура	25	29
Ара	1	—
Бичана.	—	1
Малая Лица	4	5
Большая Лица	11	3
Кутовая	—	2
Малая Мотка (восточн.) .	—	1
Большая Мотка.	12	4
Земляная.	27	24
Эйна	1	1
Малая Мотка (западная) .	4	1
Печенга	18	22
Гагарка	7	2
Баркина	9	8
Княжуха	17	16
Труфаново	7	9
Оленья Горка	6	5
Столбовая	3	—
Фильманское	1	1
Ворьема	2	2
Червляная	8	10
Вайда-Губа	9	7
Зубовская	1	4
Цыпъ-Наволокъ (подъ Шеей)	8	8
	199 двор.	180 двор.

Разница—19 дворовъ.

Какъ видно изъ таблицы, вообще, самовольно поселившихся, на западномъ мурманскомъ берегу 19 дворовъ, изъ которыхъ, одни образовали 4 новыхъ колоніи, а другіе дополнили 7 старыхъ. Сюда не входитъ приращеніе печенгскихъ колоній, такъ какъ переселеніе дворовъ, изъ колоніи Печенги въ другія, состоялось съ разрѣшенія начальства и потому ихъ нельзя считать самовольными. Затѣмъ, изъ 4 колоній, за исключеніемъ Печенги, ушли дворы неизвѣстно куда, а 4 колоніи совсѣмъ опустѣли. Кромѣ того, въ 10 колоніяхъ составъ дворовъ остался прежній. Наконецъ, въ колоніи Екатериненская гавань, образовавшейся изъ неприписанныхъ колонистовъ, было 5 дворовъ,—но, изъ нихъ, 3 выбыло.

Теперь приведемъ хозяйство и рыбные промыслы колоній.

Названіе колоній.	Семейные работники. Русскіе.	Корелы.	Финляндцы.	Норвежцы.	Скотъ. Лошади.	Коровы.	Овцы.	Олени.	Суда. Шняки.	Тройники.	Елы.	Карбаса.	Тюки.	Наемные работники на судахъ.
Грязная	—	—	3	—	—	4	2	4	—	—	—	1	25	—
Рослякова	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	30	2
Бѣлокаменная	—	—	1	—	—	1	2	2	—	—	—	1	20	—
Варламово	1	—	—	—	—	—	—	500	—	—	—	2	2)	6
Средняя	1	1	1	—	—	2	11	5	—	—	—	1	25	—
Тюва	1	—	1	—	—	1	3	3	—	—	2	—	50	3
Екатер. гавань	2	—	—	—	—	3	2	—	—	—	—	—	—	—
Сайда	—	—	10	—	—	12	12	5	—	—	—	4	80	—
Торосъ	—	—	1	1	—	8	6	—	—	—	2	2	115	6
Кислая	—	—	4	—	—	6	12	5	—	—	—	4	3)	—
Ура	—	1	48	—	—	120	150	150	—	—	20	10	350[4]	—
Ара	—	—	1	—	—	2	2	1	—	—	—	1	12	—
Малая Лица	2	—	4	—	—	10	40	20	—	—	3	—	90	—
Большая Лица	3	—	7	—	—	25	150	80	—	—	3	—	60	—
Больш. Мотка	—	—	15	—	—	35	100	—	—	—	5	—	150	—
Земляная	—	—	40	—	5	40	—	—	—	—	16	—	450	—
Эйна	—	—	—	1)	—	4	8	30	—	—	1	—	30	—
Малая Мотка (западная)	—	—	—	4	—	5	15	—	—	—	1	—	30	—
Печенга	—	19	—	—	—	15	35	40	—	—	5	—	150	—
Гагарка	—	11	—	—	—	10	40	50	—	—	2	—	60	—
Баркино	—	12	—	—	—	10	30	100	—	—	3	—	240	—
Княжуха	—	26	—	—	—	18	50	80	—	—	5	—	150	—
Труфанова	—	10	—	—	—	5	20	15	—	—	1	—	30	—
Оленья Горка	—	6	—	—	—	7	20	30	—	—	1	—	30	—
Столбовая	—	—	3	—	—	3	10	—	—	—	4	—	100	—
Фильманская	—	—	—	2	—	2	—	—	12	—	2	4	500	70[5])
Ворыма	2	—	—	—	—	2	—	—	—	—	3	—	75	—
Червляная	—	—	11	—	1	10	—	—	—	—	4	—	80	—
Вайда-Губа	—	—	8	3	2	10	18	3	15	—	4	—	550	70
Зубовская	—	—	2	—	—	3	—	—	—	—	1	—	150	—
Ципъ-Навол.	—	—	—	10	—	15	20	10	—	—	10	—	200	—
Итого	13	86	160	20	8	383	751	1013	28	—	98	30	3832	157

1) Неводъ и сѣтки для семги 200 р.
2) 2 невода для семги—120 р.
3) Съ нѣкоторыхъ судовъ ловятъ на уды.
4) Изъ коихъ 62 работника и 8 мальчиковъ.
5) Мужчинъ нѣтъ—однѣ женщины.

Семейныхъ работниковъ, конечно, больше, нежели дворовъ,—и въ частности, и въ общемъ.

По національности, первое мѣсто занимаютъ финляндцы; затѣмъ, идутъ корелы, норвежцы и русскіе. Изъ этого явствуетъ, что иновѣрцы преобладаютъ надъ православными. Финляндцы больше населяютъ колоніи Мотовскаго залива и Рыбачьяго полуострова, корелы ютятся преимущественно въ печенгскихъ колоніяхъ, а русскіе предпочитаютъ Кольскую губу; норвежцы-же, какъ-то, разсѣяны по колоніямъ. Если исключить тѣ колоніи, въ которыхъ считается 1—2 двора, то, почти всѣ остальныя колоніи, населены колонистами безусловно той или другой націи—корелами или финляндцами, причемъ одна колонія Ципъ-Наволокъ заселена исключительно норвежцами. Обыкновенно мѣшаются двѣ національности,—только въ колоніи Средней проживаютъ русскій, корелъ и финляндецъ.

Изъ скота, на первомъ планѣ стоятъ олени; это мѣсто они завоевали благодаря колоніи Варламовой, такъ какъ въ ней, одной, имѣется 500 оленей,—иначе олени уступили бы овцамъ, занимающимъ теперь второе мѣсто. Затѣмъ, слѣдуютъ коровы; есть въ колоніяхъ также лошади, но ихъ, сравнительно, очень мало,—всего, на западномъ берегу, 8 штукъ. Колонисты производятъ рыбные промыслы большею частью на елахъ, а меньшею—на карбасахъ и шнякахъ; тройники-же колонистами вовсе забыты. Елами преимущественно владѣютъ финляндцы; шняки въ рукахъ норвежцевъ,—хотя послѣдніе, тоже предпочитаютъ елу, но это вышло потому, что сами норвежцы рыбу не ловятъ, а посылаютъ на промыселъ русскихъ работниковъ; карбасы есть—и у русскихъ, и у финляндцевъ.

Тюки имѣются сообразно судамъ; впрочемъ, замѣчается небольшое исключеніе. Такъ, въ колоніи Урѣ тюковъ меньше, потому что нѣкоторые колонисты, имѣя суда, ловятъ только на поддевъ, забрасывая уды. Въ колоніяхъ же Варламовой и Кислой, тюковъ вовсе нѣтъ; тамъ ловятъ семгу и, для лова, употребляютъ сѣтки и невода.

Наемные работники значатся въ 6 колоніяхъ, причемъ больше ихъ въ колоніяхъ Фильманской и Вайда-губѣ, гдѣ они находятся всецѣло въ наймѣ у колонистовъ-крезовъ—Пильфельда и Кнюцена.

Затѣмъ, укажемъ на дѣятельность западныхъ становищъ.

Названіе становищъ.	Станы.		Суда.					Промышл. хозяевъ.	Покручниковъ.	Зуевъ.	Самогрѣйки.	Факторіи.	Тюки.	Грузов. суда.
	Деревян.	Землян.	Шняки.	Тройники.	Елы.	Карбасы.	Всего.							
Портъ-Владиміръ (Еретики) . .	2	—	—	—	18	—	18	2	55	18	—	1	400	8
Титовка . .	12	—	30	—	30	5	65	75	[1]) 150	60	2	—	2000	12
Малонѣмецкое	—	4	—	—	7	—	7	—	[2]) 20	—	—	—	200	—
Столбовое .	6	—	12	—	3	—	15	3	57	5	—	—	440	2
Ворьема . .	5	—	12	—	3	—	15	4	57	6	—	—	435	3
Вайда-губа .	16	—	180	—	20	—	200	100	800	170	1	—	6000	25
Итого .	41	4	234	—	81	5	320	184	1139	259	[3]) 5	[4]) 2	9475	[5]) 50

Какъ видно, изъ всѣхъ становищъ, самое большое Вайда-Губа; но слѣдуетъ замѣтить, что это становище дѣйствуетъ только во время весеннихъ промысловъ, а затѣмъ, оно умираетъ, до слѣдующаго года. Слѣдовательно, среди лѣтнихъ становищъ западнаго побережья, первое мѣсто занимаетъ Титовка, гдѣ, впрочемъ, нѣтъ покручниковъ, а ловятъ пришлые поморы на артельныхъ началахъ. Затѣмъ идетъ Ворыма, Столбовое и т. д.

Станы, за исключеніемъ лопарскаго становища Малонѣмецкаго, всѣ деревянные и потому предоставляютъ промышленникамъ болѣе удобное помѣщеніе.

Въ становищахъ на промыслахъ отличаются шняки, затѣмъ елы; тройниковъ же вовсе нѣтъ По числу шнякъ становища идутъ послѣдовательно, начиная съ Вайда-губы, а по числу елъ, послѣднее уступаетъ мѣсто Титовкѣ. Что-же касается карбасовъ, то они въ какомъ-то загонѣ,— значатся только въ Титовкѣ. Предпочитаютъ промышлять, на судахъ одного типа, два становища—Портъ-Владиміръ и Малонѣмецксе. Если суда распредѣлить, по каждому становищу, на хозяевъ, то получится большая разница: въ

[1]) Эти промышленники ловятъ изъ равной части съ судохозяевами.
[2]) Ловятъ лопари тоже изъ части, при общемъ владѣніи снастей и судовъ
[3]) Кромѣ того, одна въ Фильманской колоніи у колониста Кнюцена.
[4]) Еще одна тамъ же у Кнюцена.
[5]) Независимо отъ сего два судна у него же въ колоніи.

однихъ придется по 2—4 судна на хозяина, въ Портъ-Владимірѣ по 9, а въ Титовкѣ, наоборотъ,—хозяевъ больше, нежели судовъ. Эта странность объясняется тѣмъ, что однимъ судномъ владѣютъ нѣсколько хозяевъ въ складчину. Если взять становища по степени промышленности, то хозяева идутъ по порядку; но если ихъ сравнить съ покручниками, то послѣднихъ придется на одного хозяина больше—въ Портъ-Владимірѣ (слишкомъ 27) и меньше—въ Титовкѣ (2). Покручники распредѣляются, по числу судовъ, во всѣхъ становищахъ одинаково; а вотъ, зуи—наоборотъ. По одному на каждое судно становится только въ Портъ-Владимірѣ, а въ другихъ становищахъ меньше; въ Столбовомъ же, на три судна, приходится одинъ зуй.

Тюки распредѣляются по судамъ; факторіи—по большимъ становищамъ; салогрѣйни, нѣсколько, не отвѣчаютъ послѣднимъ.

Относительно же грузовыхъ судовъ, порядокъ измѣняется — одно изъ послѣднихъ становищъ, Портъ-Владиміръ, попадаетъ въ средину.

Въ концѣ концовъ, надлежитъ указать на стѣсненность хозяевъ, покручниковъ и зуевъ, относительно жилищъ. Въ одномъ станѣ ихъ проживаетъ 10 — 25 человѣкъ, а въ Вайда-Губѣ они набиты, какъ сельди въ бочкѣ.

Далѣе, небезъинтересно сравнить колоніи восточнаго и западнаго мурманскаго побережья.

Берега.	Число населен. колоній.	Вообще число дворовъ.	Изъ нихъ самовольно поселивш.	Семейн. работн.				Скотъ.				Суда.				Тюки.	Наемные работн. на судахъ.
				Русскіе.	Корелы.	Финляндцы.	Норвежцы.	Лошади.	Коровы.	Овцы.	Олени.	Шняки.	Тройники.	Елы.	Карбасы.		
Восточный	[1]) 9	71	28	79	6	1	6	—	31	245	551	33	17	13	16	1953	83
Западный	[2]) 31	199	19	13	86	160	20	8	383	751	1083	28	—	98	30	3832	157
Итого	40	270	47	92	92	161	**26**	8	414	996	1634	61	17	111	46	5785	240

[1]) Кромѣ того одно опустѣвшая.
[2]) Еще четыре колоніи опустѣвшія.

Очевидно, западный берегъ, по числу колоній, населеннѣе восточнаго, такъ что, на одну колонію послѣдняго, приходится $3^1/_2$ колоніи перваго; между тѣмъ, самыя колоніи заселены гуще на восточномъ берегу,—въ нихъ больше дворовъ; тамъ же, преобладаетъ, и самовольное поселеніе. По національности, въ восточныхъ колоніяхъ первую роль играютъ русскіе, а въ западныхъ—финляндцы; тамъ они взяли большой верхъ надъ русскими и послѣдніе живутъ, лишь, изъ крайней нужды.

Скотоводство больше развито на западномъ берегу,—да и понятно; на немъ чаще попадаются отлогія мѣста, покрытыя травами; напротивъ, восточный берегъ скалистѣе, выше н раскидывается, во внутрь материка тундрами; поэтому здѣсь шире ведется оленье хозяйсво.

На восточномъ побережьѣ колонисты промышляютъ больше на шнякахъ и, вообще, на судахъ всѣхъ типовъ, а на западномъ—на елахъ и другихъ судахъ, за исключеніемъ тройниковъ.

Тюки на восточномъ берегу употребляются въ большомъ количествѣ, такъ какъ они имѣются при каждомъ суднѣ, а на западномъ, нѣкоторые колонисты ловятъ удой, на поддевъ и сѣтями.

Наемныхъ работниковъ больше на восточномъ побережьѣ.

Такимъ образомъ, Мурманскій край, начавъ привлекать къ себѣ, съ 40-хъ годовъ, колонистовъ, въ настоящее время заселенъ 40 колоніями, въ которыхъ считается 270 деревянныхъ и земляныхъ дворовъ. Производительная сила этихъ колоній выражается въ 371 семейномъ работникѣ и въ 240 наемныхъ. Находя главный источникъ заработковъ въ рыбныхъ промыслахъ, колонисткое населеніе имѣетъ 235 судовъ, удочки, сѣтки, невода и 5785 рыболовныхъ снастей. Для подспорья въ быту, колонисты занимаются скотоводствомъ, причемъ содержатъ 8 лошадей и 3044 штуки рогатаго скота.

Здѣсь, не лишнее замѣтить, что мурманскіе колонисты, кромѣ Пильфельда и Кнюцена, не владѣютъ грузовыми судами и, потому, рыбную добычу сбываютъ не на рынкахъ, а рыбопромышленникамъ, въ становищахъ.

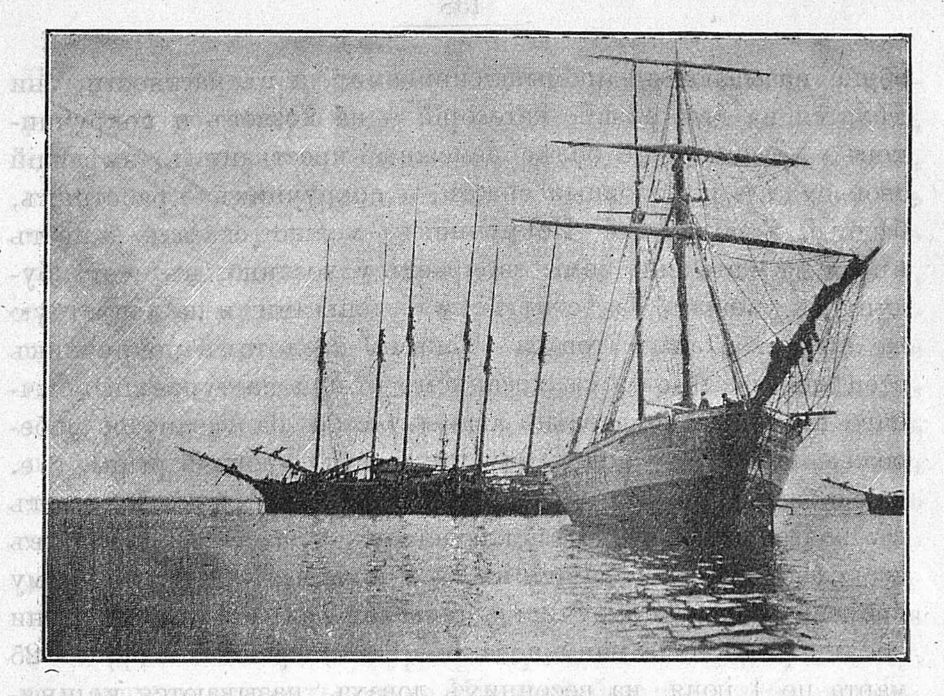
Наконецъ, приведемъ таковое же сравненіе береговъ по становищамъ, дѣйствующимъ отдѣльно въ теченіе года.

Берега.	Число становищъ.	Станы.		Суда.					Промышленники хозяева.	Покручники.	Зуи.	Салогрѣйни.	Факторіи.	Тюки.	Грузовыя суда.
		Деревянные.	Земляные.	Шняки.	Тройники.	Елы.	Карбасы.	Всего.							
Восточн.	12	260	31	307	31	80	259	677	442	2192	335	18	9	17639	105
Западный	6	41	4	234	—	81	5	320	184	1139	259	5	2	9475	50
Итого	18	301	35	541	31	161	264	997	626	3331	594	23	11	27114	155

Въ общемъ, промыселъ пришлыхъ промышленниковъ стоитъ шире на восточномъ берегу, нежели на западномъ; если же, на послѣднемъ, отнять весенній промыселъ въ Вайда-Губѣ, онъ окажется, сравнительно, мизернымъ; западный берегъ бѣденъ, также, и числомъ становъ. По отношенію къ судамъ, слѣдуетъ отмѣтить, что на западномъ берегу карбасовъ очень мало, а тройниковъ—и вовсе нѣтъ; тогда какъ на восточномъ, они практикуются,—особенно карбасы, которые слѣдуютъ послѣ шнякъ. Что-же касается елъ, то ихъ имѣется одинаковое количество, въ становищахъ обоихъ береговъ. Въ отношеніи другихъ графъ, рѣзкихъ колебаній не замѣчается.

Слѣдовательно, въ теченіе года, перебываетъ, въ 18 становищахъ Мурманскаго побережья, 4961 пришлый промышленникъ. Этотъ рабочій людъ выѣзжаетъ въ океанъ на 997 судахъ и забрасываетъ 27114 тюковъ рыболовныхъ снастей. Пойманная рыба грузится въ 155 судахъ, а макса отъ нея перегоняется въ жиръ, на 23 салогрѣйняхъ. Во время промысловъ, среди промышленниковъ, оперируетъ 11 факторій, доставляя хозяевамъ не малую прибыль, отъ продажи разнохарактерныхъ товаровъ.

Лѣтомъ изъ Вайда-Губы, промышленники переходятъ на восточный берегъ. Поэтому Сѣверный океанъ, открывая ежегодно широкое поле рыбнымъ промысламъ, вызываетъ къ себѣ, съ русской территоріи, 1032 промысловыхъ судна, съ 26899 тюками и предоставляетъ кусокъ хлѣба нашему бѣдному поморскому населенію, въ числѣ 3962 человѣкъ.

Мореходныя суда.

Рыбныя ловли на Мурманѣ.

Весенния.

I.

Хозяева и покручники. — Проводы на мурманскіе промыслы. — Путь до Кандалакши и чрезъ Лампландію.

Промышляющіе на Мурманѣ поморы, конечно, за исключеніемъ колонистовъ, составляютъ коренное крестьянское населеніе кемскаго и, частью, онежскаго уѣздовъ; не бросая въ землю своей родины ни одного хлѣбнаго зерна, вслѣдствіе суроваго климата, оно имѣетъ, главнымъ матеріальнымъ источникомъ къ жизни, только ежегодные мурманскіе промыслы.

Этотъ отхожій людъ оставляетъ свои селенія въ два срока—весною и лѣтомъ, и трудится на Мурманѣ, среди опасностей, вплоть до заморозковъ. Мурманскіе отхожники, во-

обще, называются „промышленниками", а въ частности, они дѣлятся на двѣ рѣзкія категоріи — на хозяевъ и покручниковъ. Хозяинъ, это болѣе денежный крестьянинъ, имѣющій свои суда и рыболовныя снасти, а покручникъ — работникъ, бѣдный и захудалый. Покручникъ, можно сказать, живетъ впередъ—втеченіе зимы забираетъ у хозяина, въ счетъ будущихъ уловов, извѣстную сумму деньгами, и на извѣстную же сумму, разнаго товара. Такимъ кредитомъ покручникъ всецѣло связывается съ хозяиномъ и, при наступленіи обычнаго времени, обязательно отправляется на океанское побережье, возмѣщать полученную имъ ссуду уловами рыбы, т. е. какое-бы количество ея не было выловлено, все поступаетъ въ пользу хозяина, за исключеніемъ $^1/_3$ части, которая, въ свою очередь, распадается на 2—4 человѣка. Сообразно тому времени, когда покручники бываютъ на промыслахъ, они носятъ различныя наименованія. Такъ, пребывающіе, съ 25 марта по 1 іюня, на весеннихъ ловахъ, называются вешняками; они-же остаются и на лѣтніе промыслы,—но объ этомъ будетъ сказано особо. Вешняки идутъ къ мѣсту своего назначенія сухимъ путемъ.

Едва наступятъ послѣднія числа февраля, какъ по всему западному и, частью, онежскому берегамъ, заботливо и оживленно закопошится промышленное населеніе, памятуя свое долговое обязательство, въ обезпеченіе котораго, оно положило будущій тяжелый и рискованный свой трудъ. Жены печально начнутъ снаряжать, въ путь-дорогу, мужей; матери, не безъ печали, захлопочутъ около взрослыхъ и малыхъ сыновей. Мѣстные кабаки и лавки широко раскрываютъ свои двери; сельская администрація изнемогаетъ отъ усиленной выдачи кратковременныхъ паспортовъ,—однако, безъ сѣтованія на это, такъ какъ съ каждаго покручника сбирается по ниткѣ, а изъ нитокъ—цѣлая рубаха. Шумъ, крикъ, пѣсни, пьянство, нѣсколько дней держатся въ поморскихъ селеніяхъ. Послѣ разгула, собирается извѣстная группа поморовъ у своего кредитора - хозяина и назначается день отправки. По наступленіи этого дня, хозяинъ, въ видѣ „отвальной", задаетъ покручникамъ прощальный обѣдъ изъ рыбы и сытныхъ пироговъ, а главное, отличающійся обиліемъ водки.

Во время обѣда, хозяинъ даетъ, въ подарокъ каждому покручнику, по куску сѣраго сукна на рукавицы и, приэтомъ, если самъ онъ не сопровождаетъ ихъ, объявляетъ имъ лицо, которое, въ качествѣ приказчика, будетъ руководить ими, въ теченіе всего пути. Затѣмъ, онъ дѣлаетъ покручникамъ внушеніе—должны-де вести себя, дорогой, смирно, не ссориться, слушать большака... Внушеніе звучитъ пріятельски, задушевно—и нѣтъ, тогда, отъ хозяина, покручникамъ, больше имени, какъ „молодцы“, да „ребятушки“. Вообще, за послѣднія минуты разставанія, хозяинъ бываетъ крайне ласковъ съ покручниками, разсыпается передъ ними въ любезностяхъ и даже ухаживаетъ за ними. Все это дѣлается, исключительно въ собственныхъ интересахъ хозяина; онъ, всячески, старается устроить проводы такъ, чтобы покручники пошли на промыселъ съ пріятнымъ впечатлѣніемъ,—чтобы хозяина хвалили и одобряли; иначе, за дурное обращеніе и малую выпивку, они могутъ устроить ему на Мурманѣ большую непріятность. Дѣло въ томъ, что на промыслахъ покручники, ни въ общественномъ, ни въ нравственномъ, ни въ семейномъ отношеніяхъ, никому не подчиняются. Правда, есть административное подчиненіе, но очень слабое. По недостатку полицейскихъ чиновъ, здѣсь, на нѣсколько становищъ, командируется одинъ урядникъ, который положительно не въ силахъ управляться съ многолюдными артелями. Словомъ, на Мурманѣ работники-промышленники живутъ самовластно и, даже, называютъ себя „вольными казаками“. Пребывая въ такихъ свободныхъ условіяхъ жизни и вспоминая о дурныхъ отношеніяхъ къ нимъ хозяина, если таковыя были при проводахъ, они выбираютъ удобный случай, какъ-бы „улизнуть“ отъ такого хозяина,—а такой случай не замедлитъ подвернуться. На Мурманъ являются такіе хозяева, которые не успѣли навербовать полнаго комплекта рабочихъ и подыскиваютъ недовольныхъ. Если таковые оказываются, то все дѣло быстро улаживается и покручникъ, сейчасъ же, обращается въ перебѣжчика, т. е. не заплативъ старому хозяину долга, онъ переходитъ къ новому. Прежнему хозяину приходится взыскивать долгъ судомъ,—но, изъ юридическихъ документовъ, у него остается на

рукахъ только паспортъ, — да и тотъ, по просьбѣ перебѣжчика, часто отбирается полиціей.

Итакъ, угостившись вдоволь на счетъ хозяина, покручники получаютъ отъ него на дорогу нѣсколько рублей, молятся Богу, прощаются и отправляются въ дальній путь. Семьи провожаютъ ихъ, напутствуютъ добрыми пожеланіями и, при разлукѣ, слезно плачутъ. Да и какъ не плакать, когда, быть можетъ, на вѣки разстаются со своими кормильцами. Длинные, убійственные переходы, въ теченіе мѣсяца, промысловая жизнь при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, простуда, цынга, ревматизмъ, бури, штормы—вотъ, что ожидаетъ эту задолженную толпу. Поэтому понятно, что отхожіе мурманскіе промыслы ежегодно уносятъ не мало жертвъ, оставляя свои семьи безъ куска хлѣба и обрекая ихъ на полную нищету.

Отъ дома, до мѣста промысловъ, покручники проходятъ различныя разстоянія—500 и 1.000 верстъ, смотря потому, насколько ближе или дальше лежитъ селеніе къ промысловому пункту. До селенія Кандалакши, покручники ѣдутъ на лошадяхъ, или, вѣрнѣе, ѣдутъ ихъ съѣстные припасы и одежда, а сами они идутъ пѣшкомъ, впереди и сзади повозокъ. Бывъ, въ нынѣшнюю зиму, въ Бѣломорскомъ краѣ и возвращаясь, въ первыхъ числахъ марта, по кемскому берегу обратно въ Архангельскъ, видѣлъ я вереницы покручниковъ, которые, давая мнѣ дорогу, пихали свои повозки въ сторону и сами вязли по поясъ въ снѣгу. Поверхъ каждой повозки, торчали головы дѣтей и другихъ покручниковъ, съ посинѣлыми лицами, вѣроятно уставшихъ, озябшихъ и забравшихся обогрѣться подъ сѣнники и разное платье. Не краше были и тѣ, которые сторонились съ дороги—тоже посинѣлые отъ стужи, съ явными судорогами на лицѣ; они шли, подпрыгивали и дѣлали усиленныя движенія руками, чтобы этимъ развить въ тѣлѣ теплоту. Тогда же, видѣлъ я, въ селеніяхъ, и проводы покручниковъ, и ту горячку, съ какою выдавались въ волостныхъ правленіяхъ паспорта.

Такъ или иначе, но, все таки, до сел. Кандалакши покручники проходятъ чрезъ нѣсколько селеній, гдѣ они могутъ отдохнуть въ теплѣ и подкрѣпить силы горячей пищей; но

дальше, когда приходится идти чрезъ Лапландію, ничего подобнаго они получить не могутъ и переносятъ такія ужасныя условія пути, которыя, прямо, бываютъ невозможными. Впрочемъ, съ какими трудностями и лишеніями встрѣчается покручный людъ въ негостепріимной Лопской землѣ, скажу ниже,—здѣсь, упомяну только, что, пройдя отъ с. Кандалакши 100 верстъ, на свои средства, до земской станціи Роснаволоцкой, покручники расходятся—одни получаютъ отъ хозяина, не въ счетъ улововъ, на шняку 11—14 р. *) и направляются, по тундрѣ, въ становища восточнаго берега, а другіе, получивъ на шняку 16 руб., идутъ прежней дорогой въ Колу и отсюда, на пароходахъ, попадаютъ въ становища западнаго берега.

II

Устройство становъ.—Норвежскіе поставы.

Прибывъ на мѣсто въ концѣ марта, или въ началѣ апрѣля, вешняки находятъ свои будущія жилища, амбары и кладовыя погребенными въ глубокихъ снѣгахъ. Чрезъ отворенныя двери и разбитыя окна снѣгъ забивается во внутрь жилыхъ и нежилыхъ строеній. Изнеможенные, усталые поморы, прежде всего, начинаютъ откапывать жилища, а потомъ принимаются за складочныя строенія; прорываютъ дорожки, очищаютъ отъ снѣга нары и спѣшатъ отопить помѣщенія. Оставшійся внутри снѣгъ таетъ, даетъ испаренія—и въ избахъ образуется невозможная сырость. Но о ней — нѣтъ и мысли. Благо уже то, что промышленники добрались до избъ или становъ живыми, цѣлыми, невредимыми, откопали нары, затопили печи, и послѣ долгаго путешествія, наслаждаются тепломъ и отдыхомъ. И стоитъ-ли безпокоиться о сырости, когда она, частью, выгоняется сквознякомъ, отчасти же не чувствуется въ духотѣ, которая, на первыхъ же порахъ, образуется отъ неряшливой тѣсноты, грязи и разныхъ нечистотъ.

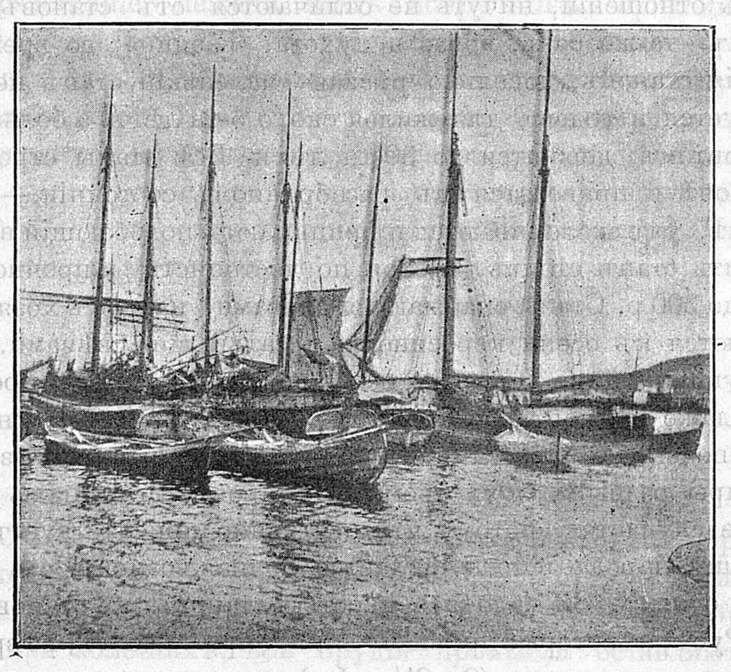
Я осматривалъ станы снаружи, измѣрялъ ихъ высоту и пло-

*) На шняку полагается 4 человѣка.

щадь, былъ внутри,—словомъ ознакомился подробно съ той обстановкой, среди которой покручники проводятъ трудовую жизнь, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Преобладающій типъ становъ—таковъ. Строится, изъ концовъ пластинника и остатковъ отъ разныхъ строительныхъ матеріаловъ, четырехъстѣнная изба и покрывается, на два ската, однорядной тесовой крышей, щели которой забираются дранками. Обрѣзы кладутся на паклю и стѣны конопатятся. Изба—длиною въ 5 арш., шириною въ 3½ арш., высотою въ углу 1¼ арш., въ конькѣ 2½ ар. Одна входная дверь,—высотою въ 1½ арш.. шириною въ 1 ар. 1 верш. Одно окно,—длиною 14 вер., шириною 12 вер. У входа, длинныя стѣны продолжаются стѣнками изъ тонкихъ досокъ, длиною въ 1½ арш. Сверху, стѣнки соединяются одной крышей, безъ потолка—это сѣни, у которыхъ, такимъ образомъ, сторона, противъ входа, совершенно полая. Внутри избъ, вдоль длинныхъ стѣнъ, тянутся нары, шириною въ 1¼ арш., а надъ ними придѣланы полки; предъ окномъ столъ на кольяхъ; полъ настланъ только между нарами, а подъ послѣдними—голая земля. На верху досчаный потолокъ. Кромѣ этого, ко внутреннему устройству, принадлежитъ также печь, стоящая непремѣнно въ углу. На печь употребляется мелкій пластинный камень, который связывается мѣсивомъ изъ песка и глины. Такія печи бываютъ длиною и шириною въ 2 ар., а высотою въ 1¼ ар., т. е. до самаго потолка; онѣ именуются „камелками", довольно открыты и съ такою короткою трубою, что чрезъ нее, изъ избы, виденъ свѣтъ. Эти печи нагрѣваютъ станъ и даютъ возможность приготовлять варево. Есть печи меньшихъ размѣровъ, всего въ 1 кв. арш.,—но онѣ ставятся только для нагрѣванія воздуха, а для варева, тутъ-же, у стана, складываются внѣшнія печи, изъ большихъ камней, безъ всякаго связующаго вещества, а просто подбираются извѣстной величины камни, съ плоскими сторонами, и кладутся другъ на друга. Во внѣшней печи пекутъ также хлѣбъ, съ экономической цѣлью въ продовольствіи. Дѣйствительно, хлѣбъ, выпеченный при станѣ, обходится дешевле покупнаго; изъ одного пуда муки, стоющаго 85 к., получается 1 п. 10 ф. печенаго хлѣба—тогда какъ пудъ послѣдняго, въ лавкѣ факториста,

у котораго хозяинъ беретъ въ кредитъ, стоитъ 1 р. Эта выгода признается всѣми промышленниками; но печеніе хлѣба сопряжено съ возней, лишними хлопотами, отнимаетъ время. Хлѣбопекарныя печи имѣются въ нѣкоторыхъ станахъ, гдѣ ведется маленькое хозяйство, гдѣ покручники живутъ совмѣстно съ такимъ хозяиномъ, у котораго только одно судно и самъ онъ отвѣчаетъ за работника.

Указанный станъ принадлежитъ къ разряду лучшихъ; но существуетъ видъ становъ меньшаго объема и, конечно,

Русскія суда въ Вардэ.

худшій. Длиною, такой станъ, 4 арш., шириною $3^1/_2$ арш., высота его, въ углу, $1^3/_4$ арш., въ конькѣ $2^1/_4$ арш., дверь шириною въ 14 верш., окно длиною 9 верш., шириною 3 в. Нары шириною въ 1 арш. Печь обыкновенныхъ размѣровъ. Въ каждомъ такомъ станѣ, проживаетъ составъ одной шняки. Слѣдовательно, въ станахъ первой категоріи приходится на одного человѣка около $^1/_3$ кб. саж. воздуха, а въ станахъ второй—около $^1/_4$ кб. с.,—къ тому же, воздуха удушливаго, спертаго, вонючаго. Но бываетъ, что въ такой избѣ прожи-

ваетъ 3—4 состава шняки и, тогда, на человѣка приходится очень немного воздуха. Затѣмъ, спятъ по два человѣка на нарахъ, шириною въ $1^1/_4$ ар.—что, довольно затруднительно; а на нарахъ, шириною въ 1 арш.,—еще того хуже. Попадаются и такіе станы, которые не подходятъ подъ общій типъ становъ, какъ, напр., землянки, маленькія избы, гдѣ проживаютъ по 2 покручника, или, наоборотъ, большой станъ, на подобіе казармы, для помѣщенія людей съ 10 — 20 судовъ, и даже съ 40 судовъ. Отдѣльно станы, въ гигіеническомъ и санитарномъ отношеніи, ничуть не отличаются отъ становъ типичныхъ—та-же вонь, грязь и духота. Разница, во времени служенія становъ, довольно рѣзкая—маленькій станъ не ремонтируется и годенъ для жилья около 5-ти лѣтъ, а большой, съ ремонтомъ, держится до 50-ти лѣтъ. Всѣ станы строятся на сторонѣ и привозятся въ разобранномъ состояніи,—а на Мурманѣ, уже сколачиваются и принимаютъ подобающій видъ. Поставить станъ стоитъ, смотря по достоинству и прочности, отъ 50 до 300 р. Станы снабжаются дровами, на счетъ хозяина; освѣщаются къ осени керосиномъ и сальными свѣчами. Ремонтируются станы туго—въ особенности, къ концу промысловъ; даже о выбитыхъ стеклахъ, хозяева не имѣютъ никакого попеченія и покручники принуждены бываютъ затыкать дыры разнымъ лохмотьемъ. Пожаровъ въ станахъ совсѣмъ не случается, потому что постоянно присутствуетъ въ становищѣ народъ и представляется полная возможность слѣдить за огнемъ. За малочисленностью становъ, въ становищѣ Вайда-Рубѣ, нѣкоторые промышленники проживаютъ, во время весеннихъ промысловъ ($2—2^1/_2$ мѣс.), у колонистовъ и фактористовъ, платя съ судна по 4—6 руб.

Такимъ образомъ, отличительныя черты становъ, въ нашихъ поморскихъ становищахъ, таковы: въ щели дуетъ вѣтеръ, съ потолка капаетъ, на полу холодно и сыро, а главное — слишкомъ малый размѣръ, несоотвѣтствующій числу обитателей.

Совсѣмъ другой видъ представляютъ станы въ Норвегіи, называемые „постовами". Норвежскіе постовы строятся также изъ досокъ, между которыми кладется оленья шерсть. Крыши покрываются толемъ. Размѣры становъ бываютъ не

менѣе, какъ на 8 и не болѣе, какъ на 16 человѣкъ, причемъ внутреннее помѣщеніе дѣлится на комнаты, просторныя, въ 2—6 оконъ, отчего воздуха и свѣта бываетъ достаточно. Вмѣсто нашихъ традиціонныхъ камеиныхъ печей, норвежцы ставятъ чугунныя и жгутъ въ нихъ каменный уголь. Предъ началомъ промысловъ, постовы тщательно ремонтируются; щели конопатятся, толь смолится, вставляются стекла, исправляются печи и пр.—словомъ, станы приводятся въ надлежащій порядокъ и промышленникъ, прошедшій гораздо меньшее разстояніе, нежели нашъ покручникъ, приходитъ въ станъ, какъ домой, а не разгребаетъ снѣга, не торопится затопить печь, чтобы, хотя испареніями, обогрѣть изнуренное до-нельзя тѣло. Постройка и ремонтъ норвежскихъ становъ производятся на средства скупщиковъ рыбы; послѣдніе берутъ съ каждаго судна (4 челов.) плату, въ размѣрѣ 16 кронъ (8 р.). Постовы охраняются постоянными людьми, нанимаемыми каждымъ хозяиномъ.

III.

Суда—шняки, елы и карбасы.

Само собою разумѣется, для промысла, главнымъ образомъ, необходимы суда и рыболовныя снасти, которыя запасаются ранѣе хозяевами. Въ тѣхъ становищахъ, которыя образовались при колоніяхъ, всѣ орудія промысла оставляются на попеченіе колонистовъ, а гдѣ становища безъ колоній, отдаются на сохраненіе лопарямъ ближайшихъ погостовъ, и иногда, увозятся хозяевами домой. За сбереженіе судовъ и снастей, колонистамъ и лопарямъ производится, отъ владѣльцевъ, плата, за каждое судно со всѣми къ нему принадлежностями и снастями, съ шняки—3 руб., съ елы и карбаса—2 р.

Отдохнувъ и войдя въ обычную колею, промышленники, прежде всего, приводятъ въ порядокъ суда, которыя потребуются имъ тотчасъ-же. Этотъ порядокъ обусловливается исправленіемъ скамеекъ, мачтъ, веселъ, починкой парусовъ, надвязкою веревокъ и проч.

Суда на мурманскихъ промыслахъ, какъ извѣстно, практикуются трехъ типовъ: шняка (на 4 челов.), ела (3 челов.) и карбасъ (на 2 челов.); размѣры, а равно принадлежности судовъ, слѣдующіе:

	Суда: Длина*) ар.	Длина*) вер.	Ширина ар.	Ширина вер.	Высота: Въ носу ар.	Въ носу вер.	Въ кормѣ ар.	Въ кормѣ вер.	Паруса: числ. ихъ	Длин. въ арш.	Шир. въ арш.	Число веселъ.	Число якорей.
Шняка	17	—	3	12	3	5	2	14	1	8	8	6	1
Ела	14	8	3	—	2	12	2	10	1	5	5	4—8	1
Карбасъ.	10	5	2	10	1	12	1	9	1	3	3	4	1

Изъ этой таблицы видно, что, по величинѣ, сначала идутъ шняки, потомъ елы и карбасы. Носы, у всѣхъ судовъ, выше, чѣмъ кормы. Всѣ суда имѣютъ квадратные паруса и, по величинѣ, не нарушаютъ порядка; только въ веслахъ замѣчается непослѣдовательность — на елахъ и карбасахъ полагается одинаковое число веселъ, а на иныхъ елахъ, ихъ даже больше, нежели на шнякахъ.

Внутреннее устройство судовъ—почти одинаковое. Въ шнякѣ пять скамеекъ, лежащихъ на стѣнкахъ, плотно придѣланныхъ къ днищу судна, довольно плоскому; между скамейками образовываются мѣста, а именно: два мѣста именуются гребнями, одно мѣсто—„кара“ приходится по срединѣ судна, куда кладутъ рыболовныя снасти; рядомъ съ карой еще мѣсто, называемое чердакомъ, а за нимъ пятое, подъ названіемъ тоже чердакъ, но, съ прибавленіемъ, собачій. Я спрашивалъ поморовъ о происхожденіи этого страннаго названія, но не получилъ удовлетворительнаго отвѣта; они объясняли, что такъ называли это мѣсто ихъ дѣды,—а почему и какъ, старики не говорили. Носъ и корма на шнякѣ забираются досками на $2^1/_2$ арш., обиваются холстомъ и смолятся. Они служатъ мѣстомъ для клади и убѣжищемъ для рыбаковъ, которые тамъ спятъ и отдыхаютъ, по 2 человѣка. Пойманную рыбу сначала кладутъ въ чердакъ, а если ея выловится столько, что она не помѣщается въ предназначен-

*) Сверху и по килю одинаковая.

номъ мѣстѣ, то валятъ въ гребни. Шняка, какъ и всѣ суда, управляется рулемъ, но къ нему придѣлывается шестъ, длиною въ 3 саж., получившій названіе погудалы. Такой шестъ необходимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда судномъ приходится управлять со средины шняки. У одной изъ греблевыхъ уключинъ, чтобы облегчить вытаскиваніе снастей, вставляется деревянное колесо—тягло, которое, при сильномъ волненіи, переносится на носъ. Якорь употребляется въ пять лапъ, вѣсомъ въ 4 пуда; весла длинныя, тонкія. Мачта ставится по длинѣ паруса, а распорка по діагонали. Парусъ выкроенъ изъ грубаго холста и обшитъ веревкой.

На елѣ разница усматривается въ томъ, что носъ покрытъ досками коротко и въ немъ, исключительно, сберегается кладь, а корма, напротивъ, забрана на 3 арш. 5 верш., гдѣ помѣщаются всѣ трое рыбаковъ. Въ карбасѣ мѣстъ меньше,—всего три, и двое поморовъ укрываются въ носу и кормѣ, также забранныхъ. Якорь на елѣ легче—вѣсомъ 1 пудъ.

Всѣ суда построены изъ широкихъ досокъ, толщиною—смотря по величинѣ судна, причемъ доски, краями, набѣгаютъ другъ на друга и, въ этомъ мѣстѣ, сшиваются корнемъ. Снаружи и внутри суда смолятся,—но внутри, кажется, только разъ, въ первую воду.

Стоимость судовъ и ихъ принадлежностей бываетъ различная:

шняка	50—60 р.
парусъ.	10 „
цѣпь	15 „
дрэкъ (якорь) съ веслами .	8 „
карбасъ	30 „
парусъ.	12 „
тросъ (веревка).	3 „
дрэкъ съ веслами	2 „

Что же касается елы, то она покупается съ полнымъ вооруженіемъ въ Норвегіи и стоитъ 30—50 р. Тамъ, ела представляетъ единственный типъ промысловыхъ судовъ. Промышленниковъ полагается, какъ и у насъ, трое.

Нашихъ промысловыхъ судовъ гибнетъ въ океанѣ очень

мало; если же, у того или другого хозяина, появляются новыя суда, то это значитъ, что они пріобрѣтены взамѣнъ обветшалыхъ или служатъ несомнѣннымъ признакомъ развитія дѣлъ у промышленника.

IV.

Рыболовныя снасти; яруса. — Норвежскіе яруса. — Наживочный неводъ.—Уда.—Сравненіе яруснаго лова съ ловомъ на поддевъ.

Приведя въ порядокъ суда, поморы принимаются чинить старыя снасти и приготовлять новыя.

Снасти—это рыболовные яруса. Въ цѣломъ видѣ ярусъ бываетъ въ то время, когда погруженъ въ воду, а внѣ дѣйствія, для удобства, онъ, какъ бы, разрывается на клочки. Эти клочки именуются тюками. Смотря по числу тюковъ, яруса бываютъ малые и большіе: для шняки 30—40, елы 25—30 и карбаса—15—20 тюковъ. Такимъ образомъ, разсматривая подробно тюки, можно имѣть ясное представленіе объ ярусахъ. Тюкъ состоитъ изъ трехъ стоянокъ, длиною, каждая, въ 60 саж. Стоянка—это веревка, съ палецъ толщиною, къ которой подвѣшиваются, почти на саженномъ разстояніи другъ отъ друга, тоненькія веревочки въ 1 арш., называемыя орестегами. Къ послѣднимъ прикрѣпляются стальные крючки, закрываемые, предъ ловами, наживкою. Стоянки и орестеги покупаются въ Архангельскѣ, на канатопрядильныхъ заводахъ Семянникова, Клафтена, Пахомова и Яковлева. Крючки привозятъ изъ Норвегіи и Англіи, съ заводовъ Алькасъ и К° и Фульвитъ. При забрасываніи яруса, къ нему привязываются три веревки, длиною каждая въ 60 саж., именуемыя ногами. Если же ярусъ приходится выметывать на глубокихъ мѣстахъ, то ноги удлиняются до 150 с. Къ верхнему концу ноги привязывается, за ушко, конусообразный деревянный кубасъ, плавающій вверхъ дномъ и имѣющій воткнутую палку съ метлою. Деревянные кубасы, скоро намокающіе, за послѣднее время, стали вытѣсняться. Нынѣ больше употребляются стеклянные кубасы, изъ шаровъ, приготовляемыхъ

въ Норвегіи. Стеклянный кубасъ состоитъ изъ 4—8 зеленыхъ шаровъ, въ діаметрѣ 2 верш.; шары пустые, но стѣнки ихъ достаточно толсты. Деревянные кубасы дѣлаются самими поморами, а для стеклянныхъ покупаютъ шары, по 10 коп. за штуку, переплетаютъ ихъ въ сѣтку веревками и привязываютъ кучно къ палкѣ. Случается, что налетитъ штормъ,— поморы спѣшатъ къ бортамъ, не успѣваютъ вытащить яруса и оставляютъ его на мѣстѣ. Иной разъ, почему либо, оборвется онъ, или на попавшуюся треску набросится съ такою жадностью акула, что рыба вытаскивается иногда съ вырваннымъ бокомъ, безъ хвоста, а то просто виситъ на крючкѣ одна голова. Въ такихъ случаяхъ, акула часто перекусываетъ ярусъ. Здѣсь-то, и необходимы кубасы, обозначающіе мѣсто выметаннаго яруса.

Ноги опускаются на дно съ камнями, изъ коихъ два по одному, а одинъ по два пуда, причемъ каждый носитъ отдѣльное названіе: побережнаго, средняго и стоялаго. Камни замѣняютъ якоря, сжимаются досками, обматываются старыми веревками и, приготовляемые самими промышленниками, ничего имъ не стоятъ.

Теперь возьмемъ обыкновенныя цѣны рыболовныхъ матеріаловъ и выведемъ точную цифру, въ какую обходится ярусъ для судна каждаго типа. Снастей для трехъ стоянокъ выходитъ на 1 р. 40 коп., орестегъ на 90 к., крючковъ *) англійскихъ 200 шт. на 70 к.; слѣдовательно, каждый тюкъ стоитъ 3 р., а такъ какъ въ шнячномъ ярусѣ отъ 30 до 40 тюковъ, то они будутъ стоить 90—120 р. Прибавивъ сюда ноги, стоющія 25 р., да кубасы,—если послѣдніе стеклянные, для которыхъ требуется 24 шара,—стоимостью въ 2 р. 40 к.,— полный ярусъ обойдется въ 117 р. 40 к.—147 р. 40 коп.

Для ельнаго яруса, тюковъ требуется меньше—крючки норвежскіе, за 200 шт.—58 к.; шаровъ для кубасовъ 18 шт. на 1 р. 80 к. Такой ярусъ стоитъ 98 р. 80 к.—113 р. 80 к.

Карбасный ярусъ еще дешевле—200 англійскихъ крючковъ (малыхъ) на 36 к., курбасныхъ шаровъ 12, на 1 р. 20 к. и, въ итогѣ, ярусъ обходится 66 р. 10 к.—79 р. 40 к.

---

*) 1000 шт. на русскихъ рынкахъ стоютъ: англійскіе № 5 — 3 р. 50 к.; № 7—1 р. 80 к. и норвежскіе № 6—2 р. 90 к.

Однако, подобнаго расчисленія промышленники не дѣлаютъ и берутъ общую стоимость стоянокъ, орестегъ, крючковъ, ногъ, кубасовъ—и выводятъ, что тюкъ стоитъ, на мѣстѣ промысловъ, 4 руб. По разсчетамъ поморовъ, яруса стоятъ: шнячный 120 — 160 р., ельный 100 — 120 р. и карбасный 60—80 р.

Рыболовныя снасти служатъ только два года, а послѣ идутъ въ разрѣзъ и продаются въ поморьѣ крестьянамъ, на домашнія нужды. Не смотря на кратковременную службу, яруса, по окончаніи каждаго лова, ремонтируются и, сообразно размѣрамъ ремонта, на таковой расходуется 1 — 5 р. Ярусовъ гибнетъ ежегодно много,—по крайней мѣрѣ, до ⅓ всей наличности въ становищахъ; но въ становищѣ Териберкѣ ихъ гибнетъ даже больше, такъ какъ отсюда поморы уходятъ въ голымень на 50—60 верстъ и поэтому чаще бываютъ случаи потери ярусовъ въ океанѣ.

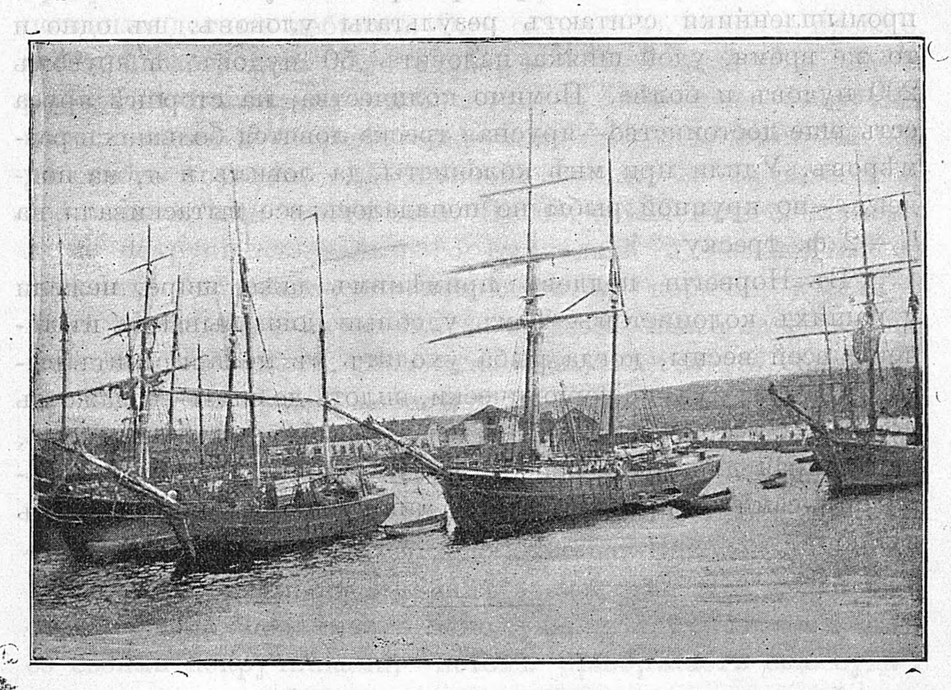
Норвежскіе яруса походятъ на русскіе, лишь по устройству, а въ остальномъ, между ними, лежитъ очевидная разница. Матеріалъ привозится купцами изъ Гамбурга. Снасть бываетъ въ 24 нитки, немного толще спички, но очень крѣпкая; предъ составленіемъ ярусовъ снасть дублится. Каждый тюкъ имѣетъ только 100 крючковъ, а въ ярусѣ 20 тюковъ. Тюкъ обходится въ 6 кронъ (3 р.). Слѣдовательно, въ Норвегіи практикуются яруса меньшихъ размѣровъ, за то тонкіе, удобные и не такіе громоздкіе, какъ наши, выметываемые на разстояніи 10 верстъ.

Кромѣ судовъ и ярусовъ, имѣетъ большое значеніе въ промыслахъ наживочный неводъ, употребляемый для ловли мойвы. Онъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ неводовъ *); имѣетъ веревки, крылья и частую кнею; стоитъ 80 р. Вслѣдствіе каменистыхъ береговъ, неводъ скоро треплется, рвется и, чрезъ три года, является непригоднымъ для лововъ. Имѣть въ такую цѣну неводъ и, притомъ, на сравнительно недолгое время, хозяину, поднимающему 1—2 судна, убыточно,—поэтому неводъ, сплошь да рядомъ, бываетъ достояніемъ нѣсколькихъ хозяевъ.

*) О неводѣ подробно въ особомъ отдѣлѣ.

Къ рыболовнымъ орудіямъ принадлежатъ также ляпъ и клепикъ; первый употребляется для вытаскиванія большой рыбы изъ воды и стоитъ 10 коп., а второй — для разрѣза рыбы, и покупается за 12 коп.

Есть еще одинъ снарядъ для лова рыбы—это уда, состоящая изъ тонкой веревки, съ привязаннымъ на концѣ крючкомъ и грузиломъ; стоимость уды слѣдующая: веревка— 1 р., грузило 20 и крючекъ 5 к. На крючекъ насаживается

Русскія суда въ Вардэ.

рыбка и уда опускается на дно, причемъ удильщикъ постоянно ее поддерживаетъ и, этимъ, приманиваетъ рыбу; послѣдняя старается схватить обманчивую добычу и попадается на крючекъ, чаще бокомъ. Удебный способъ развитъ больше среди мурманскихъ колонистовъ; но пришлые промышленники его избѣгаютъ, хотя онъ, предъ яруснымъ способомъ, имѣетъ нѣсколько преимуществъ. Ловя удой, не надо тратиться на невода, яруса, не надо убивать времени на разыскиваніе и ловлю наживки. Затѣмъ, при штормахъ, удильщикъ быстро собираетъ свой снарядъ и вовремя утекаетъ къ берегу;

тогда какъ съ ярусомъ, промышленники мѣшкаютъ, подвергаютъ жизнь свою опасности, оставляютъ снаряды въ океанѣ, а послѣ долго ихъ разыскиваютъ. Какъ видно, уда имѣетъ довольно существенныя преимущества,—но промышленники говорятъ, что ловить на поддевъ труднѣе; постоянное и продолжительное движеніе мышцъ, крайне утомляетъ человѣка; онъ часто отдыхаетъ и много времени проходитъ даромъ. Главнымъ тормазомъ, въ распространеніи удебнаго способа, промышленники считаютъ результаты улововъ: въ одно и то же время, удой шняка наловитъ 50 пудовъ, а ярусомъ 200 пудовъ и болѣе. Помимо количества, на сторонѣ яруса есть еще достоинство—ярусная треска ловится большихъ размѣровъ. Удили при мнѣ колонисты, да ловилъ и я, на поддевъ,—но крупной рыбы не попадалось; все вытаскивали на $^1/_2$—2 ф. треску.

Въ Норвегіи поддевъ примѣнимъ даже шире, нежели у нашихъ колонистовъ. Тамъ, удебные ловы бываютъ въ теченіе всей весны, когда рыба уходитъ въ мель и стоитъ высоко; затѣмъ, удятъ періодически, вплоть до зимы—и даже въ морозы. На крючекъ надѣвается не рыбка, а свиная кожа, нарѣзанная длинными полосками. Колонисты, удебныхъ снарядовъ, сами не приготовляютъ, а покупаютъ у норвежскихъ купцовъ.

V.

Промысловый бытъ. — Покручникъ. — Кормчій.—Зуй.—Норвежскія артели.

Станы и орудія слишкомъ примитивны; они, споконъ вѣковъ, не подвергались, ни измѣненіямъ, ни усовершенствованіямъ; съ ними, поморское населеніе, такъ свыклось и сроднилось, что станъ, шняка и ярусъ, такъ же для него дороги, какъ дороги семья и хата.

Поморы идутъ на Мурманъ по влеченію, унаслѣдованному отъ отцевъ и дѣдовъ; это влеченіе они, конечно, передадутъ и своему малолѣтнему поколѣнію, которое ежегодно

ходитъ съ ними въ качествѣ зуевъ и привыкаетъ ко всѣмъ тяжелымъ и суровымъ сторонамъ промысловъ.

Слѣдовательно, нынѣшніе хозяева и покручники—тѣже бывшіе зуи, а въ особенности, вторые. Не безъинтересны переходныя степени—отъ зуя къ хозяину. Ходитъ мальчикъ на Мурманъ и несетъ дѣтскія обязанности на берегу, за ничтожную плату. Сдѣлавшись совершеннолѣтнимъ, онъ уже прекрасный пловецъ, отважный морякъ и закаленный ходокъ по лапландскимъ дебрямъ. Онъ садится въ судно и, прежде всего, играетъ роль наживщика, т. е. насаживаетъ на крючки рыбку, и, въ большинствѣ случаевъ, становится покручникомъ. Спустя 2—3 года, покручникъ садится въ весла или работаетъ ярусомъ, т. е. прежній наживщикъ обращается въ весельщика или въ тяглеца. Здѣсь, самая важная ступень. Если покручникъ малый со смѣкалкой и несклонный къ людскимъ порокамъ, то попадаетъ въ кормчіе, а если за нимъ нѣтъ этихъ качествъ, то остается навсегда весельщикомъ или тяглецомъ, обязательно опускается въ покрутъ и находится въ вѣчной кабалѣ у хозяина. Но допустимъ, что онъ выйдетъ въ кормчіе; тогда ему подчиняются прочіе рабочіе на суднѣ,—онъ получаетъ больше всѣхъ за покрутъ и начинаетъ копить деньжонки, чтобы обзавестись судномъ и снастями, т. е., одинъ шагъ до хозяина. Наконецъ, кормчій, когда то ходившій на Мурманъ зуемъ, дѣлается хозяиномъ; онъ, сначала, поднимаетъ одно судно и ѣздитъ на ловы самъ, со своими покручниками,—потомъ пріобрѣтаетъ еще суда и остается уже на берегу, ведя рыбопромышленныя дѣла съ купцами.

Теперь ознакомимся поближе съ этимъ людомъ.

Какъ извѣстно, покручникъ идетъ на промыселъ уже задолжавшимъ; въ теченіе того времени, когда онъ живетъ дома, хозяинъ даетъ ему деньгами 100 р. и на 70 — 120 р. разнаго товара, который ставится по слѣдующимъ цѣнамъ: куль ржаной муки 8 р., пшено за пудъ 2 р., овсяная крупа 1 р. 80 к., чай 1 р. 80 к. фунтъ, сахаръ 20 к. фунтъ, ситецъ 11—12 к. аршинъ, холстъ (кикъ) 18 — 20 к. аршинъ, сѣрое сукно 2 р. аршинъ, кожа на одни бахилы (длинные сапоги) 5 р. Кромѣ того, хозяинъ уплачиваетъ за покручника

подати, не болѣе 3 р. Означенныя суммы даются впередъ, на весенній промыселъ вмѣстѣ съ лѣтнимъ, а на лѣтній съ осеннимъ получается покручниками незначительный задатокъ 30—40 руб.

Придя на Мурманъ, покручники, въ теченіе всего промысла, получаютъ, за исключеніемъ одежды, все отъ хозяина, а именно: помѣщеніе, суда, снасти, амбары, соль для посолки рыбы, топливо, продовольствіе и пр. Какъ за прежнее иждивеніе, такъ и за это, покручники отдаютъ хозяину $^2/_3$ всего улова, оставляя себѣ $^1/_3$, т. е. при шняковомъ составѣ (4 чел.), на одного человѣка $^1/_{12}$ часть, причемъ обязываются свою долю продавать также хозяину. Впрочемъ, подобныя условія существуютъ только между хозяиномъ и такими покручниками, которые промышляютъ на шнякѣ, а работающіе на елахъ получаютъ, вмѣсто $^1/_2$ доли, каждый по своимъ обязанностямъ и заслугамъ, отдѣльное за весь промыселъ вознагражденіе: кормчій 40—60 р., тяглецъ 35—55 р., весельщикъ 20—30 р. *). Относительно же наживщика, слѣдуетъ сказать, что на елѣ полагается только три покручника, а наживщика вовсе нѣтъ. Поэтому ярусъ наживляется не во время забрасыванія, а у стана, этими же тремя работниками. Среди покручниковъ, на каждомъ суднѣ, старшимъ считается кормчій; онъ командуетъ судномъ и всѣ должны его слушаться. Въ кормчіе выбирается человѣкъ, пробывшій много лѣтъ на морѣ, изучившій подробно всѣ нравы рыбы, примѣнившійся ко всѣмъ морскимъ примѣтамъ,—словомъ, такой, который, такъ сказать, прошелъ рыболовную технику всю насквозь. За свое искусство, кормчій, если онъ на елѣ, получаетъ жалованья больше противъ своихъ товарищей, а на шнякѣ, сверхъ обычной доли, ему даетъ хозяинъ еще половину покрута и „свершонокъ", не болѣе 40 р. По разсчету приходится такъ: если покрутъ упалъ на 75 р., то каждый изъ рыбаковъ получаетъ по 75 р.; кромѣ того, кормчій—половину пая, 37 руб. 50 к. и свершонокъ, 40 руб., а всего 152 р. 50 к.

---

*) Карбасные покручники промышляютъ лѣтомъ, а не весною, поэтому о нихъ будетъ сказано своевременно.

У одного и того-же хозяина, покручники держатся по 10 лѣтъ, безсмѣнно, очень рѣдко, а чаще лѣтъ 5—7; обыкновенно же 1—2 года.

Разсчитываетъ хозяинъ покручниковъ въ Архангельскѣ, послѣ продажи рыбы на Маргаритинской ярмаркѣ; но, къ выдачѣ на руки часто приходится не весь покрутъ, такъ какъ покручникъ, въ счетъ него, забираетъ разныхъ продуктовъ, еще будучи на промыслахъ.

Зуй—это мальчикъ 8—15 лѣтъ. Когда промышленники на ловахъ, зуи оставляются въ становищахъ на произволъ судьбы, отчего они бѣгаютъ, шалятъ, дерутся и, конечно, безъ присмотра, привыкаютъ ко всѣмъ проказамъ, какія только могутъ придти въ дѣтскую голову. По возвращеніи покручниковъ, зуи сначала согрѣваютъ воду для чая и наблюдаютъ за варкою пищи, а затѣмъ, садятся отвивать тюки. Отвить тюкъ—значитъ, открутить орестегу отъ снасти. Въ океанѣ, орестега, вслѣдствіе движенія прибылой и убылой воды, а также попавшейся на крючекъ рыбы, закручивается вокругъ снасти и, чтобы снова выметать ярусъ, надо расправить орестегу, отдѣлить ее отъ ярусной веревки. За каждый отвитый тюкъ, зуй получаетъ по 5 коп. или по одной рыбинѣ. Въ теченіе одной воды (6 часовъ), зуй въ состояніи отвить 15—30 тюковъ. Впрочемъ, рабочіе часы не опредѣляются. Иногда, чтобы не пропустить лова, отвить яруса требуется скоро и зуи работаютъ цѣлыми сутками, съ малыми передышками, въ которыя они успѣютъ уснуть не болѣе 2—3 часовъ. Бойкій и смышленный зуй, во время промысловъ, можетъ заработать до 30 р. Въ Норвегіи покручниковъ нѣтъ; тамъ ловятъ на артельныхъ началахъ.

Хотя на норвежской елѣ трое промышленниковъ, но ловъ дѣлится на 4 равныя части, причемъ одна часть полагается хозяину судна, не смотря на то, что онъ, и не принималъ участія, въ ловѣ. Рыбу промышленники привозятъ на берегъ, сдаютъ купцамъ, получаютъ отъ нихъ деньги; далѣе, они, ни въ какія дѣла, не вступаются.

Зуи въ Норвегіи тоже есть, но, отчасти, ихъ замѣняютъ и женщины. Мальчики и женщины получаютъ тамъ, за отвивку тюковъ по 30 коп. съ каждыхъ 500 крючковъ.

VI.

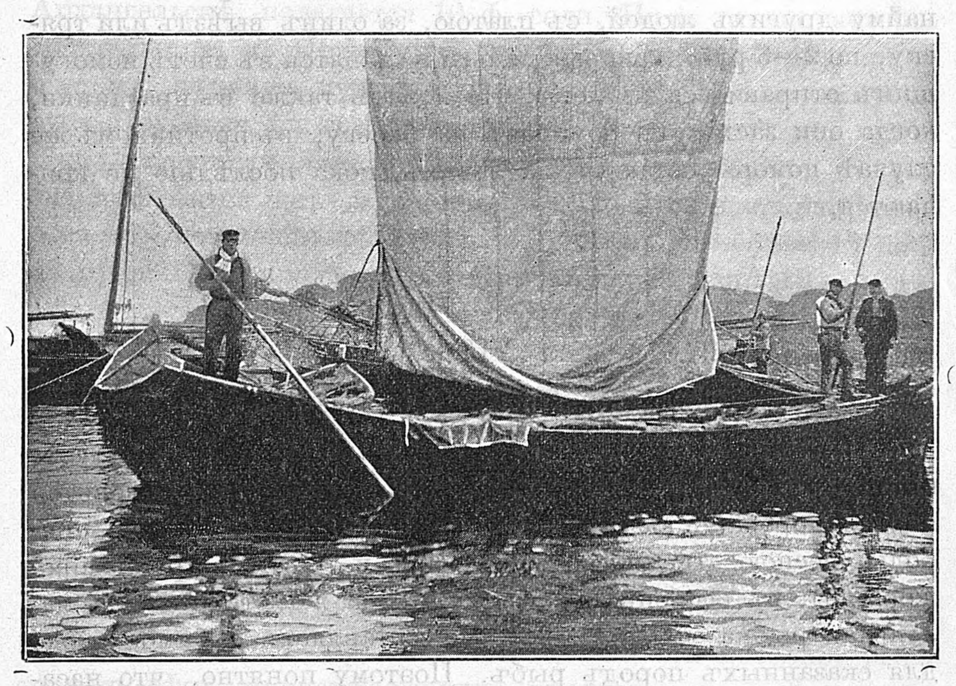
Ловъ рыбы.

Прежде всего, промышленники отыскиваютъ у береговъ мойву и ловятъ ее неводами; затѣмъ привозятъ эту наживку въ становище и собираются въ океанъ. Выѣзды на уловы бываютъ при извѣстныхъ условіяхъ. Здѣсь, главную роль играетъ вѣтеръ. Въ тихую погоду, вода прибываетъ 7—9 футовъ *), а при вѣтрѣ больше. Поэтому, безвѣтренная погода называется маловодьемъ или, какъ говорятъ поморы, море „остеклѣло“. При тихой погодѣ, судно выѣзжаетъ въ океанъ и въ прибылую, и въ убылую воду, но во время вѣтра, судно отправляется только тогда, когда онъ попутный, а въ противный—ни одно судно не двинется съ мѣста. Если ѣдетъ ела, то, предъ отправкой, наживляютъ ярусъ у стана и на судно несутъ его въ корзинѣ или ящикѣ; на шнякѣ же ярусъ наживляется особымъ наживщикомъ, при самомъ забрасываніи. Судно отъѣзжаетъ отъ берега на такое разстояніе, какое желательно кормщику,—но, во всякомъ случаѣ, не далѣе 30 верстъ. Глубина, на которой выметывается ярусъ, полагается различная, — для шняковаго 30—150 саж. и для ельнаго 30—120 с. Кормщикъ смотритъ на берегъ, дѣлаетъ примѣты и, по своей опытности, опредѣляетъ точку, на которой приказываетъ бросать первый побережный якорь—увлекающій въ воду часть яруса и ногу; къ ногѣ, вверху, привязывается кубасъ, а затѣмъ, продолжаютъ выметывать ярусъ; при этомъ, судно медленно подвигается въ голымень на веслахъ, а во время вѣтра въ паруса. На срединѣ яруса забрасывается средній якорь съ ногой и кубасомъ; затѣмъ выметывается остальная часть яруса и забрасываются стоялый якорь, съ третьимъ кубасомъ. Когда снасти погружены, покрученики отдыхаютъ или ложатся спать, отчего это время получило названіе „лежки“. Весною въ „лежкѣ“ поморы обрѣтаются отъ 3 до 6 часовъ и говорятъ, что „лежали одну

---

*) Съ 12 ч. дня до 6 ч. веч. убываетъ, съ 6 ч. веч. до 12 ч. ночи прибываетъ; съ 12 ч. ночи до 6 ч. у. убываетъ; съ 6 ч. у. до 12 ч. дня прибываетъ.

воду“. Послѣ „лежки“ начинаютъ тянуть ярусъ. Тяглецъ беретъ снасть и тянетъ по колесу, причемъ попавшуюся рыбу снимаетъ, при помощи палочки-трещотки, и бросаетъ въ чердакъ. Въ это время, наживчикъ убираетъ ярусъ, складываетъ или „глушитъ“ его, т. е. помѣщаетъ орестеги отдѣльно другъ съ другомъ и завязываетъ на нихъ крючки, чтобы не путали снастей. Пріѣхавъ съ лова, промышленники варятъ уху, кашу и согрѣваются чаемъ. Послѣ этого начинаютъ раздѣлывать рыбу. Тяглецъ отрѣзываетъ головы, вынимаетъ

Шняка, отправляющаяся на ловъ въ океанъ.

языки, пластаетъ и вѣшаетъ для сушки на колья; потомъ эти части рыбы, въ сушеномъ видѣ, продаются по 80 к.— 1 р. 20 к. за пудъ колонистамъ, для корма скота. Головы вѣсятъ тюками, обыкновенно въ 2 пуда. Туловище рыбы поступаетъ къ кормщику, который, клепикомъ, по длинѣ всего хребта, дѣлаетъ надрѣзъ такъ, что половины держатся на брюшной части. Тогда кормщикъ легко отдѣляетъ внутренности и вырѣзаетъ вязигу. Рыбу подбираетъ весельщикъ и несетъ для соленія въ амбаръ, а если грузится

судно, то прямо въ него; внутренности же беретъ наживщикъ и отдѣляетъ печень или воюксу и складываетъ въ особыя бочки. Кишки выбрасываются въ воду и тутъ, же, подхватываются чайками, которыя никогда не прозѣваютъ добычи.

Выше сказано, что выѣздъ судна зависитъ отъ состоянія погоды; но есть и другія, побочныя причины, а именно: недостатокъ наживки, болѣзни и пьянство покручниковъ. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ, хозяева иногда прибѣгаютъ къ найму другихъ людей, съ платою, за одинъ выѣздъ или тряску, по 2—5 руб., каковыя деньги и ставятся въ счетъ немогущимъ отправиться на ловы. Не ловятъ также въ праздники, когда они застанутъ поморовъ на берегу; въ противномъ же случаѣ поморы остаются на ловахъ, пока послѣдніе не кончаются.

VII.

Уловъ.—Заколка.—Рунтовка.

На яруса попадается разная рыба—треска, палтусъ, пикшуй, зубатка, камбала; но, главнымъ образомъ, ловится первая порода. Указанныя рыбы, влекомыя закономъ природы, весною стремятся къ берегамъ и бываютъ крайне прожорливы, въ особенности треска. Туда же стремится и маленькая рыбка мойва *), которая составляетъ любимое блюдо для сказанныхъ породъ рыбъ. Поэтому понятно, что насаженная на крючекъ мойва служитъ хорошей приманкой для хищной рыбы.

Въ теченіе весеннихъ промысловъ, шняка и ела выловятъ слѣдующее количество рыбы:

СУДА.	Треска, зубчатка, камбала.	Палтусъ.	Пикшуй.
	Въ	пудахъ.	
Шняка. . . .	1,200	25	400
Ела	800	10	200

---

*) О мойвѣ и, вообще, о наживкѣ будетъ отдѣлъ ниже.

Въ разъясненіе этой таблицы, слѣдуетъ сказать, что, по количеству вылавливаемой рыбы, первое мѣсто принадлежитъ трескѣ, потомъ пикшую; остальная рыба ловится въ гораздо меньшемъ размѣрѣ.

Зубатку и камбалу поморы не отдѣляютъ, а какъ онѣ стоятъ въ одинаковой цѣнѣ съ треской, то и показываютъ ихъ вмѣстѣ съ послѣдней. Эта рыба солится въ амбарахъ и судахъ кострами—положатъ рядъ рыбы и посыпаютъ солью и т. д. На одинъ пудъ трески и пикшуя, для продажи въ Архангельскѣ, полагается 10 ф. соли. Но та треска, которая доставляется, въ Петербургъ, требуетъ крѣпкой засолки и, поэтому, на одинъ пудъ кладутъ 13—15 ф. Для засолки палтуса и зубатки употребляютъ 15—18 ф. соли на одинъ пудъ.

Соль употребляется исключительно англійская горная; она привозится изъ заграницы и обходится нашимъ хозяевамъ, съ покупкой, фрахтомъ и доставкой, не болѣе 15 коп. съ пуда. Соль продается на Мурманѣ съ судовъ 18 к. пудъ, а выгруженная и сложенная въ амбарахъ по 35—40 коп. Если сказать, что выгрузка соли стоитъ 3 коп. съ пуда, то слѣдуетъ удивляться, почему установилась такая удвоенная разница между судовой и береговой солью? Я спрашивалъ объ этомъ солеторговцевъ, но они мнѣ только и могли отвѣтить, что „такъ принято продавать". У кого, какъ и почему „принято"—неизвѣстно. Фактористовъ-солеторговцевъ въ становищахъ (не въ каждомъ) одинъ—два; поэтому не мудрено, что соляная торговля стоитъ внѣ всякой конкуренціи и объявляются на соль произвольныя цѣны. Отъ посолки, рыба теряетъ вѣсъ, причемъ разница именуется утечкой и опредѣляется въ 20%. Чтобы отправить рыбу въ Архангельскъ на чужомъ суднѣ, владѣлецъ рыбы платитъ фрахтъ, въ размѣрѣ 10 коп. съ пуда.

Рыбу солятъ слѣдующимъ простымъ способомъ: кровь отъ рыбы не отдѣляется, оставляются маленькія частицы внутренностей, сама рыба валяется гдѣ попало, волочится, не промывается и, отъ этого, бываетъ невкусная и крайне вонючая.

Есть другой способъ соленія рыбы, преимущественно трески. При этомъ способѣ, треска получается чистая, безъ

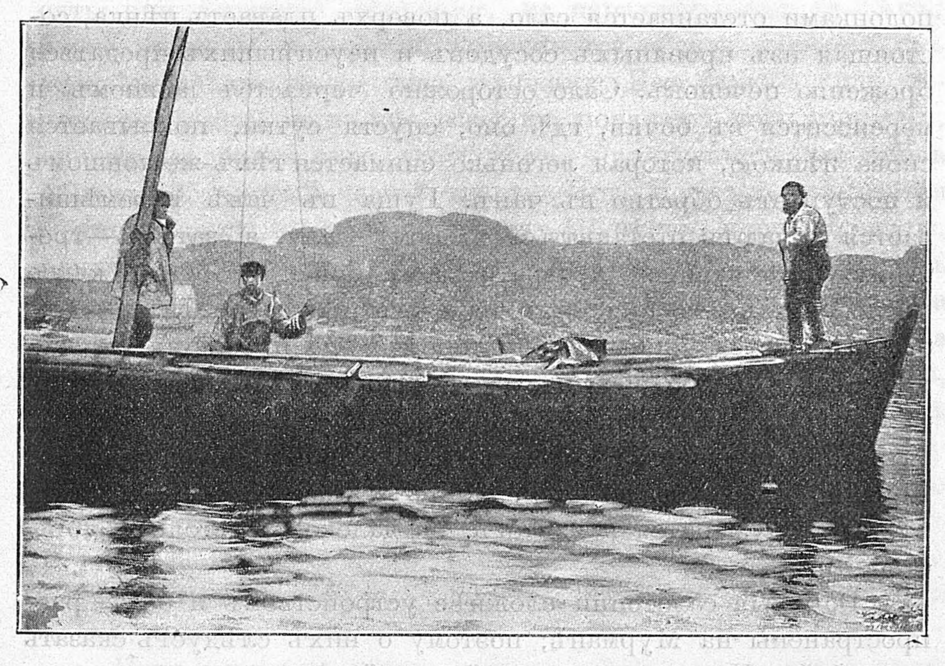
запаха, вкусная. Рыба разрѣзается также вдоль спины, вынимается хребетная кость, очищается не только отъ кровеносныхъ сосудовъ, но даже удаляются разныя жилки и пленки и, въ результатѣ, тщательно промывается. Затѣмъ треска солится не сухою солью, а опускается въ разсолъ, отваренный съ разными пряностями. Посоленная такимъ способомъ треска становится дороже на ½ коп. съ фунта. Такой способъ, въ отличіе отъ норвежскаго лабардана, называется „русскимъ лабарданомъ"; но онъ совсѣмъ не развитъ на Мурманскомъ берегу, такъ какъ отнимаетъ много времени и требуетъ лишнихъ рабочихъ силъ. Треску-лабарданъ я видѣлъ въ Гавриловѣ, у промышленника Васильева; она лежала въ бочкахъ, чистая, сочная, мягкая. Я ѣлъ эту треску въ вареномъ видѣ и мнѣ она показалась довольно вкусной, безъ всякаго специфическаго запаха—и, несомнѣнно, русскій лабарданъ вполнѣ можетъ конкурировать съ нѣкоторыми солеными рыбами нашихъ южныхъ водъ. Только, какъ говорятъ, онъ скоро портится и протухаетъ; если это правда, то, при усовершенствованіи способа, вѣроятно, возможно будетъ избѣгнуть органическихъ разложеній въ рыбѣ, увеличивая, для посолки, количества обыкновенной соли и прибавляя въ нее другія соли, застраховывающія рыбу отъ гніенія.

Есть еще дешевый способъ приготовленія вкусной, соленой трески, изобрѣтенный нѣкіимъ г. Наданскимъ. Послѣдняго я спрашивалъ объ этомъ способѣ, но онъ мнѣ сказалъ только о томъ, какая отъ него получается треска, а самый способъ скрылъ. У него, въ октябрѣ прошлаго года, подано въ департаментъ торговли и мануфактуръ прошеніе, о полученіи привиллегіи на изобрѣтеніе, и вотъ, когда онъ достигнетъ искомаго, то откроетъ этотъ секретъ во всеобщее свѣдѣніе Мурманскаго края.

Кромѣ соленія, рыбу вялятъ и, тогда, даютъ ей названіе рунтовки. Рыба разрѣзается пополамъ, вынимается позвоночная кость, совершенно освобождается отъ присутствія нетѣльныхъ веществъ и заботливо промывается въ водѣ. Потомъ ее связываютъ хвостами и, повѣсивъ на колья, сушатъ на солнцѣ. Готовая рунтовка тюкуется и отправляется на иностранные рынки. Впрочемъ, съ русскаго берега ея выходитъ

мало, такъ какъ она приготовляется двумя-тремя хозяевами въ Гавриловѣ, да, пожалуй, столько-же хозяевъ приготовляютъ ее еще въ двухъ-трехъ становищахъ.

Норвежскій лабарданъ подходитъ подъ рунтовку. Треска ловится для него на сѣверо-востокѣ,—также разрѣзается, солится и увозится на югъ. Тамъ, она сушится на землѣ и разстилается днемъ какъ ленъ, а къ вечеру собирается въ кучи. Такъ продѣлываютъ съ треской въ теченіе 1—2 мѣсяцевъ, а затѣмъ, ее упаковываютъ и отправляютъ на рынки Италіи, Испаніи и Франціи.

Е л а.

VIII.

Салотопни—простыя, водяныя и паровыя.

Послѣ раздѣлки рыбы, какъ извѣстно, остается макса, которая продается на салотопные заводы, принадлежащіе исключительно крупнымъ промышленникамъ. Въ бытность мою на Мурманскомъ берегу, максу продавали по 1 р. 25 к. пудъ. Салотопни бываютъ трехъ родовъ: простыя, водяныя,

и паровыя, причемъ послѣднія, какъ болѣе удобныя и выгодныя, стали примѣняться сравнительно недавно. Простая салотопня—это самое немудрое заведеніе, существующее на Мурманѣ съ давнихъ временъ. Берутъ чанъ или обрѣзъ и кладутъ въ него максу разной рыбы, плохо очищенную и совсѣмъ непромытую. Тамъ, она на солнцѣ квасится, смотря по погодѣ, 2—5 недѣль, т. е. въ это время, подъ вліяніемъ воздуха и солнечной теплоты, происходитъ броженіе максы. Чрезъ извѣстное время, на дно осѣдаютъ максовыя ткани, попавшіяся кишки и другія болѣе тяжелыя вещества. Надъ подонками отстаивается сало, а поверхъ плаваетъ пѣнка, состоящая изъ кровяныхъ сосудовъ и неуспѣвшихъ предаться броженію печенокъ. Сало осторожно черпается ковшомъ и переносится въ бочки, гдѣ оно, спустя сутки, покрывается снова пѣнкою, которая легонько снимается тѣмъ-же ковшомъ и поступаетъ обратно въ чанъ. Гуща въ чанѣ перемѣшивается и даютъ отстаиваться второму салу, а затѣмъ—третьему, пока гуща не превратится въ такое состояніе, какое не подаетъ болѣе никакихъ надеждъ на новое сало. Сало это называется чернымъ сыротопомъ; оно продается въ Архангельскѣ, а большею частью въ Норвегіи и стоитъ по 3 р. за пудъ; тамъ-же продается и гуща, по 30—40 к. за пудъ. Сыротопа получается, вѣсомъ, на половину меньше максы. Конечно, макса разлагается, гніетъ и вся эта каша въ чану бурлитъ, пузырится и издаетъ, на далекое разстояніе, убійственную вонь.

Водяныя салотопни сложнѣе устройствомъ и болѣе распространены на Мурманѣ; поэтому о нихъ слѣдуетъ сказать подробнѣе. Устроенъ досчаной сарай, какъ говорится, на живую нитку, съ громадными щелями, размѣрами 2—4 саж. Сарай покрытъ также тесовой крышей, на одинъ скатъ. Въ немъ сложена печь, на которой стоитъ бѣлаго желѣза котелъ, высотою въ 1½, въ діаметрѣ 1¼ ар., вмѣщающій 12 ведеръ максы. Стѣнки котла пустыя, толщиною въ 1¼ вершка, куда вливается вода. Макса кладется исключительно отъ трески, свѣжая, хорошо очищенная. Когда въ котелъ положатъ достаточное количество максы, затопляютъ печь и нагрѣваютъ воду отнюдь не выше 45°,—иначе сало получится

красное, а настоящее должно быть желтое, янтарное. Вода согрѣваетъ максу и, черезъ 3½ часа, начинаетъ выдѣляться сало. Изъ котла сало берутъ ковшомъ и чрезъ воронку вливаютъ въ бочку, вмѣстимостью въ 6½ ведеръ или 6$^1/_2$ пудовъ. Эта бочка—деревянная, а въ срединѣ ея, вставлена цинковая, съ винтообразной мѣдной пробкой. Въ котлѣ остается довольно сальная жижа, изъ которой выгоняется тоже сало, особымъ способомъ. Жижа, называемая бардой, вываливается изъ котла въ рѣдкіе парусинные мѣшки, величиною и формою совершенно сходные съ сахарной головой. Мѣшковъ десять; они держатся обручами, на параллельныхъ кольяхъ; барда въ нихъ сжимается, уплотняется и сало стекаетъ въ желобъ, подложенный подъ мѣшками. Изъ желоба сало течетъ въ бадью; но въ нее, все-таки, попадаетъ соръ; поэтому, сливая изъ бадьи сало въ котелъ, пропускаютъ его чрезъ обручъ, обтянутый частой тканью. Подобное сало называется медицинскимъ; его получается, изъ 3$^1/_2$ пудовъ хорошей максы, одинъ пудъ. Бочки съ медицинскимъ саломъ сбываются въ Вардэ по 40 руб. (6 р.—6 р. 15 к.) за штуку, причемъ, за доставку каждой бочки уплачивается по 1 р. 50 к. Барда изъ мѣшковъ вываливается въ чаны, гдѣ она, на солнцѣ, квасится,—и отстаивается другой сортъ сала, котораго, кромѣ 1 пуда медицинскаго, получается $^1/_2$, и оно уже хуже и темнѣе. Второй сортъ сливается въ простыя бочки, безъ цинка, вмѣщающія также по 6$^1/_2$ ведеръ. Темное сало сбывается по 3 р.—3 р. 50 к. за пудъ, въ Архангельскѣ и Норвегіи. Отъ барды остаются шквары, которыми набиваются 10-ти пудовыя бочки; шквары сбываются тамъ же, по 30—40 к. за пудъ.

Паровыхъ салотопенъ на Мурманѣ немного. Заводъ представляетъ прочное деревянное зданіе; по срединѣ стоитъ продолговатая желѣзная печь, съ топкой и паровымъ котломъ. Изъ котла, паръ проходитъ, по трубамъ, въ котлы съ максой, стоящіе тутъ же рядомъ. Посредствомъ пара, сало начинаетъ выдѣляться чрезъ 20 минутъ. Паровая салотопня даетъ медицинское сало; съ остатками же происходитъ то-же, что и въ водяныхъ салотопняхъ.

Всѣ эти салотопни, я осматривалъ во время ихъ дѣйствія и пришелъ къ тому убѣжденію, что паровыя, безспорно,

производятъ сало скорѣе, удобнѣе,—но онѣ очень дороги и, мелкимъ хозяевамъ не по карману. Самыя подходящія—и по средствамъ, и по удобствамъ—это водяныя салотопни, которыя, вѣроятно, на Мурманѣ, и получатъ развитіе, шире другихъ.

Печенокъ отъ рыбы получается 10%; слѣдовательно, отъ весенняго шняковаго улова, ихъ будетъ 160 пудовъ. Если изъ этого количества максы, выгнать черный сыротопъ, то онъ выразится въ 80 пудахъ, которые продадутся за 240 р.; кромѣ этого, выручится отъ шквары 20 р., всего 260 руб. Чтобы купить означенное количество максы, надо заплатить 200 р., да за провозъ бочки и рабочимъ 20 р. Чистаго дохода заводчикъ получитъ 40 р.

Если топить сало на водяномъ заводѣ, то получится: приходъ—медицинскаго сала 46 пудовъ, по 6 р. за пудъ—276 р., 24 п. темнаго, по 3 р. за пудъ—72 р. и 20 р. за шквару, всего 368 р.; расходъ—200 р. за максу и 68 р. за провозъ, бочки, ввозную пошлину и рабочимъ, всего 268 р. Вычитая расходъ изъ прихода, заводчикъ получитъ чистой прибыли 100 рублей.

Такую-же прибыль получитъ и паровая салотопня.

Поэтому выгодность водяныхъ и паровыхъ салотопенъ, предъ простыми, очевидна; но я уже говорилъ, что паровая салотопня многимъ поморамъ не по средствамъ, а вмѣсто простой, завести водяную, иные не могутъ потому, что не ведутъ торговли съ Норвегіей и сбываютъ сало, какъ сбывали старики, въ Архангельскѣ, гдѣ, на рынкахъ, медицинскаго сала требуется немного, а идетъ преимущественно сыротопъ.

IX.

Выгодность промысла.—Заработокъ покручника.

На Мурманѣ промышляютъ хозяева мелкіе и крупные. Первые владѣютъ только промысловыми судами, отбираютъ рыбу отъ своихъ покручниковъ и солятъ,—но, за неимѣніемъ мореходныхъ судовъ и, вообще, достаточныхъ средствъ для представленія товара на рынки, продаютъ ее крупнымъ промышленникамъ.

Въ рукахъ вторыхъ, сосредоточено все—они, и промышленники, и рыботорговцы, и салотопные заводчики, и соле торговцы, и фактористы. Они всѣмъ снабжаютъ мелкихъ промышленниковъ, мѣняя, преимущественно, свой товаръ на рыбу; безъ нихъ, какъ они выражаются, Мурманъ былъ бы буквально мертвымъ краемъ.

Интересно знать, какіе барыши даетъ Мурманъ этимъ двумъ промышленнымъ элементамъ и что зарабатываетъ покручникъ. Возьмемъ сначало мелкаго промышленника, потомъ крупнаго и покручника.

Весною, цѣны на рыбу по Мурману стояли, за пудъ, слѣдующія: треска и проч. 50—75 (средняя 63 коп.), палтусъ 1 р.—1 р. 50 (ср. 1 р. 25 к.) и пикшуй 30—40 (ср. 35 к.). Промышленникъ, поймавъ въ теченіе весенняго промысла, на одной шнякѣ, 1200 п. трески, 25 п. палтусины и 400 п. пикшуя, продаетъ эту рыбу на такую сумму: треску за 756 р., палтусъ 31 р. 25 к. и пикшуй 140 р. Кромѣ того, отъ это рыбы, онъ получитъ 160 п. максы, которая дастъ ему 200 р. Слѣдовательно, шняка выручитъ 1,127 р. 25 к., а для удобнаго счета скажемъ 1,128 р. Изъ этой суммы, хозяинъ получаетъ $^2/_3$, т. е. 752 р., а остальная часть дѣлится на четверыхъ покручниковъ—и покрутъ выразится въ 94 р.

Теперь приведемъ расходъ шняки, во время весеннихъ и лѣтнихъ промысловъ*).

Кромѣ равнаго пая, кормчему половина пая	47 р.
Ему-же свершонокъ	40 „
На поправку и убытокъ отъ употребленія шняки, вооруженіе и посуды	25 „
На починку и потерю ярусовъ и вообще рыболовныхъ снарядовъ	150 „
На продовольствіе 4 покручниковъ:	
1) 50 пуд. печенаго хлѣба	50 „
2) мѣшокъ пшена	10 „
3) овсяной крупы 1 п.	2 „
4) коровьяго масла $^1/_2$ п.	6 „

*) Общій расходъ обоихъ промысловъ, промышленники сообщили мнѣ на томъ основаніи, что покрутъ у нихъ бываетъ совмѣстный, на весенній и лѣтній промыслы.

На наемъ помѣщенія и отопленіе:

1) помѣщеніе . . . . 10 „

2) дровъ 7 саж. . . . . 42 „

За сохраненіе снарядовъ во время зимы. . 3 „

На обѣдъ, при отправленіи покручниковъ на Мурманъ. . . . . 20 „

На дорогу покручникамъ, отъ Расноволоцкой станціи до становища . . . . 16 „

На содержаніе ихъ, во время пути . . . 10 „

На пай, при пользованіи мойвочнымъ неводомъ 20 „

Въ уплату податей . . . . 3 „

На мелочные расходы . . . . 3 „

На покрутъ, въ средней суммѣ . . . . . 780 „

Итого . . 1237 р.

Изъ вышесказаннаго видно, что промышленникъ, при своемъ суднѣ, ярусѣ и капитанѣ, израсходуетъ, въ теченіе 5 мѣсяцевъ 1,237 р., а получитъ отъ улова, лишь 75 р. Такимъ образомъ, промышленникъ, при весеннемъ промыслѣ, останется съ убыткомъ въ 485 р. Слѣдовательно, отъ лѣтнихъ уловов, онъ долженъ ожидать не только барышей, но и той выручки, которая покрыла бы убытокъ отъ весеннихъ промысловъ.

Теперь посмотримъ, сколько получитъ выгоды, отъ купли шнякового улова, крупный промышленникъ. Купленную рыбу онъ посолитъ и получитъ отъ нея, по усушкѣ 20%, слѣдующее количество: 960 пуд. трески, 20 п. палтуса и 320 п. пикшуя. На посолку рыбы израсходуетъ 409 п. соли, каковые, считая по 15 к. пудъ, стоятъ 16 р. 35 к. За фрахтъ заплатитъ по 10 к.*) съ пуда — 130 р., итого израсходуетъ 191 р. 35 к. Кромѣ того, заплатитъ за рыбу 972 р. 25 к., — всего 1118 р. 60 к.

Въ Архангельскѣ, весною, на соленую рыбу стояли слѣдующія цѣны: треска и пр. 75 к. — 1 р. 5 к. (ср. 90 к.),

*) Такой фрахтъ — отъ Мурмана до г. Архангельска; но въ иные пункты фрахтъ дороже. Г. Савинъ фрахтуетъ суда въ Ригѣ, каковыя плаваютъ подъ русскимъ флагомъ, вмѣстимостью 10—15 т. пудовъ, платя за навигацію 32 к. съ пуда, а за годъ — 35 коп.

палтусъ 2 р.—2 р. 80 к. (ср. 2 р. 40 к.) и пикшуй 70—85 к. (ср. 78 к.).

Продавъ рыбу по среднимъ цѣнамъ, промышенникъ получитъ: за треску 864 р., палтусъ 48 р. и пикшуй 249 р. 60 к., всего 1,062 р. 60 к. Независимо отъ этого, онъ получитъ чистой прибыли отъ трескового жира 40 р. или 100 р. Но допустимъ; что онъ получитъ меньшую сумму 40 р. и поэтому приходъ выразится въ 1,102 р. 60 к. Принимая въ соображенiе расходъ 1,118 р. 69 к., получится убытокъ въ 16 р. Само собою разумѣется, крупный промышленникъ рукъ не приложитъ къ подобной операцiи,—тутъ, надо искать иной выгоды, негласной, хотя бы, напримѣръ, такой: крупный промышленникъ покупаетъ рыбу у мелкаго, не на чистыя деньги, а по условiю, на половину задавываетъ ему товаромъ, для содержанiя покручныхъ артелей и, при этомъ, товаръ ставитъ дороже въ два раза. Положимъ, шняка заберетъ на 400 р. товара,—тогда 150 руб. смѣло останется въ пользу крупнаго промышленника. Вотъ, эта сумма, главнымъ образомъ, и составляетъ чистую црибыль. Вообще, какъ говорили мелкiе промышленники, если покупать товару на 400 руб., то приходится непремѣнно передавать 25% (100 р.) противъ цѣнъ, какiя стоятъ у вольныхъ фактористовъ, у которыхъ промышленникъ не находится въ зависимости. Лучше всего можетъ убѣдить въ этомъ, слѣдующая таблица цѣнъ:

У фактористовъ:	Хлѣбъ.	Пшено.	Овсяная крупа.	Коровье масло.	Дрова. Маховая сажень.	Дрова. Печатная сажень.
	За пудъ.			За фун.		
покупателей рыбы .	1 р.	2 р. — к.	1 р. 80 к.	30 к.	6 р.	7 р.
непокупателей. . .	80 к.	1 „ 60 „	1 „ 50 „	28 „	5 „	6 „

Что же касается покручника, то заработокъ его очевиденъ; онъ не знаетъ никакихъ расходовъ на ловы, кромѣ своихъ личныхъ, и получаетъ отъ хозяина покрутъ въ концѣ промысла,—но въ какомъ размѣрѣ, будетъ сказано своевременно.

Итакъ, во время весеннихъ промысловъ, только одинъ мелкiй промышленникъ остается въ убыткѣ; но при лѣт-

нихъ уловахъ, какъ мы увидимъ ниже, и этотъ промысловый элементъ закончитъ дѣла свои съ прибылью.

Такимъ образомъ, въ нашихъ становищахъ привезенная рыба, на берегу раздѣлывается и солится самими же рыбаками, тогда какъ въ Норвегіи это дѣло поставлено иначе. Тамъ, на берегу, у каждаго купца имѣются засольщики—люди совершенно отдѣльные отъ рыбаковъ; они раздѣлываютъ рыбу, сушатъ и солятъ. Засольщики служатъ на хозяйскихъ харчахъ, по 4 мѣсяца, и получаютъ ежемѣсячно по 40—50 руб. За послѣднее время, норвежскіе купцы стараются нанимать больше опытныхъ кореловъ, которые берутъ 30—35 руб. и притомъ, невзыскательны на пищу; они питаются одной треской; норвежцы же, изъ рыбъ, ѣдятъ только окуней и требуютъ свинину и даже кофе. Наблюдаютъ за посолкой и сушкой рыбы приказчики, которые получаютъ до 100 руб. въ мѣсяцъ и живутъ наравнѣ съ хозяевами, имѣя, вмѣстѣ, и столъ, и помѣщеніе.

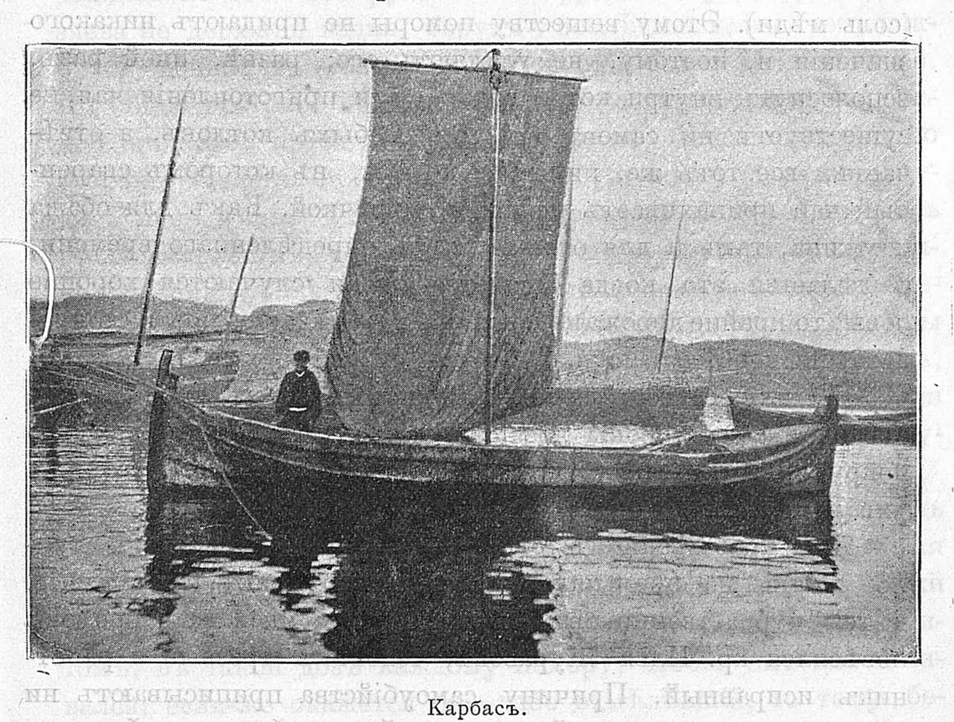
Выше сказано, что норвежцы ловятъ на поддевъ, когда рыба стоитъ въ берегахъ. Прежде ловили, удебнымъ способомъ, и тогда, когда рыба переходила въ глубь; но теперь, въ послѣднемъ случаѣ, стали ловить на яруса. Пойманная тѣмъ или другимъ способомъ, рыба продается купцамъ также на вѣсъ и, кромѣ того, по-штучно: треска и палтусъ за пудъ (16 килогр.)—80 к., 1 килограммъ—10 еръ; по-штучно: мелкая треска 100 шт., 10—18 кронъ; пукшуй и зубатка, поштучно, 100 шт. 1 р. 50 к.—2 р. 50 к. Норвежская ела выручаетъ до 700 р.; но бываютъ такіе годы, что неначто отправиться домой,—продаютъ судно и уѣзжаютъ на пароходахъ.

Продовольствуются, норвежскіе рыбаки, на свои средства и покупаютъ съѣстные припасы по слѣдующимъ цѣнамъ: бѣлый и ржаной хлѣбъ 1 кил. $12^1/_2$ коп., соленая свинина 1 кил. 30 к., кофе 1 литръ ($2^1/^2$ ф.) 1 р. 10 к., картофель литръ 2 к. масло (маргариновое) 1 кил. 80 к., соль 16 кил. 25 коп.

X.

Промысловая жизнь.

Теперь скажемъ о томъ, какъ живетъ покручный людъ въ становищахъ. Покручники спятъ въ избахъ, на сѣнникахъ и оленьихъ шкурахъ; одѣваются армяками, полушубками и разодранными, по негодности, поморскими вязанными рубахами, а въ дни жаркіе, каковыхъ здѣсь бываютъ мало,

Карбасъ.

забираются на чердаки или спятъ предъ станомъ въ сѣняхъ. Нечистоплотность переходитъ всякія границы. Я сидѣлъ въ избѣ и видѣлъ, какъ масса паразитовъ бродила по накиданному на нарахъ платью. Да и какъ имъ не водиться, когда бань въ становищахъ не существуетъ, купаться негдѣ, хотя воды много; бѣлье и посуда, за отсутствіемъ женщинъ, моется рѣдко; полы же и нары совсѣмъ не видятъ воды; сами поморы, во время штормовъ или неулова наживки, бездѣйствуютъ и цѣлыми сутками валяются въ станахъ, потѣютъ,

прѣютъ; въ избахъ сушатся одежда и снасти, причемъ, приставшая къ нимъ морская трава разлагается, подъ вліяніемъ тепла, и издаетъ сильную вонь; все это, купно взятое, служитъ богатымъ разсадникомъ для всевозможныхъ нечистей и паразитовъ, причиняющихъ обитателямъ становъ не малое мученіе.

Промышленники питаются преимущественно ухой изъ трески, максой и кашей. Пищу варятъ въ нелуженныхъ котлахъ, отчего, на стѣнкахъ ихъ, остается зеленое вещество (соль мѣди). Этому веществу поморы не придаютъ никакого значенія и, поэтому, не удаляютъ его; развѣ, иной разъ, всполоснутъ внутри котла водою. Для приготовленія чая, не существуетъ ни самоваровъ, ни особыхъ котловъ, а отвѣчаетъ, все тотъ же, пищевой котелъ, въ которомъ сваренный чай припахиваетъ мѣдью и трещечкой. Какъ для обѣда и ужина, такъ и для отдыха, нѣтъ опредѣленнаго времени, а дѣлается это, когда придется. Если случаются хорошіе ловы, то крайне дорожатъ временемъ и обѣдаютъ почти стоя,—даже не дообѣдываютъ, а берутъ съ собою хлѣба.

То или другое блюдо, въ количественномъ отношеніи, не стѣсняется со стороны хозяина—хлѣбъ рѣжется для каждаго покручника безъ вѣса, крупы берутъ для каши по желанію, ухи же ѣдятъ до отвала.

Въ нравственномъ отношеніи, промыслы имѣютъ дурное вліяніе на промышленниковъ. Покручникъ, безъ жены, дѣтей и родственниковъ, скучаетъ, При мнѣ, въ Гавриловѣ повѣсился кр. Илья Журавовъ, человѣкъ трезвый и работникъ исправный. Причину самоубійства приписываютъ ни чему иному, какъ тоскѣ по родинѣ, скукѣ по семьѣ, которую Журавовъ выписывалъ на Мурманъ, но она, почему то, не пріѣхала. Скука точитъ, грызетъ,—а главное, за отсутствіемъ наживки, подвернется свободное время и покручники предаются пьянству. Но, гдѣ-же, поморы берутъ напитки, если оффиціальныхъ кабаковъ на Мурманѣ нѣтъ, а ввозъ норвежскаго рома строго воспрещенъ? Я уже говорилъ, что водка доставляется на Мурманъ пароходами мурманско-архангельскаго пароходства. Поэтому остается указать: кто выписываетъ водку и кѣмъ она продается?

Выписываютъ водку одни промышленники-хозяева, для продажи своимъ покручникамъ въ становищѣ, почему послѣднiе являются уже, какъ-бы, тайными торговцами или мурманскими шинкарями. Промышленники получаютъ водку въ боченкахъ, по 1—5 ведеръ, и крупные изъ нихъ, продаютъ ее покручникамъ въ долгъ, ставя бутылку по 1 руб.; мелкiе же торгуютъ водкою по всѣмъ станамъ и продаютъ бутылку на деньги по 60—80 к., выручая, въ теченiе промысловъ, каждый по 100—150 руб. Тѣ покручники, у которыхъ хозяева не держатъ водки, берутъ у послѣднихъ, въ счетъ покрута, деньги въ долгъ и покупаютъ водку у шинкарей. Подобное долговое обязательство существуетъ почти въ каждой шняковой артели и совершается оно безпрекословно со стороны хозяевъ, такъ какъ долгъ навѣрняка уплатится,—будетъ непремѣнно удержанъ изъ покрута. Если-же отказать въ обязательствѣ, то покручники могутъ, при уловахъ, принести хозяину больше убытку, нежели пользы, поѣхавъ въ океанъ на ловы пьяными. Такъ или иначе, но покручники слѣпы ко вреду отъ пьянства, а хозяева, хотя и сознаютъ этотъ вредъ, но сами ничего съ нимъ не могутъ подѣлать. Они сообщали мнѣ, что прекрасною мѣрою, противъ пьянства, можетъ служить казенный кабакъ.

Пароходы должны привозить водку въ кабакъ и отнюдь не частнымъ лицамъ. Затѣмъ, слѣдуетъ создать нѣкоторыя ограниченiя насчетъ продажи казенной водки. Продажу водки на выносъ строго воспретить, а отпускать на мѣстѣ и, притомъ, въ такой дозѣ каждому помору, чтобы онъ не напивался; если-же окажется кто-либо охмѣлѣвшiй, то тому безусловно не давать ни одного стакана. Сидѣльца же, обставить такъ, чтобы онъ не былъ на сторонѣ пьющихъ поморовъ.

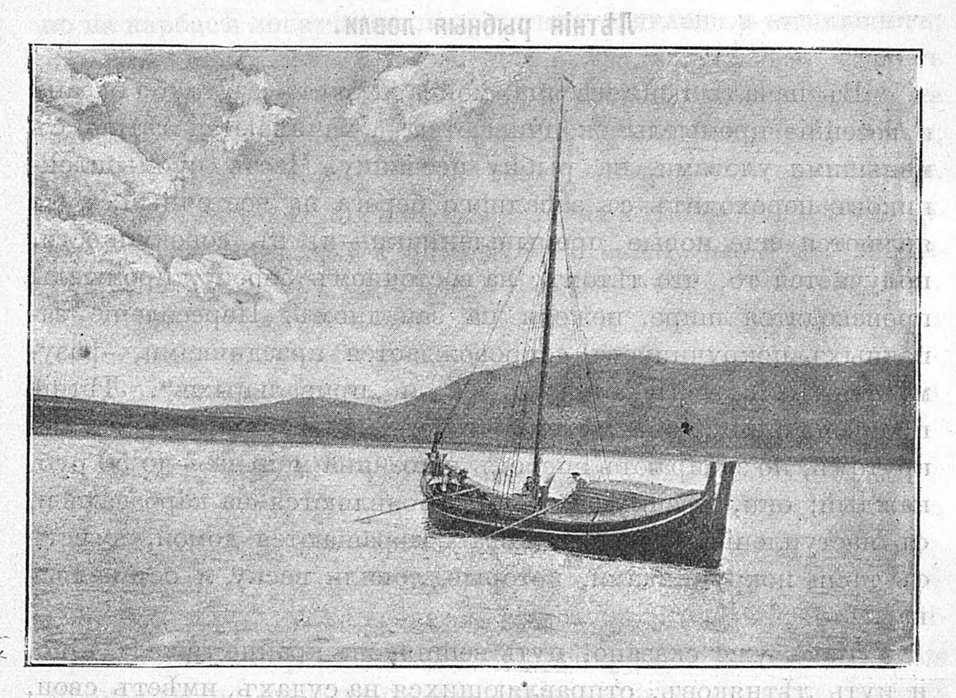
Можетъ быть, подобная мѣра убьетъ, въ значительной степени, пьянство на Мурманѣ; но, одновременно съ этимъ, слѣдуетъ предотвратить продажу водки и въ самыхъ буфетахъ пароходовъ. При мнѣ, въ Гавриловѣ, 16-го iюля, мѣстный полицейскiй урядникъ составилъ протоколъ о томъ, что одинъ изъ промышленниковъ купилъ 2 бутылки водки въ буфетѣ парохода „Николай II“ и поилъ на берегу своихъ покручниковъ.

Всѣ эти данныя краснорѣчиво подтверждаютъ вышесказанныя слова—что поморы напиваются больше, послѣ того, какъ побудетъ въ становищѣ пароходъ.

При настоящихъ условіяхъ, промыслы вредно вліяютъ на здоровье промышленниковъ; послѣдніе обыкновенно страдаютъ ревматизмомъ и цынгой. Первая болѣзнь получается чаще въ тѣхъ случаяхъ, когда сыплется чамра (мелкій дождь) и бываютъ сѣверные вѣтры. Цынга вселяется среди промышленниковъ, изъ года въ годъ. Однообразная пища, бездѣятельная по временамъ жизнь, спячка на нарахъ, грязная, отвратительная внутренняя обстановка—вотъ, главныя причины этой болѣзни, при которой сначала болятъ десны, а потомъ пухнутъ ноги. Цынга ежегодно уноситъ въ вѣчность нѣсколько жертвъ; но за послѣдніе годы, сравнительно, меньше, такъ какъ нынѣшній архангельскій губернаторъ сталъ отправлять на мурманскій берегъ врачебный отрядъ Краснаго Креста, состоящій изъ врача, фельдшеровъ и сестеръ милосердія. Положимъ, этотъ отрядъ радикально не вылечиваетъ больныхъ, а отсылаетъ ихъ, для полнаго вылечиванія въ Архангельскъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ приноситъ на Мурманѣ несомнѣнную пользу, подавая первую помощь больнымъ. Отрядъ Краснаго Креста высаживается по берегу, въ нѣскольких пунктахъ, въ тѣхъ становищахъ, кои отличаются большею населенностью пришлыхъ промышленниковъ.

Бытъ зуя на Мурманѣ—крайне незавидный. Зуй имѣетъ старый кафтанъ, сапоги, большею частью, съ отца или дяди, и 2—3 ситцевыхъ и шерстяныхъ рубахи. Зуи, сами, себѣ отдѣльной пищи не приготовляютъ, а питаются остаткамн отъ обѣда взрослыхъ. Рабочіе часы для зуя—не опредѣлены; особаго помѣщенія въ станѣ ему не полагается, а спитъ онъ на полу, въ чанѣ или бочкѣ. Для сна и отдыха, зуй выбираетъ то время, когда шняка на промыслѣ, а коль скоро она вернется, зуй, не разбирая праздниковъ, садится за отвивку тюковъ и отвиваетъ цѣлыми сутками; въ то же время, онъ служитъ забавою для покручниковъ; послѣдніе надъ нимъ смѣются, потѣшаются и устраиваютъ разныя смѣхотворныя мѣры, чтобы утомленый зуй не впадалъ въ сонъ. Иные жестокосердные промышленники заставляютъ зуевъ непре-

рывно работать, до тѣхъ поръ, пока не отовьютъ всѣхъ тюковъ. Отвивка продолжается дни и ночи; тогда зуи рѣдко переносятъ бремя работы и, въ большинствѣ случаевъ, тутъ-же суются спать, у тюковъ, или бѣгутъ къ болѣе сострадательнымъ промышленникамъ; иногда-же являются къ уряднику и жалуются на жестокое обращенiе своихъ хозяевъ, отъ котораго зуи часто заболѣваютъ и страдаютъ безсонницей.

Ела, возвращающаяся съ лова.

Надо очень удивляться, что у насъ существуетъ такой переутомленный работникъ, какъ зуй, мальчикъ 8—14 лѣтъ. Вѣчно грязный, страшно неряшливый, подростокъ, съ апрѣля и почти до осени, вращается среди пьяной, сквернословной толпы, безъ присмотра, призора и малѣйшихъ добрыхъ поученiй, за исключенiемъ, развѣ, того, что хозяинъ надеретъ мальчику виски, когда застанетъ его, у отвиваемаго тюка, спящимъ. Въ такой бытовой атмосферѣ, изъ зуя, какъ извѣстно, вырабатывается, впослѣдствiи, чаще покручникъ и рѣже мелкiй промышленникъ. Возмужавъ, поморъ, конечно,

твердо помнитъ свое дѣтство и поэтому не мѣшаетъ новому поколѣнію подниматься въ такой же обстановкѣ, въ какой онъ самъ выросъ, скитаясь на Мурманѣ, въ качествѣ зуя.

Лѣтнія рыбныя ловли.

Въ началѣ іюня мѣсяца, мойва уходитъ въ глубя океана и весенніе промыслы оканчиваются, а начинаются лѣтніе, съ меньшими уловами, на рыбку песчанку. Часть промышленниковъ переходитъ съ западнаго берега на восточный, куда являются еще новые промышленники—и, въ совокупности, получается то, что лѣтомъ, на восточномъ берегу, промыслы производятся шире, нежели на западномъ. Переселеніе западныхъ покручниковъ сопровождается праздниками,—разумѣется, въ смыслѣ „отвальныхъ" и „привальныхъ". Лѣтніе промышленники или лѣтняки идутъ на Мурманъ также покрутомъ, но забираютъ впередъ у хозяина меньше—до 50 руб. каждый; они, преимущественно, появляются на карбасахъ и, съ наступленіемъ осени, снова возвращаются домой, вмѣстѣ съ тѣми покручниками, которые ловили весну и оставались на лѣто.

Какъ уже сказано, путь вешняковъ крайне тяжелъ,—но, и путь лѣтняковъ, отправляющихся на судахъ, имѣетъ свои, не менѣе печальныя стороны. Выйдя въ море, при полномъ штилѣ, суда идутъ медленно и плывутъ долго, такъ что въ дорогѣ непремѣнно попадаютъ на штормъ,—или близъ Соловецкихъ острововъ, или неподалеку отъ св. Носа. Въ первомъ случаѣ, поморы спасаются на островахъ, а во второмъ—на Терскомъ берегу. Сплошь и рядомъ, застигнутые продолжительными штормами, покручники являются въ становища поздно, пропускаютъ ловы наживки и промышляютъ, въ иной годъ, настолько неудачно, что работаютъ, и для себя неважно, и для хозяина безъ пользы.

Вообще, лѣтняки проживаютъ въ деревянныхъ станахъ, при той-же отвратительной обстановкѣ; но промышляющіе

на карбасахъ, большею частью, ютятся въ землянкахъ и часто переходятъ изъ одного становища въ другое.

У лѣтняковъ, рыболовныя снасти—тѣ же яруса; только для ловли песчанки употребляются невода меньшихъ размѣровъ и, притомъ, почти каждое судно имѣетъ свой собственный неводъ, стоющій 40—50 руб. На шнякахъ и елахъ полагаются также кормчіе, тяглецы, весельщики и наживщики; но на карбасѣ ловятъ два покручника—тяглецъ и весельщикъ; они-же и наживляютъ на берегу яруса. Первый получаетъ за весь промыселъ 50—60 руб., а второй, 35—45 руб. Эта плата, впрочемъ, исполняется лишь при хорошихъ уловахъ; въ противномъ же случаѣ, хозяинъ жмется, недоплачиваетъ.

Лѣтомъ ловы производятся такимъ же порядкомъ; карбасы выѣзжаютъ на глубину 30—80 саж.; рыбы же вылавливается меньше, а именно:

Суда:	Треска, зубатка, камбала.	Палтусъ.	Пикшуй.
	Въ	пудахъ.	
Шняка . .	700	10	150
Ела. . . .	300	5	100
Карбасъ . .	200	—	70

Эта рыба также раздѣлывается, солится, грузится, отправляется на архангельскіе и другіе рынки; словомъ, лѣтніе промыслы не имѣютъ отличительныхъ характерныхъ сторонъ отъ весеннихъ, за исключеніемъ прибыли, въ коей получается осязательная разница.

Предварительно, покончимъ съ тѣмъ мелкимъ промышленникомъ, который, весенніе убытки, долженъ наверстать на лѣтнихъ промыслахъ.

Въ теченіе лѣта, на Мурманѣ стояли за пудъ рыбы слѣдующія цѣны: треска и пр. 98 к.—1 р. (средн. 99 к.), палтусъ 2 р.—2 р. 20 к. (ср. 2 р. 10 к.) и пикшуй 40—46 к. (ср. 43 к.).

Пойманную на шнякѣ рыбу, промышленникъ продаетъ на слѣдующую сумму: треску за 693 р., палтусъ—21 руб. и пикшуй—64 р. 50 к. Затѣмъ, изъ такого количества рыбы

получится 86 пуд. печенокъ, которыя промышленникъ продастъ за 107 р. 50 к. Такимъ образомъ, лѣтняя шняка выручитъ 886 р., а для уравненія счета, допустимъ—888 руб. Изъ таковой суммы, промышленникъ получаетъ $^2/_3$; слѣдовательно, ему придется 592 р., а остальная часть падетъ на четырехъ покручниковъ и покрутъ выразится въ 80 р. 75 к. Вычтя прежній убытокъ 485 р. изъ прибыли 592 р.. промышленнику останется 107 р.; но эта цифра не будетъ показывать чистаго дохода, такъ какъ, отъ лѣтняго улова, хозяинъ долженъ дать кормчему половину пая и свершонокъ. Поэтому мелкому промышленнику придется 535 р., и чистой прибыли 50 руб.

Крупный промышленникъ купленную рыбу посолитъ и, по усушкѣ, получитъ: 560 п. трески, 8 п. палтуса и 120 пуд. пикшуя. На посолку рыбы израсходуется 215 пуд. соли, а за нее заплатитъ 32 р. 25 коп. Кромѣ того; слѣдуетъ уплатить за фрахтъ 68 р. Всего, съ покупкою рыбы, промышленникъ израсходуетъ 678 р. 75 к.

На архангельскихъ рынкахъ лѣтомъ стояли на соленую рыбу такія цѣны: треска 1 р. 20 к.—1 р. 30 коп. (ср. 1 р. 25 к.), палтусъ 3 р. 50 к. и пикшуй 90 коп. Продавъ рыбу по среднимъ цѣнамъ, промышленникъ выручитъ отъ продажи: за треску 700 руб., палтусъ 28 руб. и пикшуй 108 р., всего 836 р. Независимо, отъ этого вытопитъ трескового жира и получитъ 35—70 руб. Слѣдовательно, взявъ меньшую цифру 35 руб., крупный промышленникъ получитъ убытокъ въ 7 руб. 75 коп.

Теперь посмотримъ, что заработаетъ мелкій промышленникъ, поднимающій шняку лѣтомъ и осенью. На содержаніе судна, снастей, покручниковъ, онъ израсходуетъ около 400 руб., да кромѣ того, четверымъ покручникамъ дастъ впередъ 200 руб., а шняка принесетъ прибыли 592 руб.; словомъ, лѣтомъ шняка проработаетъ безъ барыша и убытка; слѣдовательно, прибыль должна выразиться въ осеннихъ уловахъ.

Осеннія рыбныя ловли.

Въ первыхъ числахъ августа, большая часть судовъ покидаетъ Мурманъ и плыветъ въ Архангельскъ, за окончательнымъ разсчетомъ къ хозяевамъ. Карбасы же безусловно всѣ исчезаютъ съ промысловъ и плывутъ, туда же, за первыми.

На осень остается незначительное количество шнякъ и елъ. Ночи становятся темнѣе, погода хуже, штормы чаще,—такъ что поморы выѣзжаютъ на ловы только днемъ.

Осенніе промыслы, по существу, ничѣмъ не отличаются отъ весеннихъ и лѣтнихъ, развѣ только вылавливаютъ рыбы гораздо меньше.

Суда:	Треска, зубатка, камбала.	Палтусъ.	Пикшуй.
	Въ	пудахъ.	
Шняка . .	150	5	30
Ела. . . .	100	3	20

Эта рыба также солится и сбывается крупнымъ промышленникамъ.

Осенью шняковый промышленникъ, какъ сказано выше, получаетъ чистую прибыль. Принимая во вниманіе, что осеннія цѣны на рыбу стояли одинаковыя съ весенними, онъ продастъ треску за 94 р. 50 к., палтусъ—6 р. 25 к. и пикшуй—10 р. 50 к., печенки отъ рыбы, въ количествѣ $18^1/_2$ пуд., за 23 р. 10 к., всего 134 р. 35 к.,— для равнаго счета возьмемъ 135 р. Изъ этихъ денегъ, промышленникъ получитъ $^2/_3$ или 90 р., а, за вычетомъ половины пая и свершонка въ 20 р., ему придется около 65 р. чистой прибыли; покрутъ же упадетъ на 11 р. 25 коп. Крупный промышленникъ, посоливъ эту рыбу, получитъ слѣдующее количество ея: трески 120 пуд., палтуса 4 пуда и пикшуя 24 пуда. На покупку 46 пуд. соли израсходуетъ 6 р. 90 к. и за фрахтъ заплатитъ 14 р. 80 к., всего съ покупкою рыбы промышленникъ израсходуетъ 132 р. 95 к. Продавъ соленую рыбу, промышленникъ выручитъ за треску 108 р., палтусъ—9 р. 60 к. и пикшуй—18 р. 72 к. Всего, съ тресковымъ жиромъ, 140 р.

Слѣдовательно, крупный промышленникъ, отъ осенняго улова, останется съ барышемъ въ 7 р. 5 к. Относительно же промысловъ, производящихся на елахъ и карбасахъ, слѣдуетъ сказать, что на нихъ затрачивается капитала меньше,—зато, и уловы бываютъ меньшіе. Я пробовалъ подсчитывать приходъ и расходъ уловов отъ этихъ судовъ и результаты получались одинаковые съ результатами отъ шняковыхъ улововъ.

Наконецъ, согласно положенію промысловъ, раздѣливъ промышленниковъ на лѣтне-весеннихъ и лѣтне-осеннихъ, сравнимъ итоги ихъ мурманскаго труда. Отъ каждой лѣтне-весенней шняки получатъ *):

Промышленники:	Весною.		Лѣтомъ.		Всего.	
	Прибыли.	Убыли.	Прибыли.	Убыли.	Прибыли.	Убыли.
Крупный . .	— р.	16 р.	— р.	7 р. 75 к.	— р.	23 р. 75 к.
Мелкій. . . .	— „	485 „	535 „	— „ — „	50 „	— „ — „
Покручникъ .	94 „	— „	80 „	— „ — „	174 „	— „ — „

Изъ этой таблицы видно, что крупный промышленникъ остается съ убытками, мелкій — съ прибылью, а заработокъ покручника рѣзко бросается въ глаза. Мы имѣемъ данныя, что покручникъ впередъ заберетъ до 200 руб., да послѣ промысловъ получитъ до 174 руб. Кажется, положеніе покручника самое выгодное,—но на, самомъ дѣлѣ, онъ въ вѣчной кабалѣ у хозяина. Двухсотъ рублей у покручника нѣтъ уже тогда, когда онъ приходитъ на Мурманъ, а изъ 174 р., половину, онъ заберетъ во время промысловъ на необходимыя нужды; остальную половину онъ получаетъ отъ хозяина въ Архангельскѣ; выжидаетъ пароходнаго рейса на родину въ кемскій или онежскій уѣзды и, одержимый слабостью къ спиртнымъ напиткамъ, предается въ городѣ соблазну. Подъ вліяніемъ послѣдняго, покручникъ большую долю заработнаго остатка проводитъ въ какомъ-нибудь „Золотомъ Якорѣ“ и съ грошами, а иногда, и безъ оныхъ, возвращается въ семью, гдѣ снова начинаетъ забирать впередъ деньги и товаръ у хозяина, въ счетъ будущихъ промысловъ.

*) Для болѣе легкаго сравненія, копѣйки отбрасываются.

Теперь, что получат промышленники отъ лѣтне-осенней шняки:

Промышленники.	Лѣтомъ. Приб.	Убыли.	Осенью. Приб.	Убыли.	Всего. Приб.	Убыли.
крупный . . .	— р.	7 р. 75 к.	7 р. 5 к.	—	70	70 к.
мелкій. . . .	— "	— " — "	65 " — "	—	65	— "
покручникъ. .	80 "	— " — "	11 " — "	—	91	— "

И здѣсь, покручникъ находится въ лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ,—а на дѣлѣ, всетаки, получаются гроши и онъ также живетъ въ долгу у хозяина. Подставивъ цифры прибыли второй таблицы, къ цифрамъ первой, увидимъ, что лѣтне-осенніе промышленники получаютъ больше лѣтне-весеннихъ, а покручники наоборотъ. Но такъ какъ степень промысла принято измѣрять заработкомъ покручника, то, поэтому, весенніе промыслы считаются лучшими.

Въ концѣ концовъ, коснемся прибыли, получаемой мелкими и крупными промышленниками. Въ самомъ дѣлѣ, получая одинъ—шесть десятковъ рублей, стоитъ-ли имъ заниматься промышленностью на Мурманскомъ берегу? Конечно, не стоитъ, — объ этомъ постоянно твердятъ и хозяева покручникамъ... А между тѣмъ, мурманскихъ операцій не бросаютъ.

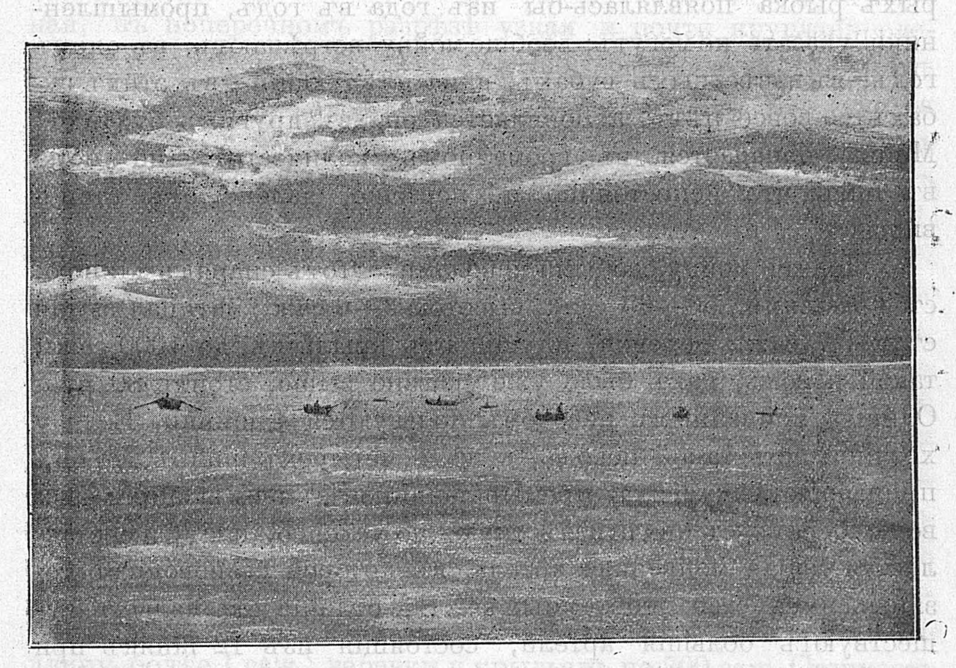
Всѣ барыши мелкихъ и крупныхъ промышленниковъ кроются не въ моихъ разсчетахъ, а ихъ надо искать въ нѣдрахъ промысловъ. Такъ, мелкій промышленникъ задаваетъ на родинѣ покручнику товаръ и ставитъ его втридорога, а крупный уплачиваетъ мелкому за рыбу товаромъ— и ставитъ тоже на половину дороже. Поэтому, и крайне желательно, искорененіе на Мурманѣ покрута; желательно, чтобы нынѣшній покручникъ промышлялъ самостоятельно, безъ посредства хозяевъ, какъ промышляетъ норвежскій поморъ или какъ наши нѣкоторые колонисты, т. е. на артельныхъ началахъ.

Во всякомъ случаѣ, врядъ-ли найдется промыселъ вреднѣе покручнаго для рабочаго люда и, разъ, покручникъ сдѣлается независимымъ промышленникомъ, бытъ его всесторонне улучшится. Покруту слѣдуетъ положить конецъ, такъ какъ въ недалекомъ будущемъ мурманскимъ рыбнымъ промысламъ

предстоитъ широкое развитіе. Наши промышленники, за небольшимъ исключеніемъ, везутъ рыбу на Маргаритинскую ярмарку, бывающую въ Архангельскѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, а туда, въ настоящее время, изъ Вологды ведется желѣзная дорога. Поэтому, мурманскіе промышленники, безъ всякаго посредства архангельскихъ купцовъ, будутъ прямо вести торговлю рыбою на внутреннихъ рынкахъ Россіи. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что на рыбу сѣверныхъ водъ цѣны установятся выгодныя; да и самый промыселъ, если не будетъ держаться кругомъ годъ, то, по крайней мѣрѣ, первая шняка у мурманскаго берега покажется не позже февраля, а послѣдняя уйдетъ не раньше октября; словомъ промыселъ будетъ обнимать такой-же періодъ времени, какъ и въ Норвегіи, при ея удобныхъ путяхъ.

Наживка.

Извѣстно, что въ мурманскихъ рыбныхъ промыслахъ, самую важную роль играетъ маленькая рыбка—наживка, насаживаемая на ярусные крючки, гдѣ она служитъ приманкой для трески, палтуса, пикшуя и прочей рыбы. Нѣтъ наживки—нѣтъ и лововъ; промышленники сидятъ на берегу, ѣдятъ даромъ хозяйскій хлѣбъ, а, главное, пропускаютъ то, быть можетъ,

Ловъ песчанки въ Вороньей губѣ.

золотое время, въ которое снасти принесли-бы обильную добычу рыбакамъ. Рыбка-наживка бываетъ двухъ породъ и каждая порода ловится въ извѣстное время,—такъ сказать, посезонно. Весною, до половины іюня, у береговъ, стаями появляется мойва, стремящаяся къ отмелямъ, частью метать икру, а частью искать спасенія отъ преслѣдованія чаекъ, китовъ и хищныхъ рыбъ. Сряду послѣ мойвы, которая уходитъ куда-то вглубь, къ песчанымъ берегамъ приходитъ другая мелкая рыбка-наживка, а именно, песчанка. Поэтому крупная рыба весною питается мойвой, а при появленіи песчанки, какъ говорятъ поморы, она мѣняетъ аппетитъ и набрасывается на послѣднюю.

Если взять средней величины мойву, то длиною она будетъ 3 вершка; спинка у нея толстая, темная, имѣетъ, съ двухъ сторонъ, вдоль туловища, двѣ грани и, поэтому, называется мойвой—гранькой; перья большія, алыя; брюшко и бока серебристые. Гранька—это самецъ; самка-же именуется икрянкой; она граней не имѣетъ и длиною въ 2 вершка.

Мойва ловится въ губахъ; но такихъ губъ, въ которыхъ рыбка появлялась-бы изъ года въ годъ, промышленники указать не могутъ; вообще мойву встрѣчаютъ, въ одинъ годъ, въ извѣстныхъ губахъ, а на слѣдующій—въ этихъ губахъ ее вовсе нѣтъ, а появляется она въ другихъ бухтахъ. Мойва попадается въ громадномъ количествѣ,—но бѣда въ томъ, что непостоянно и, нерѣдко, далеко отъ становищъ.

Ловятъ мойву особыми неводами. Этотъ снарядъ длиною, съ крыльями, 55—60 саж., высотою 3—6 саж.; матица (частая сѣтка) 7 саж.; веревки, идущія отъ крыльевъ, до 1000 саж.; такой неводъ, какъ было уже сказано выше, стоитъ 80 руб. Однимъ мойвеннымъ неводомъ пользуются 4 шняки. Если у хозяина есть такой неводъ, а нѣтъ четырехъ шнякъ, то онъ приглашаетъ другихъ промышленниковъ, неимѣющихъ невода, беретъ съ нихъ извѣстную, по условію, плату и составляется малая мойвенная артель, въ которой безневодный хозяинъ именуется „кортомнымъ“. Въ отличіе отъ малыхъ, существуютъ большія артели, состоящія изъ 12 шнякъ при трехъ неводахъ. Чтобы раздѣлить трудъ по ловамъ мойвы,

промышленники бросаютъ жребій: какой неводъ долженъ идти на ловы первымъ, вторымъ и третьимъ? Затѣмъ, отдѣляются, отъ 4-хъ шнякъ, по два человѣка и отправляются на поиски мойвы. Иногда, случается такая неудача, что промышленники не являются въ становище по 3—5 дней, да, и то, пріѣзжаютъ безъ наживки. По прибытіи перваго невода, если въ наживкѣ ощущается необходимость, отправляется второй неводъ; въ противномъ случаѣ, послѣдній ожидаетъ того времени, когда израсходуется мойва, пойманная первымъ неводомъ. Присутствіе мойвы въ губѣ промышленники узнаютъ по чайкамъ, летающимъ низко надъ водою и хватающимъ когтями рыбку. Мнѣ разсказывали поморы, что въ дождливую, вѣтренную, холодную весну, мойва не подходитъ къ берегамъ и держится въ глубинѣ океана, такъ что добыть ее, ихъ неводами, никакъ невозможно и ловы, тогда, бываютъ совсѣмъ плохіе; промышленники горюютъ, несутъ убытки и съ грустью говорятъ: „сей годъ безъ промысла,—мойва была голыменная.“

Обыкновенная песчанка длиною 3 вершка; спинка темная, въ поперечномъ разрѣзѣ узкая и почти круглая; словомъ, во многомъ походитъ на нашего озернаго снѣтка. Какъ сказано, песчанка любитъ песчаный грунтъ дна; она ловится въ губахъ съ песчаными берегами, а больше при устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ океанъ. Нынѣ песчанка ловилась въ губахъ Портѣ и Малой Моткѣ (восточной) и при рр. Вороньей, Ворьемѣ, Урѣ и др. Поэтому, ловить песчанку гораздо легче, нежели мойву; за то попадается она въ незначительномъ количествѣ; иной разъ, ея вытаскиваютъ не болѣе одного пуда, котораго достаточно только для наживленія одного яруса, т. е. на одну тряску. Песчанка держится у береговъ, вплоть до заморозковъ и періодически удаляется вглубь, когда побережная вода почему либо помутится. Эту наживку промышленники также ловятъ неводами. Песчаночный неводъ меньше мойвеннаго; онъ длиною не болѣе 50 саж., высотою до 3 саж., матица 3 саж., и особаго устройства,—она оканчивается — куткомъ“, совершенно частой сѣткой, имѣющей въ длину болѣе 1 саж.; веревки у крыльевъ по 700 саж. Стоимость такого невода бываетъ до 50 р. Песчаночный неводъ теряетъ

свою пригодность чрезъ годъ; но, не смотря на это, нѣкоторые хозяева поднимающіе 1—2 шняки, имѣютъ такіе невода и не принимаютъ, для пользованія ими, другихъ хозяевъ. Въ большинствѣ случаевъ, однимъ и тѣмъ же неводомъ владѣютъ 2—3 хозяина и ловятъ песчанку по очереди. Въ нынѣшніе лѣтніе промыслы, съ песчанкой было, просто, наказаніе. Послѣ мойвы, песчанка, правда, вскорѣ подошла тучей къ берегамъ, но въ большія губы—и поймать ее, тамъ, было невозможно. Только одинъ разъ на восточномъ берегу, песчанка, въ сопровожденіи кита и чаекъ, зашла въ маленькую губу Пахту,—но ловы ея были крайне неудачны и многіе промышленники остались неудовлетворенными. Въ бытность мою въ становищѣ Гавриловѣ, я узналъ отъ промышленниковъ, что три недѣли они ждали своей песчанки и только при мнѣ, въ половинѣ іюля, она появилась въ устьѣ р. Вороньей, вливающейся въ губу въ 3-хъ верстахъ отъ Гаврилова.

Я ходилъ пѣшкомъ на ловы песчанки и удивлялся той трудной тяжелой работѣ, при которой производятся эти ловы. Карбасы съ неводомъ пускаются отъ берега въ даль, скачутъ по взводнямъ, нерѣдко черпаютъ воду и заставляютъ промышленниковъ, сидѣть по поясъ въ водѣ,—на этотъ случай, они имѣютъ на себѣ оливковую *) одежду. Забросивъ неводъ, поморы везутъ отъ него веревки на берегъ, причемъ преслѣдуются взводнями, съ опасностью для здоровья и даже для жизни. Измученные въ борьбѣ съ волнами, промышленники, ни на минуту не отдохнувъ на сушѣ, подхватываютъ веревки и тянутъ неводъ высоко на берегъ, напрягая всѣ свои силы. Къ сожалѣнію, невода вытаскивали очень мало песчанки, такъ что въ становищахъ, нѣкоторые промышленники, разрѣзали рыбу и половинками наживляли яруса. Тѣ поморы, которые возвращались съ песковъ съ малымъ количествомъ песчанки или вовсе безъ нея, употребляли, вмѣсто рыбки, брюшко пикшуя, мясо семги и морскаго червя. Впрочемъ, наживленіе рыбой практикуется больше весною для приманки трески, когда послѣдняя бываетъ очень голодна и хватаетъ наживку безъ разбора. Червь считается

*) Парусина, вываренная въ оливковомъ маслѣ.

неважною наживкою, но не потому, что на него неохотно набрасывается рыба, а потому, что добывать его трудно и чрезвычайно мѣшкотно. Я видѣлъ, какъ покручники и зуи гурьбой тянулись, съ вилами и ведрами, чрезъ колонію Гаврилово, во внутрь Лапландіи; они шли откапывать червей, которые живутъ подъ торфянниками и, преимущественно, въ супесчаномъ грунтѣ. Морской червь признается годнымъ только извѣстныхъ размѣровъ, когда онъ имѣетъ въ длину 3—4 вершка и толщиною въ дѣтскій мизинецъ.

Само собою разумѣется, къ какимъ бы наживочнымъ средствамъ не прибѣгали промышленники, но мойва и песчанка незамѣнимы; съ этой наживкой—ничто не можетъ конкурировать. Но все горе заключается въ томъ, что рыбка ловится періодически; иной разъ, она попадается въ такомъ изобиліи, что оставляется на берегахъ и предается гніенію, а то подвернется такое время, когда рыбки вовсе нѣтъ, цѣлыми недѣлями. Въ такіе періоды, промышленники дорого-бы заплатили, лишь-бы добыть наживки. Нынѣ, такъ и было. Въ половинѣ іюня, когда рыбка-наживка не подходила къ восточному берегу, на западномъ — она ловилась прекрасно. Это дѣло смекнулъ колонистъ норвежецъ Оскаръ Кнюценъ; онъ, имѣя маленькій пароходъ и болѣе усовершенствованные невода, много ловилъ наживки въ губѣ Ворьемѣ и доставлялъ на восточный берегъ, гдѣ она покупалась нарасхватъ. Въ Териберкѣ и Гавриловѣ, я получилъ свѣдѣнія отъ самихъ покупателей, что Кнюценъ трижды развозилъ наживку по становищамъ и продалъ ея до 2000 пудовъ, выручивъ, на глазахъ промышленниковъ, 6000—7000 руб.

Когда я объявилъ поморамъ о существующемъ предположеніи завести пароходъ, который намѣренъ снабжать ихъ постоянно наживкою, то они крайне обрадовались и называли это великимъ благодѣяніемъ для нихъ; при этомъ, промышленники высказывали мнѣнія о томъ, какъ примѣнить на дѣлѣ наживочный пароходъ. По ихъ мнѣнію, экипажъ его, вмѣстѣ съ капитаномъ, должны составлять не менѣе 9 человѣкъ, которые должны быть изъ поморовъ, такъ какъ имъ, болѣе нежели кому либо извѣстно, гдѣ и какъ надо ловить мойву и песчанку. При пароходѣ надлежитъ имѣть особен-

ныя сѣти—два кошельковыхъ невода американской конструкціи; они могутъ быть пріобрѣтены въ Бергенѣ, за 800 р. каждый. Одинъ неводъ будетъ ловить наживку, а другой останется про запасъ, потому что бываютъ случаи, что въ сѣти забредетъ китъ и порветъ ихъ; тогда запасный неводъ явится совершенно кстати и ловъ наживки будетъ продолжаться безпрепятственно. Существенною необходимостью представляется также устройство на пароходѣ ледника. Пойманную рыбку придется иногда везти два—три дня; а въ это время, безъ ледника, она легко можетъ испортиться. Затѣмъ, ледникъ обязателенъ еще для того, чтобы, въ случаѣ, если наживка будетъ попадаться плохо, наловить ея достаточное количество отъ первыхъ улововъ и сохранять ее въ ледникѣ. На берегахъ также должны быть ледники, а именно: на западномъ—въ становищахъ Вайда-Губѣ и Титовкѣ, на восточномъ—въ Гавриловѣ, Териберкѣ и Лицѣ,—вообще въ большихъ становищахъ. Береговой ледникъ поморы оцѣнивали въ 1000 руб; особенно дороги въ немъ цинковые ящики; стоимость же пароходнаго ледника опредѣлить затруднялись. Порядокъ снабженія, они полагаютъ такой: пароходъ набьетъ каждый ледникъ наживкою, въ такомъ количествѣ, какое необходимо на извѣстное время для промышленниковъ, гдѣ устроенъ ледникъ, и для сосѣднихъ становищъ; затѣмъ, изъ ледниковъ, наживку слѣдуетъ отпускать промышленникамъ, по мѣрѣ требованія, съ платою по 3 руб. за такое количество рыбки, какое нужно для наживленія 30 тюковъ. При назначеніи продажныхъ цѣнъ, надо держаться минимальныхъ, такъ какъ дорогая наживка не подъ силу поморамъ. Съ дорогою наживкою, фактористомъ Зебекомъ былъ устроенъ въ Корабельной губѣ морозникъ, но къ нему промышленники, вслѣдствіе дороговизны, обращались мало и операціи съ замораживаемой наживкой остановились.

Въ Норвегіи наживочное дѣло поставлено такъ. Сначала большимъ неводомъ загораживаютъ губу, въ которой будетъ замѣчено присутствіе наживки; затѣмъ, малыми неводами вылавливаютъ рыбку, грузятъ ее прямо въ пароходъ, безъ всякихъ ледниковъ, и тотчасъ же развозятъ по становищамъ. Тамъ наживка продается на вѣсъ и цѣна ея бываетъ раз-

ная, смотря по тому, насколько удачны ловы, 6—8 рублей за пудъ.

Вообще наши промышленники были бы крайне признательны всякому морознику, такъ какъ ежегодный недостатокъ наживки, научилъ ихъ, горькимъ опытомъ, желать улучшенія промысловъ въ этомъ направленіи; но, за потребностью на это дѣло значительныхъ средствъ, дальше желанія, промышленники не шли.

Морской звѣрь «кожа».

Сокращаютъ успѣхъ рыбныхъ ловель многія причины; но, едва-ли не къ главнымъ изъ нихъ, принадлежитъ появленіе у береговъ Мурмана морскаго звѣря, о которомъ не лишнее сказать здѣсь особо. Къ морскому звѣрю относятся лысуны, тюлени, морскіе зайцы, нерпы; а промышленный людъ, всѣхъ этихъ звѣрей, называетъ просто „кожей“, на томъ основаніи, что морское животное обладаетъ толстой жирной кожей. Въ началѣ февраля, „кожа“ приходитъ отъ Новой Земли въ горло Бѣлаго моря и производитъ тамъ дѣтей или, какъ говорятъ, дѣлаетъ лежку. „Кожа“ приплываетъ на льдинахъ къ берегамъ; когда дѣтеныши не могутъ еще плавать, самка бываетъ вяла, нечутка—и тогда звѣря бьютъ палками; въ противномъ случаѣ, на него охотятся съ ружьями. Лѣтъ 6 назадъ, весною, въ горло моря пріѣзжали два норвежскихъ торговыхъ судна, охотились на „кожу“ и увезли съ собой одно 4000, а другое 8000 штукъ. Узнавъ объ этомъ, мезенскіе и терскіе промышленники жаловались по начальству на произволъ норвежцевъ и, въ результатѣ, получилось то, что теперь ежегодно, въ предѣлахъ сѣверныхъ русскихъ водъ, появляется казенное паровое судно и не допускаетъ вторженія иностранцевъ.

Между тѣмъ, наши промышленники, имѣя парусныя суда, убиваютъ звѣрей немного и „кожа“, съ каждымъ годомъ, быстро плодится. Освоившись немного съ плаваніемъ, дѣтеныши получаютъ полное образованіе въ этомъ смыслѣ, и самки, для этой цѣли ведутъ ихъ въ дальнее путешествіе. Собравшись цѣлыми юрами (стадами), головъ въ 100, и болѣе, „кожа“ двинется къ св. Носу, и плыветъ, высунувъ изъ воды по грудь тѣло, — плыветъ правильными шеренгами, точно въ строю солдаты. Отъ св. Носа это звѣриное войско направляется

вдоль мурманскихъ береговъ къ берегамъ, Норвегіи. Оттуда оно возвращается чрезъ недѣли двѣ, проходитъ прежней дорогой и скрывается по направленію къ Новой Землѣ, впредь до будущей весны. У Мурмана звѣрь появляется какъ-разъ въ то время, когда производятся весенніе промыслы. Сряду, послѣ прохожденія „кожи", не поймать болѣе одного пуда рыбы на ярусъ, а послѣ, она, еще нѣсколько недѣль, ловится слабо. Напуганную треску поморы примѣчаютъ по глазамъ, которые, будто бы, выкатываются и смотрятъ испуганно.

Кожа стала появляться на Мурманѣ лѣтъ 25—30 назадъ; до того же времени, не надо было выѣзжать на ловы за 25 верстъ, какъ теперь,—а проплывутъ промышленники ½—1 версту, забросятъ ярусъ, вытащатъ трески полную шняку и, притомъ, безъ головъ,—да еще навяжутъ рыбу за головы и ведутъ сзади судна плотомъ. При такихъ обильныхъ уловахъ, говорили мнѣ промышленники, пудъ трески доходилъ до 12 к.

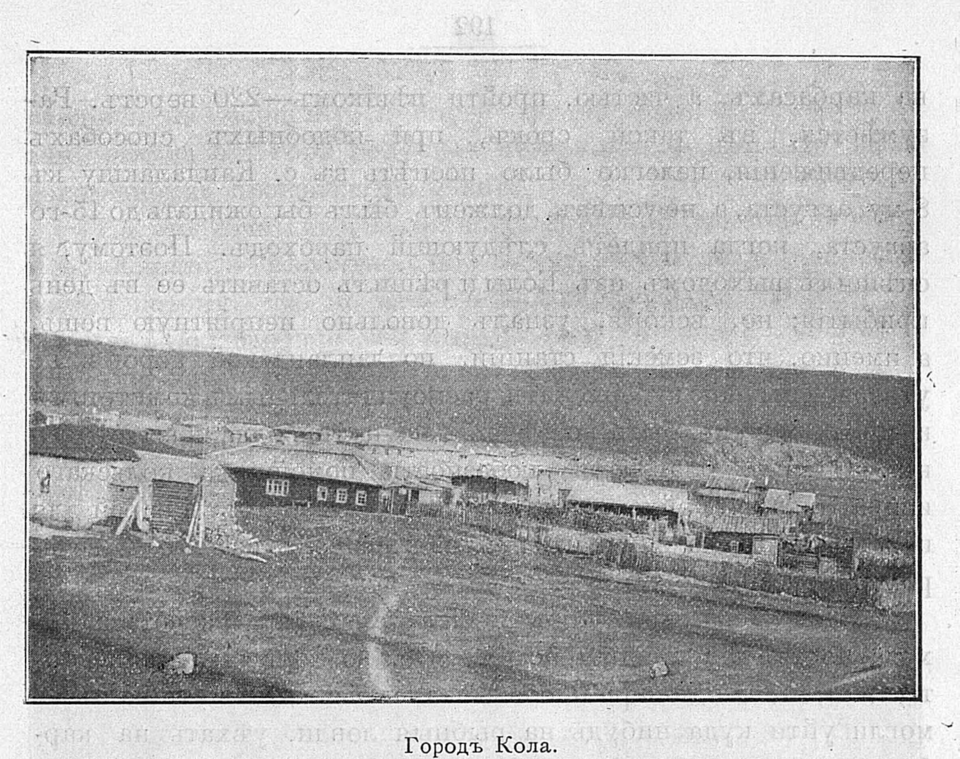
Что „кожа" приноситъ вредъ промысламъ—это вѣрно; но вредъ выражается въ томъ, что ея много расплодилось; въ извѣстныхъ же предѣлахъ, размноженіе ея полезно, такъ какъ на морскаго звѣря существуетъ свой особый промыселъ, который составляетъ первую доходную статью для крестьянъ терскаго и мудьюжскаго береговъ.

Чтобы уменьшить количество размножившейся „кожи", предлагается три способа: 1) ловы сѣтями, 2) бросаніе въ стада разрывныхъ петардъ и 3) охота съ ружьемъ. Первый способъ самый радикальный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, промышленный; но, къ сожалѣнію, недоступный для небогатыхъ охотниковъ, такъ какъ требуетъ дорогихъ судовъ, а равно цѣнныхъ неводовъ, стоющихъ до 1,000 руб. Вторымъ и третьимъ способомъ можно убивать звѣря немного,—да и пользоваться имъ трудно, такъ какъ онъ скоро тонетъ и охотники не успѣваютъ его схватить. Однако, послѣдніе способы дешевле и, притомъ, третьимъ способомъ звѣрь напугивается и на будущее время. Петарды могутъ быть выбрасываемы изъ орудія порохомъ или воздухомъ.

Если подобные способы примѣнить на самомъ Мурманѣ, то едва-ли будетъ достигнута ихъ цѣль, потому что звѣрь

тянется стадами и занимаетъ собою такое протяженіе, на которомъ понадобится очень много людей, чтобы гоняться за нимъ. Между тѣмъ мурманскій фактористъ А. Савинъ и кемскій купецъ М. Антоновъ предлагаютъ убивать „кожу" въ горлѣ Бѣлаго моря, причемъ дѣло о мѣрахъ противъ „кожи", эти лица облекаютъ въ нѣкоторыя условія, представляемыя правительству. Г. Савинъ подалъ архангельскому губернатору прошеніе и ходатайствуетъ о льготахъ; онъ заказываетъ въ Швеціи или Англіи пароходъ, вмѣстимостью 10,000 пудовъ и стоимостью 35,000 руб. Пароходъ будетъ приспособленъ къ охотѣ на звѣря и, конечно, снабженъ должнымъ экипажемъ, а также необходимыми принадлежностями. Г. Савинъ обяжется застраховать свой пароходъ въ одномъ изъ русскихъ обществъ. На этомъ пароходѣ экипажъ будетъ убивать звѣрей, съ тѣмъ, чтобы правительство изъяло съ парохода, какъ съ заграничнаго, таможенныя пошлины въ Архангельскѣ и выдало бы г. Савину ссуду въ размѣрѣ 75% застрахованной суммы, съ погашеніемъ долга въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ уплатой казеннаго процента. Мѣстомъ ружейной охоты, г. Савинъ предполагаетъ вообще океанъ и горло моря; сѣтями же, онъ думаетъ ловить звѣря въ Іоконгскихъ островахъ и въ губѣ Портшнихѣ.

Г. Антоновъ, исключительно съ цѣлью лова „кожи", купилъ въ Норвегіи двѣ одномачтовыя яхты, съ 4 лодками, и заплатилъ за нихъ 13,000 р. На этихъ судахъ наемные поморы будутъ преслѣдовать звѣря всюду. Ни о какихъ облегченіяхъ г. Антоновъ не ходатайствуетъ, а только желаетъ имѣть свободу отъ взиманія портовой пошлины. Положимъ, гг. Савинъ и Антоновъ, ходатайствуя о правительственныхъ льготахъ, прежде всего блюдутъ свои интересы, но если эти интересы идутъ рука объ руку съ общественными нуждами, съ успѣхомъ мурманскихъ промысловъ, то думается, что было бы полезно, если бы они получили искомое. Тѣмъ болѣе, что „кожа" не только пугаетъ и гонитъ крупную рыбу на недосягаемую глубину, но отваживаетъ отъ береговъ также наживку, которая, и безъ того уже, составляетъ на Мурманѣ жгучій вопросъ.

Городъ Кола.

ЧЕРЕЗЪ ЛАПЛАНДІЮ.

I.

Отъ г. Колы до Кицкой станціи.

Передавъ, по возможности, все, что удалось мнѣ почерпнуть о рыбныхъ ловляхъ, наживкѣ и „кожѣ", возвращаюсь къ моему дальнѣйшему путешествію. Какъ сказано, въ г. Колу, я прибылъ днемъ, 3-го августа. Изъ этого города, мнѣ надо было перерѣзать Лапландскій полуостровъ и попасть въ с. Кандалакшу, а отсюда кружный путь лежалъ по Бѣл. Морю на посадъ Суму. Согласно росписанію Архангельско-Мурманскаго пароходства, срочный пароходъ долженъ былъ придти въ с. Кандалакшу 8-го августа и простоять на рейдѣ не болѣе 3 часовъ. Я разсчитывалъ сѣсть на этотъ пароходъ,—и, слѣдовательно, въ моемъ распоряженіи было четверо сутокъ, при чемъ предстояло, частью, проѣхать

на карбасахъ, а частью, пройти пѣшкомъ—220 верстъ. Разумѣется, въ такой срокъ, при подобныхъ способахъ передвиженія, нелегко было поспѣть въ с. Кандалакшу къ 8-му августа, а не успѣвъ, долженъ былъ бы ожидать до 15-го августа, когда придетъ слѣдующій пароходъ. Поэтому, я спѣшилъ выходомъ изъ Колы и рѣшилъ оставить ее въ день прибытія; но, вскорѣ, узналъ довольно непріятную вещь, а именно, что земскія станціи, по лапландской дорогѣ, не утверждены еще губернскимъ распорядительнымъ комитетомъ и мною могутъ быть встрѣчены на пути большія затрудненія. Однако, благодаря любезности помощника кольскаго исправника г. Гейденрейхса, я получилъ двухъ лопарей для переправы моего скуднаго багажа и вышелъ изъ Колы вечеромъ, 3-го августа.

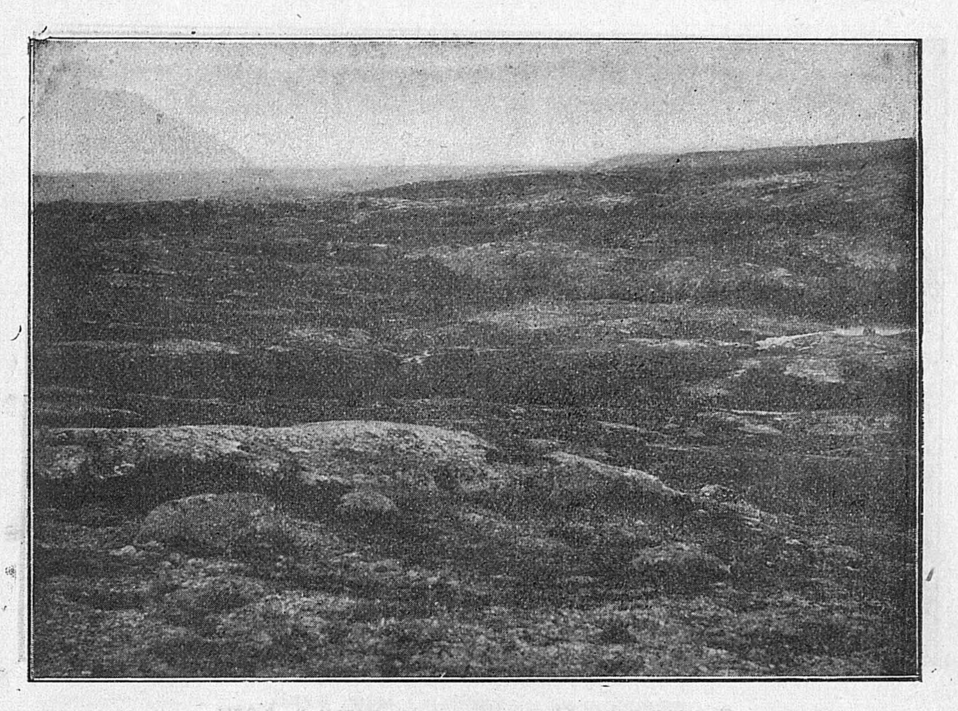
Нельзя сказать, чтобы я былъ спокоенъ насчетъ перехода черезъ Лапландію, потому что, во первыхъ, на неснятыхъ станціяхъ, лопари не обязывались выжидать путниковъ,—могли уйти куда нибудь на рыбныя ловли, уѣхать на карбасахъ—и, на попутныхъ озерахъ, пришлось бы сидѣть, въ томительномъ ожиданіи, подъ открытымъ небомъ, пока не подвернется, случайно, чей нибудь карбасъ; во вторыхъ предстояло переѣзжать громадное озеро Имандру, о которомъ, еще при обзорѣ колоній и становищъ, наслушался разныхъ ужасовъ; говорили, что оно злое, постоянно бурное и карбасное плаваніе на немъ чрезвычайно опасно; во время штормовъ, иногда, проѣзжающіе спасаются на берегахъ и живутъ тамъ, подъ судами, до штиля, недѣлями. Къ моему удовольствію, со мною шелъ, также съ лопарями, производитель работъ, по устройству телеграфной линіи Кола — Кандалакша, Н. Н. Менделѣевъ; онъ былъ мнѣ попутчикомъ до Экостровскаго погоста (150 верстъ), а затѣмъ, предполагалъ свернуть въ сторону, къ рабочимъ, которые ставили на линіи телеграфные столбы.

Едва отошли съ версту отъ Колы, пришлось подниматься на гору Саловаровку, высотою не менѣе 100 саж. Горная тропа вела насъ, зигзагами, среди камней, а иногда по камнямъ и, въ общемъ, настолько была неудобна и даже мучительна, что мы подвигались черепашьимъ шагомъ. Взоб-

равшись на вершину, я спросилъ лопарей, не знаютъ ли они, откуда эта гора получила названіе?—не было ли здѣсь когда-нибудь производства соли?

На это точныхъ и настоящихъ свѣдѣній они мнѣ не дали, а объяснили, — вѣроятно, по своему, — что такъ она называется потому, что по ней очень солоно подниматься.

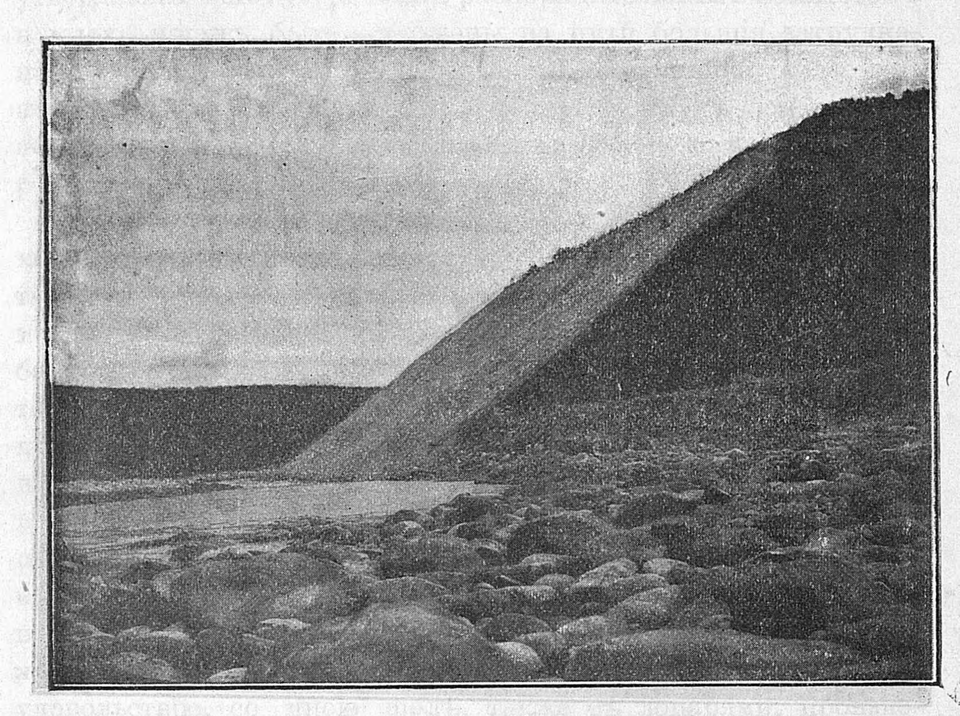
Съ Соловаровки мы отправились равниной, покрытой мелкими камнями и корявымъ лѣсомъ. Эта равнина остав-

Общій видъ скалистой пустыни верхней площади лѣваго берега Кольской губы, противъ Сальнаго острова.

ляетъ одну сторону горы, настолько отлогую, что уклонъ ея, для путника, едва замѣтенъ; между тѣмъ, на 3-й верстѣ, мы спустились подъ маленькую горку, и глазамъ нашимъ открылась р. Кола, по которой лежалъ нашъ дальнѣйшій путь. Казалось, отчего бы было не ѣхать рѣкой и эти 3 версты, нежели испытывать рядъ мученій, при переходѣ горы Соловаровки. Однако, мнѣ объяснили, что въ устьѣ и немного выше, р. Кола имѣетъ сухіе пороги; вода въ нихъ

шумитъ, рвется и никакой проѣздъ тамъ невозможенъ. Мѣстечко, гдѣ надо было сѣсть въ карбасы, называется Зашеечнымъ. Здѣсь полагается таможенный кордонъ, состоящій изъ одного урядника. Этотъ кордонъ—единственный, на пространствѣ отъ Финляндіи до св. Носа. Когда мы пришли къ рѣкѣ, урядникъ подскочилъ къ провожавшему насъ г. Гейденрейхсу и отрапортовалъ, что никого изъ контрабандистовъ задержано не было.

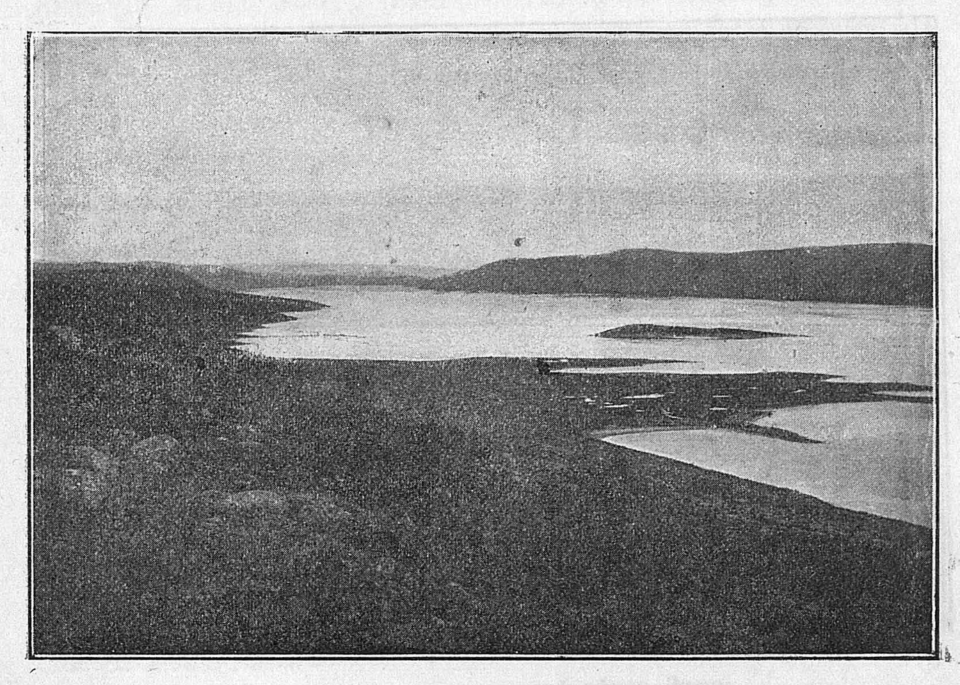
Обрывъ горы Саловаровки въ устьи р. Колы.

Попрощавшись съ г. Гейденрейхсомъ, мы расположились въ одномъ карбасѣ и поѣхали, вверхъ по рѣкѣ. Послѣдняя текла въ извилистыхъ берегахъ, русло ея большею частью глубокое, мѣстами же мелкое и завалено камнями. Проѣхавъ, въ теченіе 4 часовъ, 15 верстъ, карбасъ ткнулся въ берегъ и надо было вылѣзать; дальше р. Кола слишкомъ мелка, порожиста и, для проѣзда, совершенно непригодна.

Мы вышли на крутой берегъ. Чуть занималась утренняя заря; ложился густой туманъ; было мозгло, холодновато;

Реомюръ показывалъ 8° тепла. На берегу валялись новыя бревна, по поводу коихъ мнѣ сообщили, что здѣсь предполагаютъ построить поморскую избу.

Лопари стали привязывать нашу кладь на крошки *), а мы отправились пѣшкомъ. Вскорѣ перешли мостъ чрезъ рѣку Шонгуй, впадающую въ р. Колу. Мостъ почти развалился; рѣка здѣсь мелкая, съ высокими каменистыми берегами. Мы перебирались чрезъ этотъ мостъ съ крайнею осторожностью;

Видъ горы Саловорока на р. Тулому.

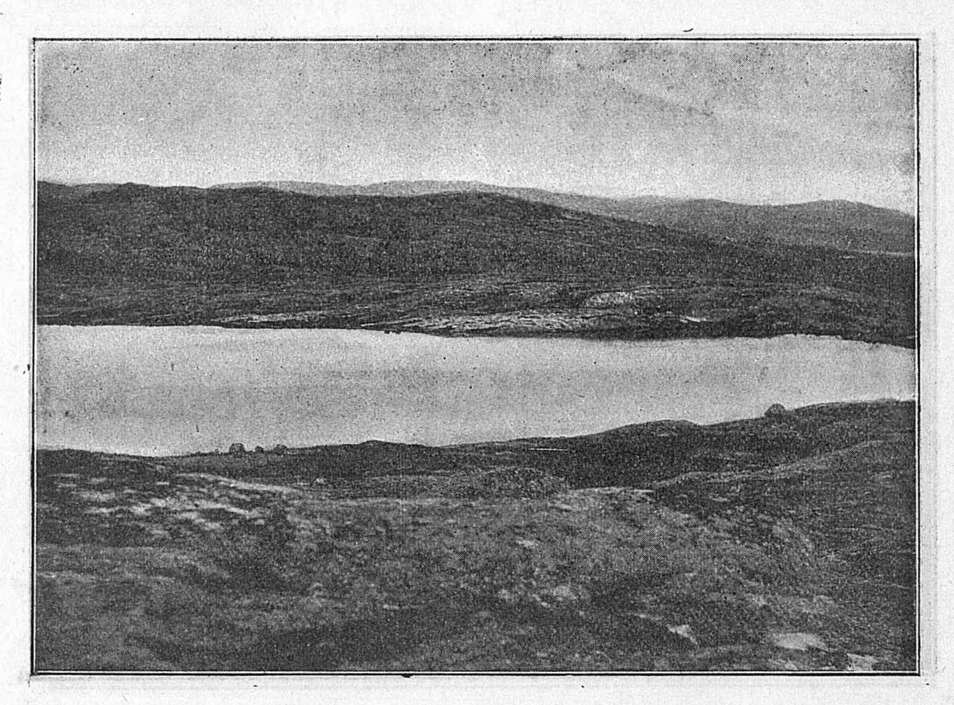
прежде, чѣмъ сдѣлать шагъ, пробовали ногою половицы, убѣждались въ ихъ прочности и тогда уже рисковали подвинуться впередъ.

Далѣе тянулась тропинка; она извивалась, то по травянистымъ, то по совершенно голымъ пригоркамъ, то спускалась въ овраги и едва была замѣтна среди мелкаго, но густаго березняка. Такъ шли не болѣе 2-хъ верстъ. Затѣмъ, стали

*) Заплечныя носилки, на подобіе лошадиной дуги, переплетенной веревками.

попадаться болота, чрезъ которыя настланы мостки, почти сплошь гнилые, разрушенные.

На 4-й верстѣ, повстрѣчался участокъ строеваго лѣса— больше сосна среднихъ размѣровъ, суковастая и, рѣдко, прямоствольная. Участокъ былъ небольшой,—и за нимъ снова потянулись топкіе и вязкіе торфяники, тоже съ невозможными мостками. Пройдя еще 2 версты, мы подошли къ маленькому ручейку, вытекающему изъ виднѣющагося озера и

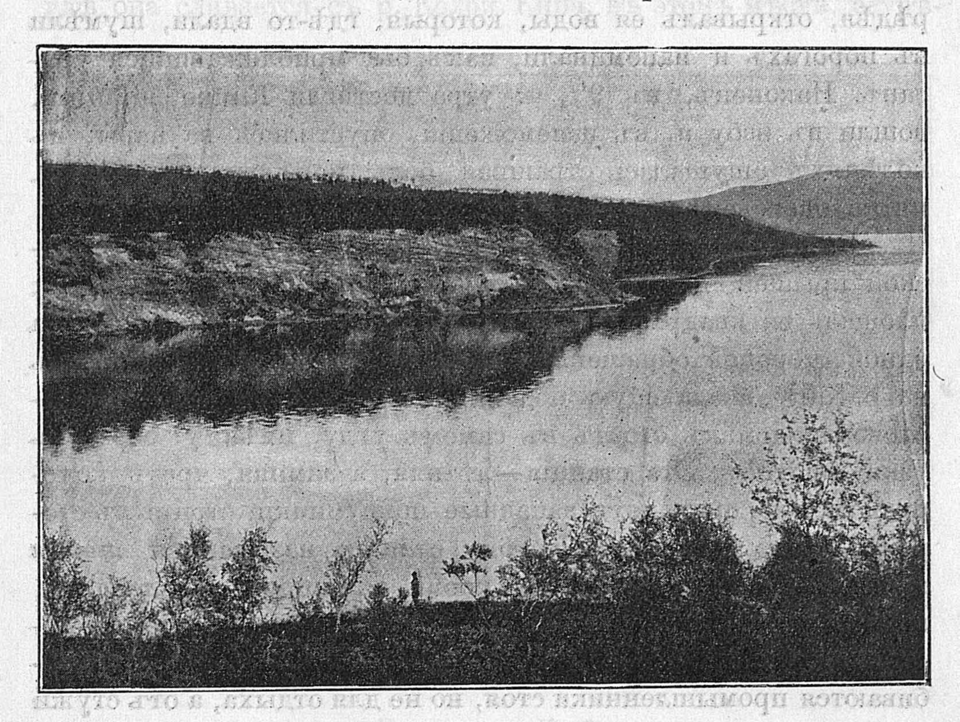

Озеро прѣсной воды въ скалистой пустынѣ верхней площади лѣваго берега Кольской губы, противъ Сальнаго острова.

теряющемуся среди разной растительности. По словамъ лопарей, впереди, на разстояніи 8-ми верстъ, не было капли воды; поэтому, мы всѣ прильнули къ ручейку и пили, хотя чистую, но не лишенную болотистаго запаха воду. Отъ Колы до этого ручейка, зимняя и лѣтняя дороги совпадаютъ, а отъ ручейка онѣ расходятся: налѣво идетъ зимній путь, чрезъ болота и озера, гдѣ лѣтомъ пробраться невозможно, а вправо тянется лѣтняя дорога, по которой проложенъ и телеграфъ. Зимняя дорога, лѣтомъ, также представляетъ тро-

пу, набитую оленями. Въ пунктѣ раздѣленія путей, стоитъ треножникъ изъ кольевъ. Треножники принято ставить по всему зимнему пути,—они указываютъ путнику дорогу, съ которой, во время сильныхъ мятелей и заносовъ, онъ можетъ сбиться.

Отъ ручейка, гдѣ пили воду, начинается довольно отлогій подъемъ на гору, до 3 верстъ. На немъ растетъ сосновый лѣсъ. Судя по сучковатости и трещинамъ, лѣсъ не

Песчаные обрывы въ участкѣ рѣчки Ливны.

можетъ идти на распилку и имѣть заграничный экспортъ, а, скорѣе, годенъ на мѣстныя нужды. Затѣмъ, шли 3 версты горою, гдѣ ощущалась въ воздухѣ значительная свѣжесть. На горѣ также росъ лѣсъ, но меньше размѣромъ и, притомъ, гораздо рѣже. Спускъ съ горы былъ круче; спускались $1^1/_2$ версты,—но это пространство было горше Соловаровки. Ямы, острые камни, обнаженные корни деревьевъ положительно вывертывали ноги, и утомленіе росло съ каждымъ шагомъ; при всемъ томъ, мы еще спускались по этой возму-

тительной дорожкѣ,—труднѣе было бы, конечно, по ней подниматься.

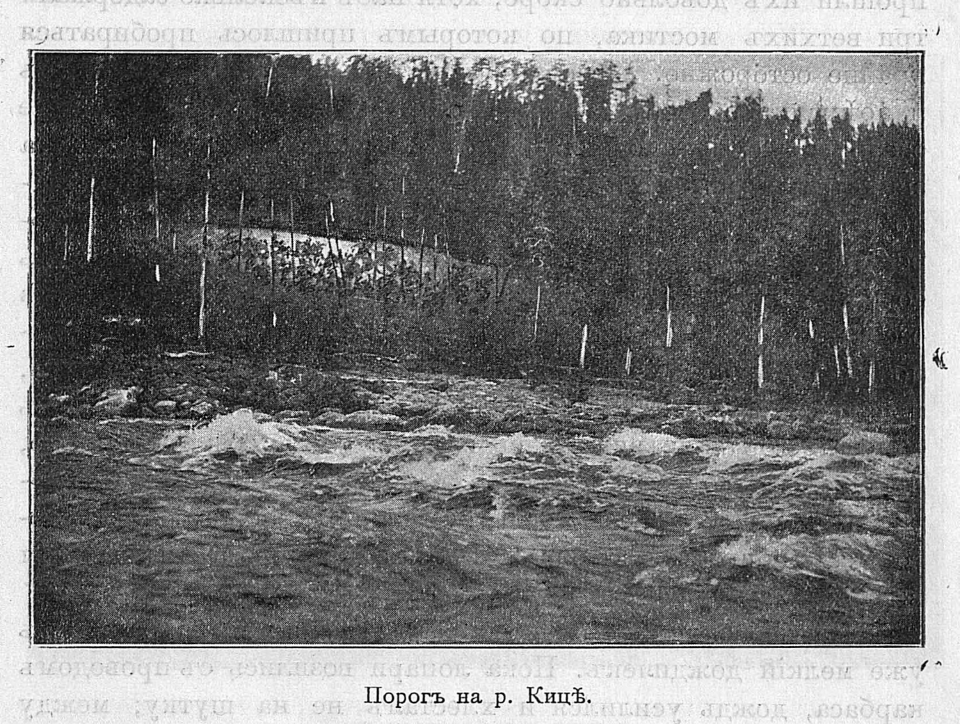
Чувствовалось особенное удовольствіе, когда мы миновали этотъ спускъ и вышли на берегъ р. Колы, вдоль которой тянулась довольно сносная тропа. Ею мы шли съ болѣе покойною душою, такъ какъ оставалось немного до Кицкой станціи, гдѣ предполагали сдѣлать отдыхъ. Береговой соснякъ, то закрывалъ отъ насъ густою порослью р. Колу, то, рѣдѣя, открывалъ ея воды, которыя, гдѣ-то вдали, шумѣли въ порогахъ и напоминали, какъ бы, приближавшійся ураганъ. Наконецъ, въ 9½ ч. утра достигли Кицкой станціи, вошли въ избу и, въ изнеможеніи, опустились на нары; въ колѣняхъ ощущалась страшная боль, ноги сильно горѣли, пятки одеревенѣли.

Кицкая станція представляетъ бревенчатую избу, съ плоской крышей, двумя маленькими окнами и одной дверью; площадь ея квадратная, каждая сторона длиною 1½ саж. Изба одной стороной обращена къ р. Колѣ, а фасадомъ смотритъ на р. Кицу, впадающую, подъ прямымъ угломъ, въ первую,—словомъ, домикъ стоитъ въ самомъ углу, имѣя у береговъ узкій проходъ. Эта станція—лѣтняя, а зимняя, чрезъ которую, весною, проходятъ западные покручники, стоитъ въ сторонѣ, около 4 верстъ. Поэтому, станціи называются *лѣтняя и зимняя Кица*. Въ первой, кромѣ станціонныхъ лопарей, никого не бываетъ, а въ нашу бытность, за несдачей комитетомъ станцій, не было и лопарей. Во второй, весною, набиваются промышленники стоя, но не для отдыха, а отъ стужи и вѣтровъ. Если же случится проѣзжающій чиновникъ или почта, то поморы удаляются подъ открытое небо.

II.

Отъ Кицкой до Масельской станціи.

На Кицкой станціи мы отдыхали и подкрѣпляли себя пищей до 3 ч. пополудни; затѣмъ сѣли въ карбасъ и поѣхали. Надо было непремѣнно переѣзжать р. Кицу, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она сливается съ р. Колой. Кица, въ этомъ мѣстѣ, встрѣ-

Порогъ на р. Кицѣ.

чаетъ порогъ и, какъ рѣка быстрая, шумитъ, бурлитъ, врѣзываясь въ р. Колу, съ такою силою, что образуетъ кругъ, до самаго берега послѣдней. Разумѣется, переправиться черезъ порогъ было нелегко: карбасъ застрявалъ, садился на камни, вертѣлся и только, при особыхъ усиліяхъ и ловкости лопарей, выскочилъ на фарватеръ р. Колы. Выше впаденія р. Кицы, р. Кола свободна отъ большихъ пороговъ, только на разстояніи 2-хъ верстъ, а затѣмъ, снова такіе пороги, чрезъ которые пробраться нѣтъ возможности. Проѣхавъ двѣ версты,

мы вышли на берегъ и отправились пѣшкомъ. Здѣсь тропа была уже шире, похожая, какъ бы, на проѣзжую дорогу, хотя, лѣтомъ, ѣзды по ней вовсе нѣтъ. Дорога, большею частью, тянулась гладкая, сухая; по бокамъ стояли невысокія стройныя сосны, а подъ ними, поверхъ мха, безпрестанно торчали грибы, которыхъ мы не чуждались,—напротивъ, собирали ихъ, предполагая приготовить на обѣдъ. Такъ шли мы на протяженіи $3^1/_2$ версты—и, благодаря хорошему и веселому пути, прошли ихъ довольно скоро, хотя насъ нѣсколько задержали три ветхихъ мостика, по которымъ пришлось пробираться крайне осторожно. Миновавъ эту тайболу *), сѣли въ карбасъ и поѣхали по озеру Мурдозеру. Собственно говоря, это не озеро, а скорѣе продолженіе р. Колы или плесъ ея, гдѣ она значительно шире въ берегахъ. Погода была тихая, поверхность воды ровная; ѣхали съ большимъ удовольствіемъ. Берега озера низкіе, мѣстами каменистые, покрыты мелкимъ соснякомъ; въ берегахъ встрѣчались заливы, а посрединѣ озера—красивые, живописные островки, съ луговою поверхностью или съ довольно высокими деревьями. На 6-й верстѣ, начались песчаные берега, съ низкими соснами; за ними, въ синеватой дымкѣ, виднѣлись высокія горы. Ѣхали спокойно, любуясь природой, 15 верстъ; но затѣмъ, лопари насъ потревожили, такъ какъ повстрѣчались два порога, чрезъ которые пробираться въ карбасѣ было трудно, и мы дважды выходили на берегъ.

На небосклонѣ стали собираться тучки и накрапывалъ уже мелкій дождичекъ. Пока лопари возились съ проводомъ карбаса, дождь усилился и хлесталъ не на шутку; между тѣмъ до намѣченнаго пункта оставалось 5 верстъ. Мы торопили лопарей, чтобы не промокнуть до костей. Это было для насъ необходимо, такъ какъ, для легкости въ путешествіи, платье было взято одно—перемѣны не было.

Въ 9 ч. вечера, мы достигли намѣченнаго пункта—избы телеграфнаго вѣдомства, которая нынѣ только выстроена и, надо отдать полную справедливость, весьма цѣлесообразно. Изба совсѣмъ уже приготовлена къ жилью, но, къ сожалѣнію,

*) Сухопутныя обходныя мѣста здѣсь вообще именуются тайболами.

не было еще сложено печей. Предъ домикомъ, на открытомъ воздухѣ, лопари вскипятили намъ чайникъ и сварили грибы.

Усталость, сытость и проведенная на ногахъ ночь сильно клонили ко сну, и мы легли въ избѣ спать, давъ себѣ слово встать чуть-свѣтъ. Когда я засыпалъ, сырость и холодъ донимали меня изрядно, но съ этимъ, все-таки, можно было мириться,—укрылись отъ дождя, согрѣлись немного тѣломъ; а въ какомъ бы положенiи мы очутились, если бы не прiю-

Типъ телеграфнаго домика.

тила насъ телеграфная изба?—измокшiе, продрогшiе должны были-бы мы ночевать подъ карбасомъ, вытащеннымъ на берегъ, или ѣхать дальше, 30 верстъ, до слѣдующей Масельской земской станцiи.

Не смотря на многiя неудобства ночлега, мы проспали, поднявшись только въ 7 ч. утра. Лопари спали внѣ избы, подъ парусомъ; я пошелъ ихъ будить.

Въ воздухѣ царила полнѣйшая тишина; на горизонтѣ,

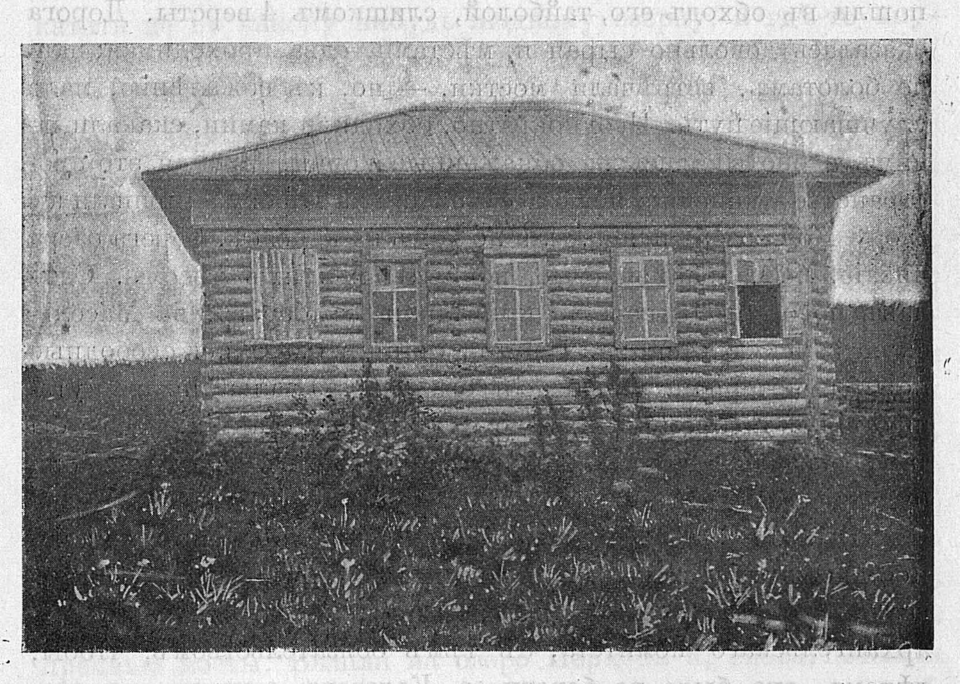
ходили предвѣстники дождя и, словно клубы дыма, то скользили по отдаленнымъ горамъ, то окутывали ихъ вершины. Въ противуположной сторонѣ выглянуло солнышко и вскорѣ скрылось. Мы тронулись въ путь пѣшкомъ, для обхода пороговъ, и прошли 4 вер. по довольно сносной дорогѣ, окруженной большею частью мелкимъ лѣсомъ; затѣмъ на озерѣ Пулозерѣ сѣли въ карбасъ. По этому озеру, на 2-й верстѣ, лѣтняя и зимняя дороги сходятся и идутъ вмѣстѣ 10 верстъ.

Пулозеро, какъ и Мурдозеро, тоже представляетъ собою плесъ р. Колы—слишкомъ узкое пространство воды для озера и широкое для рѣки. Характеръ береговъ и произрастающая на нихъ растительность этого озера точно такіе-же, какъ и у предъидущаго, но, по величинѣ, Пулозеро меньше,—оно длиною 12 верстъ.

Мы проѣхали все это озеро и за ½ версты до пункта, отъ котораго шла сухопутная дорога, привалили къ контрольному дому телеграфнаго вѣдомства. Погода, тѣмъ временемъ, разгулялась; солнце блестѣло, день установился тихій, теплый. На берегу наши лопари сварили намъ уху, согрѣли чайникъ.

Здѣсь, мнѣ пришлось вступить съ лопарями въ разговоръ; одинъ изъ нихъ, Петръ Голый, оказался ловцомъ жемчужныхъ раковинъ. Я поинтересовался этимъ промысломъ и просилъ Голаго разсказать о немъ подробно. По его словамъ, жемчужныхъ раковинъ онъ ловитъ въ безъимянной рѣчкѣ, вытекающей изъ озера Ангисьяра и вливающейся въ озеро Пулозеро. Дѣлается плотъ изъ четырехъ бревенъ, длиною каждое въ 1½ саж., которыя сколачиваются такъ, чтобы посрединѣ оставалось небольшое отверстіе, могущее дать возможность человѣческому глазу видѣть дно рѣки. Ловецъ отталкивается отъ берега шестомъ, длиною 1½—2 саж., у котораго, на одномъ концѣ, сдѣланъ расщепъ для зажима раковины и бросаетъ на фарватерѣ рѣки, вмѣсто якоря, камень на 15 саженной веревкѣ. Въ то время, когда плотъ водитъ теченіемъ, ловецъ подтягиваетъ или спускаетъ веревку, а самъ смотритъ въ отверстіе и отыскиваетъ на днѣ раковину. Отыскать послѣднюю не трудно, такъ какъ цвѣтомъ она черная и торчитъ, стоя въ песчаномъ днѣ. Удобнѣе и легче ловить раковинъ днемъ, въ особенности на солнцѣ. Заловивъ

10—20 штукъ, ловецъ подплываетъ къ берегу и начинаетъ раскрывать ихъ. Если жемчужина большая или черная, она сразу видна, а маленькую нащупываютъ пальцемъ. Иной разъ жемчужины попадаются, не только въ одномъ или двухъ десяткахъ, но и въ цѣлой сотнѣ, выловленной въ теченіе цѣлаго дня. По примѣтамъ Голаго, жемчужины чаще бываютъ въ кривыхъ раковинахъ. Лопарь сбываетъ жемчугъ въ с. Кандалакшѣ, гдѣ есть скупщики его, а также промышленники. Сказавъ лопарямъ, чтобы они готовились въ путь, мы

Контрольный домъ телеграфнаго вѣдомства.

отправились въ телеграфный домъ. Послѣдній только что срубленъ, имѣетъ 5 оконъ, достаточное число комнатъ, размѣщеніе ихъ удобное. При насъ, въ домѣ вставлялись рамы и складывались печи; г. Менделѣевъ говорилъ мнѣ, что черезъ мѣсяцъ домъ будетъ совершенно пригоденъ для жилья и поспѣетъ, какъ разъ къ тому времени, когда откроется передача депешъ между г. Колой и с. Кандалакшей. Мы про-

были 2 часа на берегу Пулозера,—дикаго, безлюднаго озера, которое впервые, украсилось домомъ—и, провели это время пріятно, подъ тѣмъ впечатлѣніемъ, что свѣтъ культуры сталъ проникать и въ нашу забытую Лапландію.

Отсюда, карбасъ протащилъ насъ съ ½ версты и высадилъ на берегъ. Здѣсь, зимняя и лѣтняя дороги опять расходятся въ разныя стороны, причемъ первая идетъ на озеро Пермесъ, а вторая—на оз. Колозеро. Дальше лежала все та же р. Кола, но только въ узкихъ берегахъ и длиною не болѣе 4 верстъ; этотъ кусочекъ ея слишкомъ порожистъ и мы пошли въ обходъ его, тайболой, слишкомъ 4 версты. Дорога оказалась довольно сырая и, мѣстами, едва проходимая; шли по болотамъ, встрѣчали мостки, — но, къ сожалѣнію, мало улучшающіе путь. Неоднократно, обходили камни, скакали по нимъ и спотыкались на обнаженные корни. Пройдя это пространство—конечно, не безъ сѣтованія на дорогу,—пришли къ озеру Коло-озеру и поплыли по немъ на карбасѣ. Берега озера низкіе, песчанокаменистые, покрыты мелкимъ лѣсомъ. Сдѣлавъ по озеру 10 верстъ, привалили къ берегу, на Масельскую земскую станцію. На этой станціи оказались свободные лопари, которыми мы воспользовались для дальнѣйшаго путешествія и подрядили ихъ до слѣдующей станціи,—если бы тамъ оказались другіе лопари; въ противномъ же случаѣ, они будутъ слѣдовать дальше.

Было 5 ч. вечера; прежній содержатель станціи, лопарь, поставилъ самоваръ и напоилъ насъ чаемъ. Онъ разсказывалъ, что Масельская станція снимается по контракту отъ архангельскаго комитета, съ тѣмъ обязательствомъ, чтобы, лѣтомъ, она была на берегу оз. Колозера, а зимою—въ сторонѣ, на зимней дорогѣ, въ Масельскомъ погостѣ. Нынѣ эта станція не сдана ему, а живетъ онъ здѣсь лѣтомъ, по привычкѣ, какъ жилъ здѣсь ранѣе, десятки лѣтъ.

III.

От Масельской станцiи.

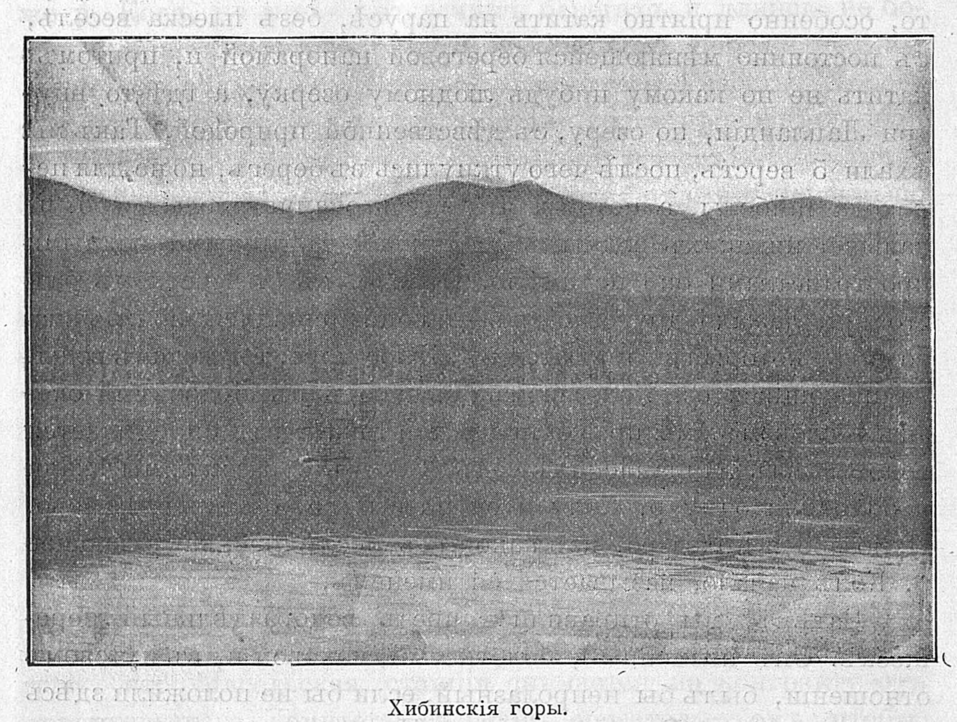
Въ сопровожденiи новыхъ спутниковъ, мы отправились по тому же Коло-озеру. Сталъ задувать порядочный вѣтеръ и, къ нашему удовольствiю, попутный; лопари подняли парусъ—и карбасъ понесся по небольшимъ волнамъ, вдоль берега. Какъ то, особенно прiятно катить на парусѣ, безъ плеска веселъ, съ постоянно мѣняющейся береговой панорамой и, притомъ, катить не по какому нибудь людному озерку, а гдѣ-то внутри Лапландiи, по озеру, съ дѣвственной природой. Такъ мы ѣхали 5 верстъ, послѣ чего уткнулись въ берегъ, но не для перехода тайболы, а потому, что здѣсь оканчивалось озеро, и, дальше, никакихъ водныхъ соединенiй съ другими водными пространствами оно не имѣло. Правда, въ ½ верстномъ разстоянiи, лежало другое озеро,—но оно принадлежало къ тѣмъ водамъ, которыя выливаются въ Бѣлое море, тогда какъ воды, начинающiяся оз. Колозеромъ, впадаютъ въ Ледовитый океанъ,—словомъ, мы прiѣхали къ той точкѣ, гдѣ опредѣляется водораздѣлъ лапландскихъ водъ. Такимъ образомъ, мы ѣхали и обходили одну р. Колу и ея плесы т. е. озера Мурдозеро, Пулозеро и Колозеро, изъ каковыхъ послѣднее, какъ дающее р. Колѣ начало, называется ея именемъ.

Затѣмъ, мы отправились чрезъ водораздѣльный перешеекъ. Онъ низменный, болотистый, моховой и, въ путевомъ отношенiи, былъ бы непролазный, если бы не положили здѣсь прочные мосты. Вышли на озеро Пермесъ и, снова, поѣхали на карбасѣ. На этотъ разъ, вѣтеръ уже стихъ, и въ парусѣ не ощущалось надобности; три лопаря и лопарка-дѣвушка усиленно работали веслами.

На оз. Пермесъ лѣтняя и зимняя дороги сходятся и тянутся вмѣстѣ, по всему озеру; только въ концѣ его, онѣ снова расходятся. При проѣздѣ озеромъ, замѣчали, что берега его каменистые, изрѣдка прерываются мелкимъ лѣскомъ и лужками. Вдали, за берегами, обрисовывались горы—это хребетъ Хибинскихъ горъ. На горы наползутъ свѣтлыя облака, закутаютъ ихъ на нѣсколько минутъ, и снова откроютъ взо-

рамъ вершины; затѣмъ надвинется группа болѣе темныхъ облаковъ—и горы, какъ бы, принимаютъ угрюмый неприглядный видъ. Намъ казалось, что Хибины недалеко — но, на самомъ дѣлѣ, они были на разстоянiи, не менѣе 50 верстъ. Впрочемъ, лопари сказали намъ, что придется ѣхать мимо самыхъ горъ.

Озеромъ Пермесомъ карбасъ тащился 14 верстъ, послѣ чего мы вышли на берегъ. Изъ Пермеса вытекаетъ р. Ку-

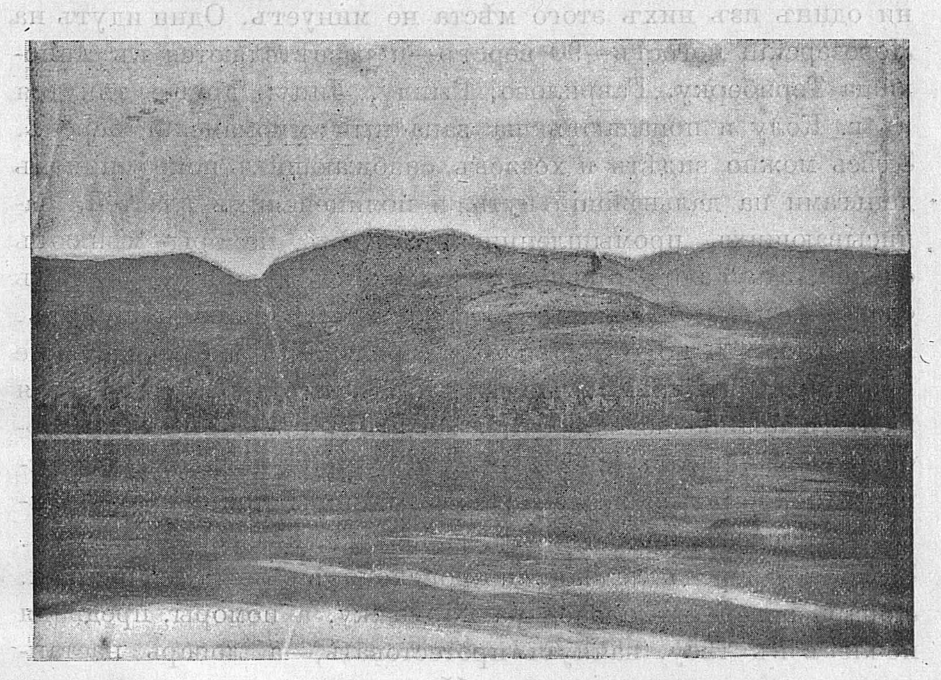

Хибинскiя горы.

ренга, на пути образуетъ плесъ, называемый озеромъ Рекълумбомъ, и выливается въ громадное озеро Имандру. Куренга чрезвычайно порожиста и мелка; поэтому мы, до Имандры, отправились тайболой. Сначала дорога шла ровная, сухая; по сторонамъ росъ прекрасный сосновый лѣсъ, который, кстати сказать, крайне переспѣлый, такъ какъ, на каждомъ шагу встрѣчался валежникъ; потомъ стали попадаться обычные камни и обнаженные корни. Въ концѣ тайболы, переправлялись черезъ двѣ горы, довольно высокiя, но съ большими отлогими спусками. Дорога вела насъ 4 версты и при-

вела къ о. Имандрѣ, гдѣ на берегу стояла маленькая, курная изба. Эта изба поставлена для лѣтняго путника; направляясь отъ г. Колы и достигнувъ Имандры, онъ можетъ быть застигнутъ дождемъ, сильнымъ вѣтромъ и, вообще, такою погодою, которая заставляетъ его, иногда, сидѣть у озера нѣсколько сутокъ; такимъ образомъ, въ этой земской избѣ путникъ находитъ себѣ необходимый пріютъ.

Мы сѣли на скамейку, у самаго берега, и стали поджидать лопарей, которые отстали отъ насъ въ горахъ. Мы лю-

Хибинскія горы.—Озеро Имандра.

бовались природой. Предъ нами разливался плесъ р. Куренги, красиво оттѣняемый темною зеленью густаго побережнаго сосняка. Сама Куренга выбѣгала изъ лѣсной чащи, встрѣчала, при впаденіи, порогъ, шумѣла и бурлила. Время подвигалось къ вечеру, становилось замѣтно холоднѣе, высь не оглашалась ни голосомъ человѣка, ни крикомъ птицы, только непрерывно держался въ воздухѣ однообразный шумъ рѣки— все окружающее носило печать какой-то таинственности.

Пришли лопари и мы отправились въ карбасѣ по Иман-

дрѣ. Двѣнадцать верстъ плыли по озеру, среди лѣсистыхъ береговъ, затѣмъ пристали къ Росноволокской земской станціи. Эта станція стоитъ на берегу, на лѣтней дорогѣ, а въ одной верстѣ отъ берега, на зимнемъ пути, другая. Зимняя станція бываетъ въ Росноволоцкомъ погостѣ, гдѣ живутъ лопари въ 8 тупахъ. Этотъ погостъ служитъ главнымъ пунктомъ, куда весною стекается весь промышленный людъ, идущій на мурманскіе рыбные промыслы; поэтому здѣсь устроены три казармы и церковь. Отсюда поморы расходятся въ стороны—и ни одинъ изъ нихъ этого мѣста не минуетъ. Одни идутъ на Ловозерскій погостъ—90 верстъ—и развѣтвляются въ становища Териберку, Гаврилово, Рынду, Лицу; другіе тянутся въ г. Колу и попадаютъ на западный мурманскій берегъ. Здѣсь можно видѣть и хозяевъ, снабжающихъ покручниковъ деньгами на дальнѣйшій путь, и полицейскихъ властей, записывающихъ промышленниковъ; здѣсь, поморы мѣняютъ оленей, закупаютъ провизію, рядятся съ лопарями,—однимъ словомъ, въ это время, Росноволокъ оживляется и шумитъ. Извѣстно, что поморы проходятъ большія пространства, не приваливая къ жилымъ помѣщеніямъ, ибо таковыхъ имѣется на пути крайне недостаточно. На этихъ пространствахъ, лопари сворачиваютъ оленей въ лѣсъ, чтобы дать имъ возможность покормиться ягелемъ; тогда поморы принуждены бываютъ ночевать подъ открытымъ небомъ, въ снѣгу, въ стужѣ. Здѣсь то, передъ лежкой, и происходятъ разныя неурядицы. Лопарь повернетъ оленей на кормежку, а поморы, предвидя ночлегъ въ лѣсу, начнутъ протестовать,—а лопарь настаиваетъ на своемъ; когда они убѣдятся, что, словами, ничего не могутъ подѣлать, отрѣзаютъ повода и ѣдутъ дальше, до жилища, управляя оленями сами; лопарь догоняетъ и начинается ссора, нерѣдко переходящая въ драку.

Въ Росноволокѣ, за недостаткомъ оленей, поморамъ приходится проживать по недѣлѣ. Каждый день тамъ скопляется до 900 промышленниковъ,—а такой массы, три казармы, отнюдь не могутъ свободно вмѣстить; поэтому поморы нетолько набиваются на нары, но даже валяются на полу, плотно прижавшись другъ къ другу. Во всякомъ случаѣ, лучше спать тѣсно, да тепло,—чѣмъ свободно, да холодно.

IV.

Отъ Роснаволока до Кандалакши.

Въ Роснаволокѣ мы заночевали и въ 9 час. утра, 6-го августа, отправились дальше, съ прежними лопарями. Погода стояла прекрасная,—день выдался солнечный, небо чистое, безоблачное; на озерѣ былъ полнѣйшій штиль.

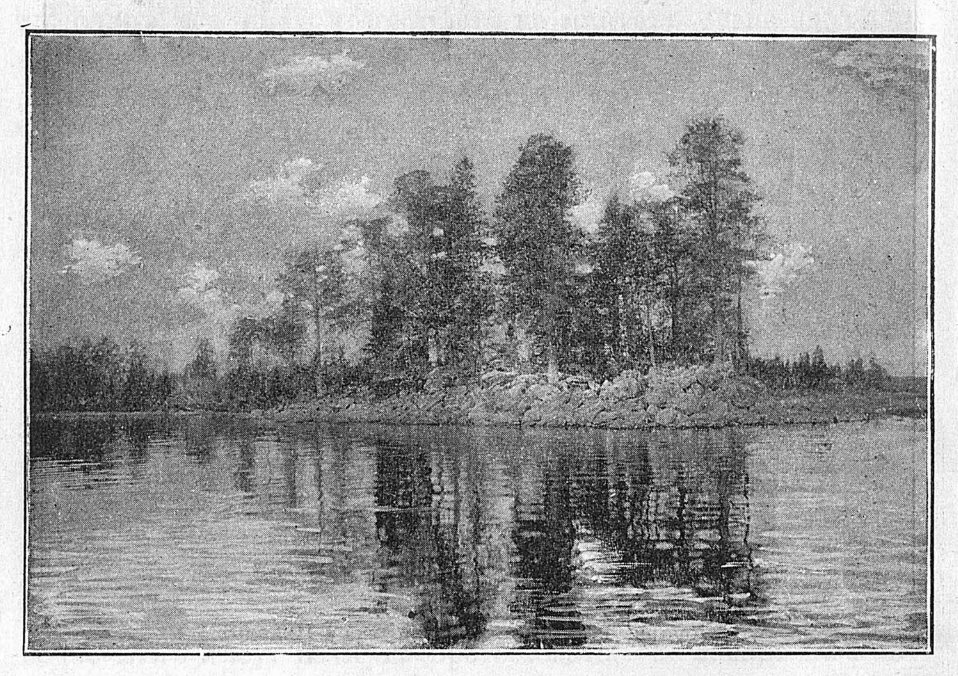
Лопари, ѣдущіе на ловъ по озеру Имандрѣ.

Только что тронулись съ мѣста, сейчасъ же, налѣво, вдоль берега, величественно потянулись высокія Хибинскія горы, отражаясь, на голубомъ фонѣ, всевозможными формами; на вершинахъ сверкалъ вѣчный снѣгъ и придавалъ горному хребту чудный видъ. Направо, въ тундрѣ Мончѣ виднѣлись также горы, отроги Хибинъ, но гораздо ниже.

Тихо скользя по гладкой зеркальной поверхности воды, мы разсматривали берега; они казались отлогими, каменистыми, покрытыми мелкимъ лѣсомъ. Имандра — громадное озеро, длинное и узкое; съ сѣвера на югъ, оно протянулось до 100 верстъ и на столько же завернуло къ западу.

Имандра изобилуетъ мелкими губами и маленькими островками, такъ что, при проѣздѣ, надо имѣть опытнаго лопаря кормчаго, чтобы не заблудиться въ губахъ и среди надводныхъ кургановъ. Въ Имандрѣ ловится,—изъ лучшихъ рыбъ,—кунжа, сигъ и хареусъ; на рыбные промыслы выѣзжаютъ лопари ближайшихъ погостовъ и ловятъ сѣтями и удами.

Проѣхавъ отъ Роснаволока 25 верстъ, свернули на берегъ и, въ земской избѣ, закусывали. Изба эта имѣетъ оди-

Островъ Маланья на озерѣ Имандра.

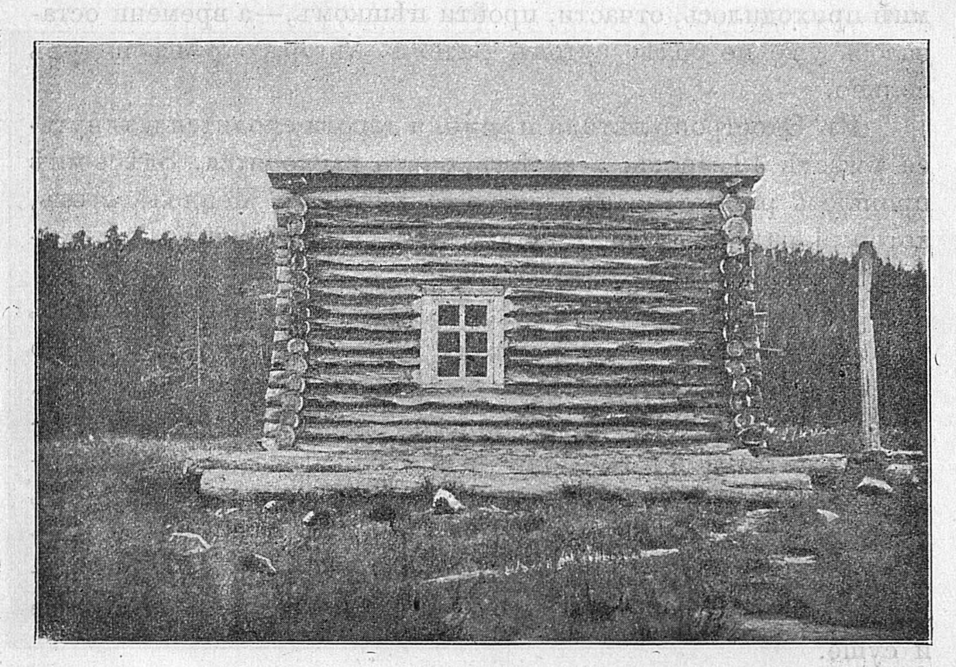
наковое назначеніе съ избой, которая стоитъ при началѣ Имандры.

Здѣсь, мы пробыли недолго, такъ какъ лопари и карбасъ оставались тѣ же, а, смѣна предстояла въ слѣдующей избѣ гдѣ содержалась земская станція. На 35-ой верстѣ, Хибины стали понемногу теряться изъ виду—т. е. удалялись отъ берега, уходили во внутрь материка и, затѣмъ, скрывались за горизонтомъ.

Стали приближаться къ бывшей Экостровской станціи и,

на 2-й верстѣ отъ нея, замѣтили живописный островъ, берега котораго, какъ-бы нарочно, обложены камнями, а наверху растутъ низкія красивыя сосны. Среди растительности, мелькали деревянные кресты, напоминающіе православное кладбище; дѣйствительно, какъ объяснили наши возницы, сюда, со всѣхъ концовъ, возятъ лопари покойниковъ.

Вечеромъ, мы пріѣхали на Экостровскую станцію. Это не станція, не подобающая для нея изба, а какая-то канура,—

Земская станція въ Лапландіи.

всюду видимыя щели, дуетъ постоянный сквознякъ, такъ что отдыхать и спать въ ней, даже лѣтомъ, невозможно. Крыша развалилась, потеряла наклонность и настолько одырявилась, что, во время дождей, съ потолка льются цѣлые потоки. Внутри, все переломано, сгнило, состарилось и загрязнилось. Воображаю, что здѣсь происходитъ зимою. По замѣчанію лопарей, быть въ этой избѣ все равно, что чувствовать себя подъ открытымъ небомъ.

Вскорѣ по прибытии на Экостровскую станцію, потянулъ съ востока легонькій вѣтерокъ, который съ каждымъ часомъ

крѣпчалъ и къ ночи дулъ уже порядочно. Насъ страшно клонило ко сну и, не взирая на убожество избы, расположились спать. Впрочемъ, подъ утро, когда стало холоднѣе, довольно свѣжій вѣтеръ свободно гулялъ по избѣ и нѣсколько разъ заставлялъ меня перемѣнять мѣсто, такъ что, въ концѣ концовъ, я устроился въ печкѣ. Проснулся въ 5 часовъ утра и поспѣшно сталъ готовиться къ отъѣзду, такъ какъ до с. Кандалакши оставалось 60 верстъ, которыя мнѣ приходилось, отчасти, пройти пѣшкомъ,—а времени оставалось уже не болѣе сутокъ. За ночь, вѣтеръ окрѣпъ и дулъ сильно.

Въ Экостровѣ лѣтняя и зимняя дороги сходятся и тянутъся вмѣстѣ 12 верстъ, а затѣмъ, опять расходятся. Здѣсь мнѣ пришлось разстаться съ электро-техникомъ г. Менделѣевымъ, который изъ Экострова долженъ былъ отправиться, для осмотра работъ, въ другую сторону.

Положимъ, мы, на разныхъ карбасахъ, могли бы выѣхать вмѣстѣ, но онъ остался, потому что ему путь лежалъ по противному вѣтру, а мнѣ онъ былъ боковой. Попрощавшись, отправился, на карбасѣ, съ новыми лопарями. Парусъ стоялъ бокомъ, на и то недолго,—приходилось уже плыть противъ вѣтра и, слѣдовательно, снять его. Лопари сѣли въ весла и стали усиленно грести. Погода, сначала, стояла пасмурная,—туманъ то ложился, то разсѣивался; затѣмъ, показались лучи солнца, воздухъ постепенно становился теплѣе и суше.

Въ 12-ти верстахъ отъ Экострова, мы увидѣли поморскую казарму, и, узнавъ отъ лопарей, что таковыхъ до с. Кандалакши болѣе не будетъ, я велѣлъ подвезти меня къ ней, чтобы ознакомиться вообще съ типомъ поморскихъ казармъ въ Лапландіи. Приближаясь къ берегу, я любовался, какъ бѣлыя облака окутывали большую гору Чуну; они клочьями проходили по вершинамъ, то застилая, то обнажая темный сѣроватый камень.

Я измѣрилъ и подробно осматривалъ казарму; она, во всѣхъ отношеніяхъ, похожа на тѣ три казармы, которыя построены въ Расноволокѣ. Стоитъ она на самомъ берегу оз. Имандры, бревенчатая, покрыта тесовой крышей, длиною въ

5 с. $1/2$ ар., шириною 3 с., высота въ углу 2 с. Въ казармѣ имѣется 5 оконъ—высота ихъ $2 1/2$ ар., шир. $1 1/4$ ар.; есть также сѣни, изъ которыхъ ведутъ три двери. Внутри, кругомъ, въ два яруса нары, шириною въ $2 3/2$ ар. Среди наръ стоитъ, до самаго потолка, печь, шириною наравнѣ съ нарами. При казармѣ, въ маленькой избѣ, живетъ сторожъ, лопарь Миронъ Архиповъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что весною, здѣсь, въ день перебываетъ до 320 поморовъ; онъ считалъ ихъ

Казарма для промышленниковъ въ Лапландіи.

три года сряду, а теперь пересталъ—надоѣло. Разная кладь и провизія оставляется внѣ казармы,—да, и безъ клади, бываетъ въ казармѣ настолько тѣсно, что всѣ поморы не помѣщаются въ стѣнахъ, а ночуютъ на снѣгу въ балаганахъ, которыхъ, въ разгарѣ движенія, раскидывается до 25 штукъ. Ночевать въ балаганахъ, конечно, холодно и покрываются всѣмъ, что имѣется съ собой. У казармы поморы разводятъ костры и варятъ рыбу, а большею частью кипятятъ воду и пьютъ чай, который и дешевле, и скорѣе согрѣваетъ тѣло. Промышленники многое передавали Мирону, о своихъ путе-

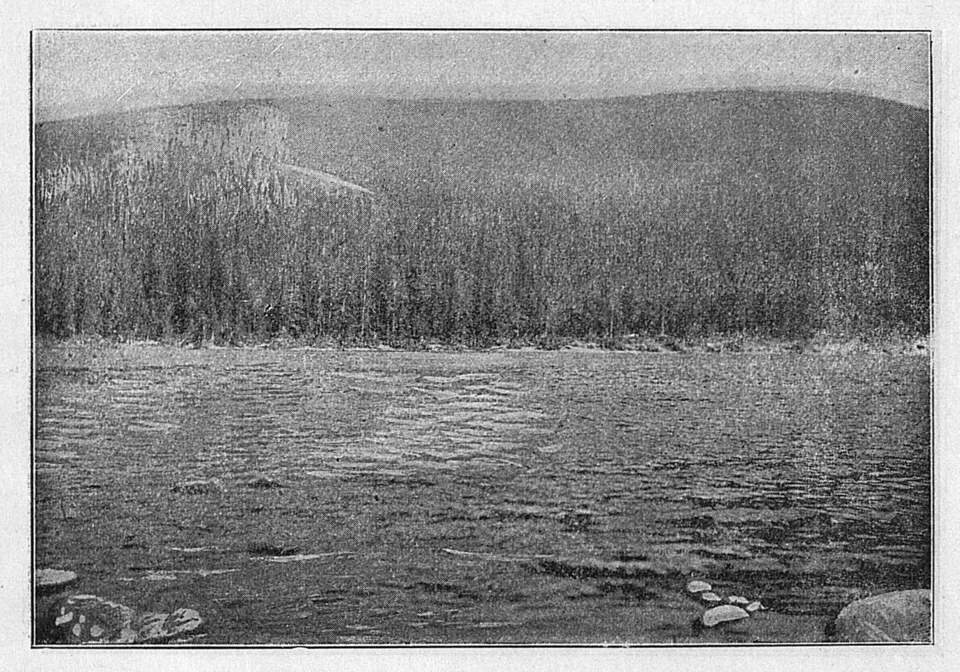
шествіяхъ чрезъ Лапландію. Проводя ночь подъ открытымъ небомъ, при сильныхъ морозахъ, одни отмораживаютъ себѣ ноги и пальцы на рукахъ; другіе, вслѣдствіе изнеможенія и истощенія, пріобрѣтаютъ зачатки цынги; третьи получаютъ острый ревматизмъ, часто переходящій въ хроническій — словомъ, едва-ли, гдѣ, въ Европейской Россіи, существуетъ такой губительный путь, какой, изъ года въ годъ, совершаютъ наши злосчастные сѣверные поморы, переходя, горькую для нихъ, Лапландію. Помочь этому горю можно, лишь, возведеніемъ новыхъ казармъ въ другихъ пунктахъ. Поморы говорили, что было-бы крайне желательно имѣть казарму на пути отъ Расноволоки къ г. Колѣ и таковую-же на Ловозорѣ, куда они идутъ, по безпріютной дорогѣ, 90 верстъ и отсюда, расходятся по восточнымъ становищамъ, дѣлая еще до 100 верстъ. Самыя мѣста, на которыхъ слѣдуетъ устроить казармы, должны быть, преимущественно, тамъ, гдѣ вблизи произрастаетъ ягель, такъ какъ ночевка тѣсно связывается съ кормежкой оленей.

Зимній путь, большею частью, лежитъ по мхамъ и болотамъ, отчего лѣтомъ къ нему не пробраться; слѣдовательно, надо объѣхать его зимою и спросить лопарей-оленеводовъ о томъ, на какихъ пунктахъ пути они кормятъ оленей,— тамъ-то, соображаясь съ разстояніемъ, и полезно будетъ устроить казармы, хотя бы на подобіе уже существующихъ. Само собою разумѣется, въ новыхъ казармахъ не лишнее сложить кирпичныя печи, приспособленныя къ варкѣ пищи, дабы поморы не разводили огня на стужѣ; причемъ, для отопленія помѣщенія, не мѣшало-бы поставить чугунныя печи норвежской системы, которыя требуютъ гораздо меньше дровъ и долго держатъ въ себѣ теплоту.

Выше было указано, что лѣтняя и зимняя дороги, отъ Экостровской станціи, идутъ вмѣстѣ 12 верстъ; теперь слѣдуетъ сказать, что, близъ упомянутой казармы, онѣ снова расходятся.

Когда мы оставили казарму, вѣтеръ уже утихъ. Имандра приняла гладкую зеркальную поверхность, отражая въ себѣ перистыя облака, едва замѣтно двигающіяся по небосклону. Солнце жгло ужасно. Свѣжо припоминая прошлую утреннюю

зарю, на которой все было покрыто бѣлесоватостью, похожею на морозъ, надо было удивляться такому рѣзкому переходу въ температурѣ. Мы плавно подвигались на карбасѣ; предъ нами проходили однообразные берега Имандры, песчаные, каменистые, съ мелкимъ лѣсомъ. Такъ проѣхали 14 верстъ и прибыли въ Зашеечную земскую станцію, съ которой путь лежалъ уже по р. Нивѣ, впадающей въ Кандалакшскій заливъ. Мы остановились на лѣтней станціи, а зимняя стоитъ

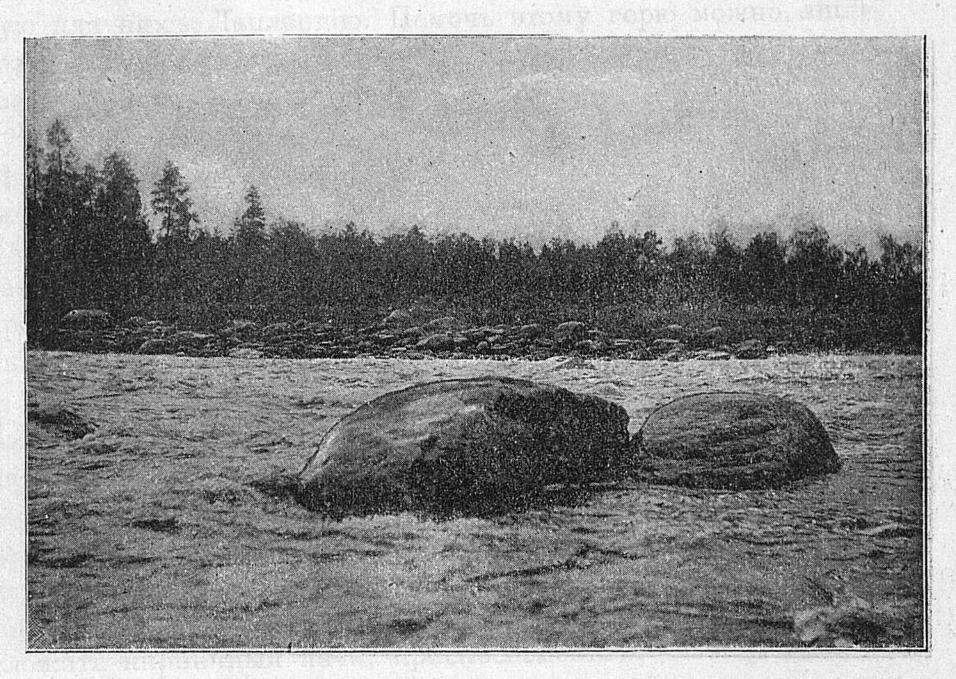

Гора Лѣсная по берегу р. Нивы.

на другомъ берегу р. Нивы. Вслѣдствіе порожистости этой рѣки, проѣздъ по ней невозможенъ и мы пошли, тайболой, 6 верстъ. По всему сухопутью, за исключеніемъ какихъ-нибудь 100 саж., настланы мостки; но они до того сгнили и разрушились, что идти по нимъ приходится съ крайней осторожностью; въ иныхъ мѣстахъ, мостки вовсе не отвѣчали-бы своему назначенію, если-бы прохожіе не набросали прутьевъ и жердей. Главнымъ образомъ, гнилые мостки опасны тамъ, гдѣ они перекинуты чрезъ ручейки, потому что, идя по нимъ, путникъ рискуетъ очутиться во рву съ водою. Съ обѣихъ

сторонъ этого пути тянулся сосновый лѣсъ. На указанномъ разстояніи, мы обходили порогъ р. Нивы, и такъ какъ дорога лежала вблизи берега, то шумъ воды въ порогѣ мѣшалъ перекликаться съ лопарями, которые, нерѣдко, оставались позади меня.

Когда мы сѣли въ карбасъ, порогъ былъ меньше, но вода на немъ все еще крутилась и бурлила. Карбасъ понесся по узкому фарватеру; на днѣ, сквозь прозрачную воду, вид-

Парогъ на р. Нивѣ.

нѣлись камни. Надо было имѣть хорошаго кормчаго, чтобы управлять утлымъ суденышкомъ; плохой кормчій направитъ карбасъ въ сторону или не угадаетъ фарватера, и судно легко можетъ разлетѣться вдребезги.

Вскорѣ мы вступили въ плесъ р. Нивы, называемой Пинозеромъ. Берега озера казались отлогими, съ растущимъ мелкимъ лѣсомъ. Этимъ озеркомъ мы плыли 5 верстъ и снова вышли на берегъ, чтобы обойти новый порогъ. Въ этомъ мѣстѣ, лѣтняя и зимняя дороги сходятся и идутъ вмѣстѣ до самой Кандалакши. Тайбола тянулась не болѣе 4 вер., и путь

лежалъ частью, по сноснымъ мосткамъ. частью, по такимъ, которые представляютъ собою жалкія гнилушки, такъ что прохожіе пробили свою тропу, за ненахожденіемъ сухихъ мѣстъ, сухую, топкую, по болотамъ. По тропѣ попадаются совершенно рискованныя мѣста, заваленныя чурками, гнилымъ пластинникомъ и пр.; поэтому, приходилось прыгать и, не разъ, попадать въ болото. Опять сѣли въ карбасъ, проплыли послѣднія 4 версты, той-же р. Нивой, а затѣмъ,

Самый большой по р. Нивѣ.

пошли пѣшкомъ до самаго селенія Кандалакши, 12½ верстъ, потому что, въ низовьяхъ, р. Нива почти сплошь порожистая, и плаваніе по ней сопряжено съ большой опасностью. Въ общемъ, путь по послѣдней тайболѣ оказался порядочный, а мѣстами, гладкій, сухой, проложенный среди толстыхъ, высокихъ сосенъ.

При самомъ началѣ пути, поднялись болѣе 2 верстъ на гору Умбачиху, гдѣ воздухъ былъ значительно рѣже и холоднѣе. Послѣ, почти все время, шли по берегу рѣки; въ иныхъ ея мѣстахъ, пороги были до того сильные, что вода

въ нихъ кипѣла, точно въ котлѣ, оглашая окрестности страшнымъ шумомъ. Въ одномъ мѣстѣ, я остановился на высокомъ, крутомъ берегу и любовался прекраснымъ видомъ. На противуположномъ берегу, высились Кандалакшскія горы: Средняя, Желѣзная и Волосная, покрытыя внизу густымъ лѣсомъ; глубоко, въ берегахъ, бѣжала р. Нива по камнямъ; вода перекатывалась черезъ нихъ бѣлыми гребнями, рвалась, металась и неистово, съ какимъ-то отчаяніемъ, шумѣла; частые пороги производили массу гребней, а послѣдніе, издали, придавали рѣкѣ такой видъ, будто-бы, она покрыта сплошнымъ бѣлымъ покровомъ.

На 4-й верстѣ, показался храмъ с. Кандалакши.

Такимъ образомъ, разстояніе, въ 220 в., я прослѣдовалъ ровно въ четверо сутокъ. Это было весьма счастливо—и удается очень немногимъ. Главное—Имандра была спокойна; а чаще оно бываетъ бурная и опасная.

Изъ разсказаннаго видно, что я шелъ, пѣшкомъ, тайболами, и плылъ, на карбасѣ, по рѣкамъ и озерамъ; поэтому укажу, сколько, вообще, я прошелъ и проплылъ.

	пѣшкомъ.	водою.
Отъ г. Колы до Зашеечной.	3 в.	—
„ Зашеечной до р. Шонгуя.	— „	17 в.
„ р. Шонгуя до Кицкой станціи . .	17 „	— „
„ Кицкой ст. по р. Колѣ	— „	2 „
Обходомъ кольскихъ пороговъ	4 „	— „
Мурдозеромъ до тел. избы	— „	20 „
Отъ телеграфн. ст. до ст. Пулозера. .	4 „	— „
Пулозеромъ	— „	12 „
Обходомъ кольскихъ пороговъ.	4 „	— „
Колозеромъ до Масельской ст.	— „	10 „
Отъ Масельской станціи до водораздѣла, Колозеромъ	— „	5 „
Водораздѣльнымъ перешейкомъ	½ „	— „
Отъ водоразд. перешейка оз. Пермесомъ.	— „	14 „
„ оз. Пермеса до оз. Имандра	4 „	— „
Озеромъ Имандрой до Расноволоцкой ст.	— „	12 „
Озеромъ Имандрой до земской избы. .	— „	25 „

Отъ земской избы до Экостровской ст., озеромъ Имандрой	— в.	10 в.
Отъ Экостровской ст. до поморской казармы	— „	— „
Отъ поморской казармы до Зашеечной станціи, озеромъ Имандрой	— „	14 „
Тайболой, вдоль р. Нивы.	6 „	— „
Пинозеромъ	— „	5 „
Тайболой, для обхода р. Нивы	4 „	— „
Рѣкой Нивой	— „	4 „
Для обхода нивск. пороговъ, тайболой	12½ „	„
	59 „	161 „

Итакъ, я проплылъ, по рѣкамъ и озерамъ 161 версту и, при обходѣ пороговъ, прошелъ 59 верстъ, изъ коихъ, впрочемъ, ½ версты приходится на водораздѣльный перешеекъ. Слѣдовательно, Кольская губа соединяется съ Кандалакшской совершенно прямою системою лапландскихъ водъ,—и къ сожалѣнію, только на 59 верстъ, заваленныхъ камнями.

7-го августа, въ 9 ч. вечера, я прибылъ въ с. Кандалакшу, а на другой день отправился, на пароходѣ, чрезъ Бѣлое море.

[illegible]

Обходомъ [illegible] 4

Мурдозеромъ до тел. [illegible] . . . . . — „ 20

Отъ телеграфн. ст. [illegible] ст. Пулозера . . . 4 —

Пулозеромъ . . . . — „ 12

Обходомъ [illegible] . . . . . . 4 —

Колозеромъ до Масельской ст. . . . . — „ 30

Отъ Масельской станціи [illegible]

[illegible] . . . . [illegible]

Водораздѣльнымъ перешейкомъ . . . . . [illegible]

Отъ водораздѣльнаго перешейка Перемезомъ — „ 1[illegible]

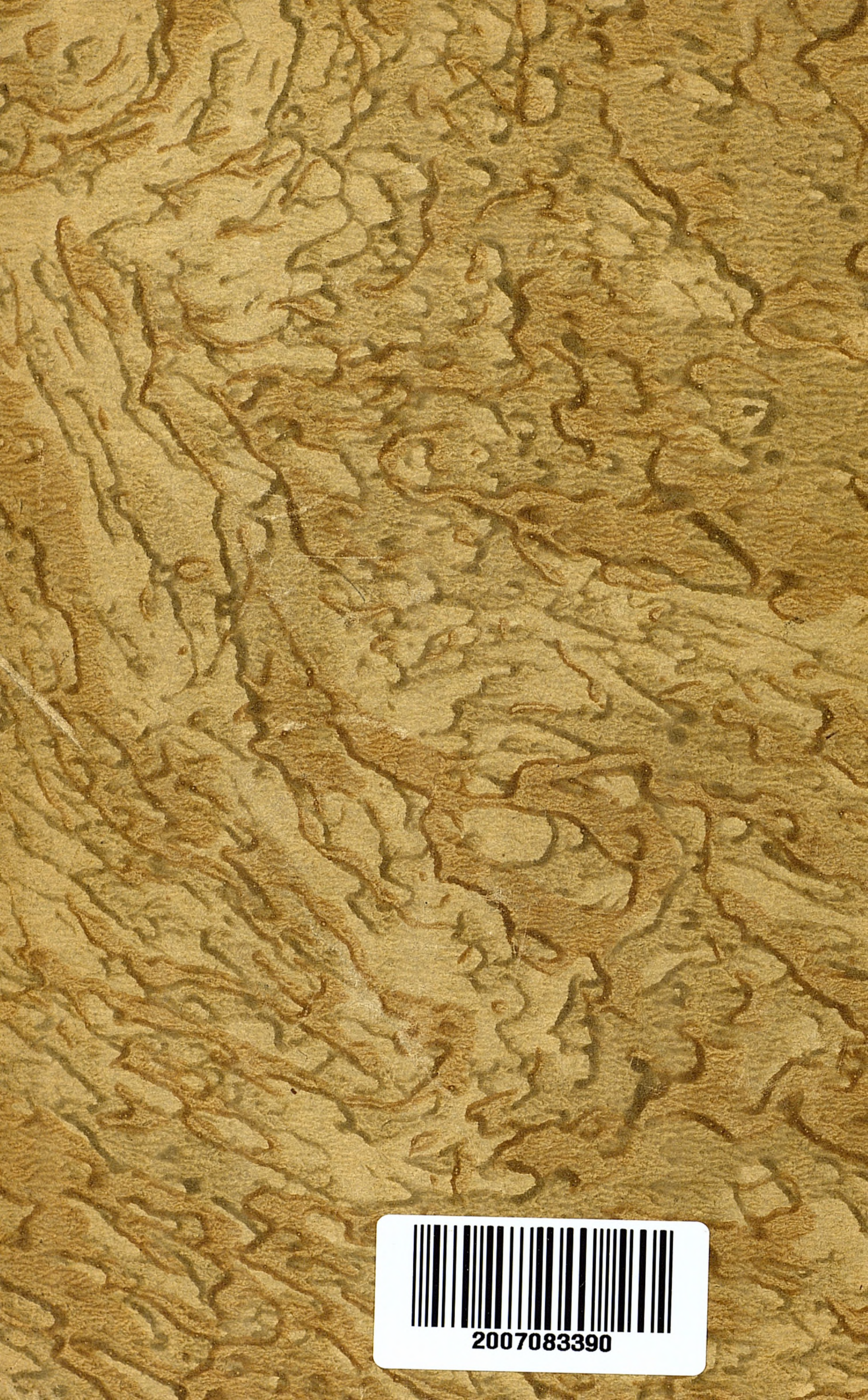
„ оз. Перемеза до оз. Имандры . . . . 4 —

Озеромъ Имандрой до [illegible] . . . . — „ [illegible]

Озеромъ Имандрой до земской избы . . . — „ 25

Цѣна 1 руб. 50 коп.

56 – (снять)
60, 61 (снять)
63-64 – "
280 (–")

2007083390